

Бестселлер Нью-Йорк Таймс

http://vk.com/bookish_addicted

Загадочные
кости

Уильям Риттер

Долгожданное продолжение «непринужденного и уверенного дебюта», раскрывающее «яркий мир» с «неотразимыми персонажами», чье первое захватывающее приключение «зародило потребность узнать, что было дальше». «В то время, когда мы были знакомы, все что касалось частного детектива Р. Ф. Джекаби, я не могла бы назвать обыкновенным. Должность его ассистента подразумевала гибкие отношения с реальностью». Нью Фидлхэм, Новая Англия, 1892. Происходящее здесь на проверку оказывается совсем не тем, чем считалось изначально. Особенно когда Эбигейл Рук и ее эксцентричный работодатель Р. Ф. Джекаби отправляются расследовать сверхъестественное. Сначала злобные оборотни замаскировали себя под помет котят, а днем позже их владелец был найден мертвым с таинственной колотой раной. Затем рядом с Гадовой Долиной, которая стала домом для бывшего детектива полиции Нью Фидлхэма Чарли Кейна, пропали кости динозавра из недавних раскопок. А неопознанный зверь стал нападать на животных и людей, оставляя повсюду их искромсанные тела. Чарли обращается за помощью к Эбигейл, и вскоре Эбигейл и Джекаби начинают охоту на вора, чудовище и убийцу.

Глава Первая

— Делайте как я, мисс Рук, — сказал Джекаби, стуча в резную дверь под номером 1206 на улице Кэмпбелл.

Если бы мой работодатель был обыкновенным частным детективом, эту фразу можно было бы принять за простую инструкцию. Но проработав у него уже какое-то время в качестве помощника, я поняла, что всё, касающееся Джекаби, нельзя было назвать «обыкновенным». Призыв следовать его примеру подразумевал более гибкие отношения с действительностью.

Высокий и долговязый, Джекаби плыл в своем длинном коричневом пальто. Не исключено, что когда-то давным-давно это был дорогой предмет одежды, но теперь же пальто имело весьма потрепанный вид внутри и снаружи. Кроме того, оно позвякивало мириадами склянок, отягощавших все имеющиеся карманы наряду с какими-то сомнительными мешочками, пакетиками и странными инструментами, которые, как утверждал Джекаби, просто необходимы были в его работе. Шею обматывал нелепый длинный шарф, концы которого волочились по булыжникам.

Голову с растрепанными темными волосами венчало главное нарушение общественного порядка. Чудовищная связанная шапка Джекаби, больше напоминавшая мешанину неровных петлей, стежков и цветов. Но удивительным образом шапка прекрасно сочеталась с шарфом, а шарф отлично подходил к пальто. Но увидев эту шапку на вешалке, сложно было представить, что её вообще кто-то мог бы надеть.

Внешность Джекаби не отталкивала. Как правило, он был чисто выбрит и от него всегда пахло гвоздикой и корицей. Будь он одет в хорошо скроенный костюм, то наверняка обратил бы на себя внимание какой-нибудь благовоспитанной девушки. Но в этом своём странном одеянии он очень смахивал на городского сумасшедшего. Он любил напоминать мне, что «внешность — не главное», но осмелюсь заметить, что она немаловажна. Мой работодатель может быть очень упрямым в некоторых вещах. На самом деле, в большинстве вещей.

Но женщина, которая открыла нам дверь, казалась слишком занятой своими собственными проблемами, чтобы обращать внимания на дурацкие шляпы. Довольно скоро

мы с Джекаби стояли в изящно мебелированной гостиной. Дом был похож на большинство королевских усадеб, по которым мама таскала меня в детстве. Мой отец был кем-то вроде исследователя — может быть, вам приходилось слышать об отважном Дэниеле Руке, — но моя мать предпочитала традиции и цивилизацию.

Мать в полной мере воспользовалась известностью моего отца, чтобы проложить себе дорогу на бесчисленные чаепития в лондонских садах. Она и меня брала с собой в надежде, что немного выдержки сделают из меня истинную леди. Но вместо этого я жалела, что не могла пойти на улицу и порыться в грязи, как отец.

В некотором смысле, в Новой Англии не было ничего нового. Наша нынешняя хозяйка дома выглядела так, словно чувствовала себя как рыба в воде в этих общественных кругах моей матери. Она представилась как Флоренция Бомон и предложила взять у нас верхнюю одежду. Но Джекаби категорически отказался за нас обоих. Я предпочла бы, чтобы он этого не делал, потому что в помещении после пронизывающего ветра на улице казалось очень жарко. Весна 1892 пришла в Нью Фидлхэм, но еще не успела прогнать все зимние порывы воздуха.

Миссис Бомон привела нас к небольшой нише в задней части комнаты. В нише лежала стопка одеял, маленький розовый ошейник с колокольчиком и парочка серебряных мисок на белых салфетках. В одной из мисок лежало нечто напоминающее кусочек тунца, а в другую была налита вода, много кошачьей шерсти и живая рыба. Рыба нервно и неловко кружила в миске, будучи практически такого же размера, что и посудина.

Джекаби присел на корточки, опираясь локтями на колени, и уставился на воду. Он понаблюдал за движением рыбы, которая в тесноте сделала несколько кругов, а потом взял немного кошачьей шерсти с ободка миски и понюхал её, после лизнул, а затем затолкал к себе в карман куда-то в недра своего пальто.

Я выхватила маленький черный блокнот, который Джекаби подарил мне по окончании нашего первого дела, постаравшись, чтобы миссис Бомон не заметила, что я все еще на первой странице.

— В Вашем сообщении было сказано что-то о больной кошке? — подтолкнула я к диалогу женщину, пока мой работодатель тыкал пальцем в липкие объедки в другой миске. — Уверена, мистер Джекаби захочет увидеть животное.

Губы женщины дрогнули.

— Миссис Н-непоседу?

— Да, и где сейчас миссис Непоседа?

Миссис Бомон попытался ответить, но получился какой-то нечленораздельный, не поддающийся расшифровке, писк, поэтому она махнула рукой в сторону ниши.

Джекаби поднялся.

— Миссис Непоседа все еще здесь, не правда ли?

Женщина кивнула.

— Миссис Непоседа — это рыба, не так ли?

Она снова кивнул.

— Только с недавних пор.

Она шмыгнула носом.

— Понятно, — сказал Джекаби.

Его прозаичный ответ, прорвал платину этой женщины.

— Вы, наверное, считаете меня сумасшедшей! Я не знаю, к кому можно еще обратиться,

но я уже не раз слышала ваше имя. Видите ли, я устраиваю приемы. Ко мне приходят очень видные люди. Только на прошлой неделе здесь пил чай сам мэр Спэйд. Некоторые люди, с которыми я обедаю, говорят, что Вы специализируетесь на вещах, которые... несколько... непривычны...

— Мягко говоря, — вмешалась я.

— Приятно слышать, мадам, что у меня такие высокопоставленные рекомендаторы, — сказал Джекаби, обращая все свое внимание обратно на большую рыбину в миске.

— О, вообще-то я бы не сказала, что эти люди рекомендовали вас, — добавила она. — Скорее они рассказывали анекдоты о Вас, а кто-то даже предупреждал меня...

— Да-да, всё это очень занятно. — Внимание Джекаби сосредоточилось вновь на его расследовании. Он рухнул на четвереньки, чтобы получше присмотреться к стопке одеял.

— Я всегда так заботилась о миссис Непоседе, — продолжала причитать женщина. — Я расчесывала её и купала, и покупала для неё самую дорогую кошачью еду. Я даже приносила ей время от времени свежую рыбу с рынка Чэндлер. Сначала я думала, что ей просто нехорошо из-за её... ну... состояния. Но потом она стала обрастать ч-ч-чешуёй, и вот теперь... теперь... — Миссис Бомон вновь сломалась, её голос дрогнул и зазвучал неприятной высокой октавой.

— Её состояния? — спросила я, пытаюсь сподвигнуть её рассказывать дальше. — Что еще за состояние миссис Непоседы?

— Она была беременной, — ответил Джекаби вместо миссис Бомон.

Женщина кивнула.

— Откуда вы узнали? — спросила я.

Джекаби отогнул край одеяла, чтобы продемонстрировать восхитительных, спящих котят. То тут, то там через мех просматривалась чешуя. У самого маленького были видны жабры, которые опускались и поднимались вместе с дыханием. Но несмотря ни на что, котятки были прелестны.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но до недавнего времени миссис Непоседа свободно бродила по ночам? — спросил Джекаби.

Женщина моргнула и вновь собралась.

— Да-да, всё верно. Чаще всего я оставляла на ночь открытым окно, и миссис Непоседа любила выпрыгивать в него, но утром она всегда возвращалась домой. Но в прошлом месяце я решила, что лучше пока подержать её дома, по крайней мере, пока она не разрешится. Да и на улице стоял мороз. Не хотела бедняжку моро...

— Да, все это очень хорошо, — прервал её Джекаби. — Вы упомянули, что изредка покупали для неё рыбу на рынке. И будет верно, если я скажу, что в последнее время вы баловали её чаще такими кусочками?

— Я просто хотела, чтобы она была счастливее, а запертой в помещении, как...

— Всегда один и тот же вид рыбы?

— Эээ... ну да. Макрель с рынка Чэндлер. А с ней что-то не так?

— Напротив, миссис Белмон...

— Бомон, — поправила она его тихонько.

— Напротив, миссис Бомон, возможно, это пустяк. Не беспокойтесь. Мы проследим за тем, чтобы о животных должным образом позаботились.

— Вы и котят забираете? — недоуменно спросила она. У нее округлились глаза, а губы задрожали.

Джекаби вздохнул.

— Дайте мне минутку, чтобы посоветоваться с моим уважаемым коллегой. — Он жестом указал мне, чтобы я подошла ближе, пока миссис Бомон заламывала руки.

Джекаби подался вперед и зашептал так, что любой, находящийся рядом человек, мог, даже не желая этого, легко его услышать:

— Мисс Рук, по шкале одного к гранату, насколько, по вашему мнению, опасна ситуация?

— Опасна? — нерешительно спросила я.

— Да, мисс Рук, — требовательно проговорил Джекаби, — выскажите свое экспертное мнение.

— В масштабе одного к гранату? — Я последовала его примеру, сверилась с записями в блокноте и заговорила авторитетным и серьезным шепотом: — Мне кажется... желудь? Ну, может быть, барсук. Только время покажет.

Мой работодатель торжественно кивнул.

— Что? В чём дело? Вы не могли бы изъясняться... понятнее? — Миссис Бомон переступила с ноги на ногу, теребя кружевной воротник, пока Джекаби обдумывал свой ответ.

— Заражение, мадам. Вирусная инфекция, никаких сомнений. Она вами полностью овладела, но не волнуйтесь, скорее всего, вы просто переносчик. Очень маловероятно, что вы заметите в себе какие-либо её симптомы. Важнее сейчас убедиться, что помёт больше никого не заразит.

— Неужели все так плохо? — спросила она. — М-может, нужно рассказать полиции... или офицеру по контролю за животными?

— Почему нет, если хотите. — Джекаби задумался. — Но будет лучше, если мы, не привлекая внимания общественности, просто заберём миссис Непоседу и её помет к себе. Я не эксперт в развлечениях, но не думаю, что кто-то из высшего общества обрадуется новости, что среди них есть переносчик экзотической вирусной чумы. Кстати, как поживает мэр Спэйд?

Миссис Бомон шмыгнула носом. Ей потребовалось время, чтобы переварить слова детектива.

— Давайте я принесу миску побольше, — пискнула она. — Я хочу, чтобы миссис Непоседе было удобно. — И шмыгнув еще раз, она скрылась в недрах дома.

Некоторые девушки работают в магазинах или торгуют цветами. Другие находят себе мужей и играют в дочки-матери. А я помогаю чокнутому детективу в расследовании необъясненных явлений — таких как рыба, которая должна быть кошкой, но забыла, как это. Меня зовут Эбигейл Рук, и вот чем я занимаюсь.

Глава Вторая

Спустя всего несколько минут мы уже шагали к себе с коробкой подозрительных животных из семейства кошачьих и большой хрустальной чашей для пунша, заполненной пресной водой, в которой плавала слегка волосатая макрель. Джекаби благородно решил нести котят.

Из узких переулков то и дело вырывался холодный ветер Новой Англии, заставляя меня острее чувствовать влажное пятно, расплзающееся по моей блузе в том месте, где я прижимала к груди миску с хлюпающей водой.

— Сэр, что за представление вы там устроили? — спросила я, одновременно пытаясь не позволить всей рыбной воде впитаться в мою блузу.

— Представление? — Джекаби изогнул бровь.

— Один к гранату? И я теперь эксперт, да?

— Насколько я понимаю, вы в своем роде эксперт, хотя в довольно однообразной области копания и изучения древних пород. Я счёл это уместным на тот момент.

— Палеонтология — это не геология. Я изучала окаменелости, а не древние породы. Спасибо.

— А, ну да, окаменелости. Иными словами, кости, которые на протяжении многих тысяч лет минерализируются и превращаются... во что?

— В камень.

— В камень. А камень... разве не порода?

— Ой, всё. Не знаю, квалифицирует ли проваленная экспедиция меня как эксперта, но я бы предпочла, чтобы вы не использовали мои скудные навыки для обмана старушек.

— Я буду это иметь в виду, когда сочту их вновь необходимыми.

— Спасибо. Кстати говоря, разве дом не должен быть на карантине или вроде того? — спросила я, оглядываясь на величественное старое строение.

— Это ещё зачем? — спросил Джекаби, нежно почесывая оранжевый нос, выглянувший из коробки. — Ааа, вы об этой чуме. Нет, нет — нет никакого вируса. Не о чем беспокоиться. Просто я счёл, что это меньше шокирует бедняжку, чем правда.

— И в чем же *эта* правда заключается?

— Вездесущая плотоядная форма оборотня. Короче говоря, перевертыш. О, смотрите. У этого есть пушистый спинной плавник! Привет, малыш.

Я замерла как вкопанная. Через край чаши для пунша выплеснулась вода, и макрель самозабвенно закружилась.

— А не могли бы вы, сэр, повторить то, что сейчас сказали, только помедленнее?

— Да не о чем беспокоиться, — сказал Джекаби. — Сейчас я с радостью всё объясню. Спинной плавник растет из хребта вдоль его спины. Просто наблюдая за...

— Не про плавник! А про вездесущую плотоядную форму оборотня?

— Ах, да! Это соматический камуфляж. Разве это не чудесно? Эти маленькие твари — в высшей степени — прекрасные агрессивные имитаторы. Они физически приспособляются, принимая вид локального источника пищи, проникают в свою жертву, позволяя своим невольным хозяевам обеспечивать их комфортной средой, защитой и дополнительными питательными веществами. А потом, когда они завоевывают их доверие — пожирают. Похоже, миссис Непоседа любила перекусывать кошками, пока сама не оказалась на их месте.

— Но это ведь ужасно!

— Отнюдь. Это природа. Кукушки тоже агрессивные имитаторы — гнездовые паразиты — и эти маленькие паршивцы увековечены в часах.

— Ээ-э... ну допустим, — Я вновь зашагала, присматриваясь к макрели, когда мы переходили дорогу. — Тем не менее, довольно тревожно думать о кошке, которая сожрала других кошек.

— Рук, это не канныбализм, а камуфляж. В ваших руках доказательство того, что животное вообще не было кошкой. Как только она была вынуждена определить новый, регулярный источник пищи, её тело адаптировалось.

— Так значит они... эти существа, как по мановению волшебной палочки, могут превращаться в создания, которых употребляют в пищу?

— Рук, нет тут никакого волшебства. Это наука. Способность некоторых существ приспособливаться к окружающей среде. Сам Аристотель описал механизм маскировки осьминогов. Они самопроизвольно могут менять цвет.

— Как хамелеоны?

— Именно. Здесь же очевидно биологический механизм сложнее, но мало чем отличается от хамелеона, меняющего цвет кожи. На самом деле, Дарвин окрестил этих маленьких существ хамелеоморфами, ссылаясь на меняющих цвет ящериц. Неправильное употребление, конечно, поскольку термин хамелеон относится не к адаптации, а скорее в переводе с латыни означает «Лев земли», но такова традиция обозначения одного животного за другим.

— Этого не может быть. Чарльз Дарвин никогда не открывал изменяющих форму животных. Он бы написал об этом.

— Да-а? — Мы поднялись на холм рыночной улицы, и Джекаби лукаво улыбнулся, когда мы начали спуск. — А не написал?

В Джекаби было нечто-то такое, от чего мне захотелось произвести на него впечатление. Возможно, не терпящее возражений высокомерие или его откровенная манера вести разговор, а, может, отсутствие какого бы то ни было притворства, когда он разговаривал со мной. Справедливости ради замечу, что Джекаби мог быть откровенно наглым и некорректным, но обращаясь со мной, как с ребенком, он умудрялся оскорбить еще сильнее. Мне так хотелось доказать ему, что я что-то собой представляю, и Джекаби дал мне этот шанс. Я собиралась изложить остроумное возражение на ухмылку моего работодателя или, по крайней мере, внести свой весомый вклад в завязавшийся разговор. Но к сожалению, не всегда получается, как бы нам того хотелось.

Вместо этого стоило мне открыть рот, как мой каблук зацепился за обломок кладки, и я неуклюже растянулась на улице, вылив на себя воду, пустив хрустальную миску для пунша — и ее несчастную обительницу — в полет по оживленной улице.

Хрусталь каким-то чудом выдержал неожиданное падение и ухабистый полет по кварталу, подпрыгивая по мощеной улице, словно катясь на санках. Улицы Нью Фидлхэма никогда не бывают пусты, и полдюжины прохожих наблюдали за полетом миски, пока дорога не свернула в сторону, и та не врезалась в поворот. Пешеходы бросились врассыпную, когда миска взорвалась у них под ногами, осыпая небольшой магазинчик кожаных изделий дорогостоящей шрапнелью. Последние осколки еще не успели упасть, а я уже была на ногах.

Перепуганная макрель плюхнулась и заскользила по мокрым камням. Стоя в начале улицы, я все же могла видеть, как она балансировала на краю ливнестока. Бормоча под нос проклятия, я из последних сил надеялась, что рыба просто застынет на месте. *Может, хотя бы раз мой провал обернуться чем-то простым, а не превращаться в тяжкое испытание? Неужели я о многом прошу?* Время замедлилось, и маленькая чешуйчатая паразитка подпрыгнула вверх, описав дугу над решеткой.

В тот самый момент, когда мой провал казался абсолютным, ко мне пришло спасение в лице мужчины с густой бородой. Его толстые пальцы с невероятной сноровкой ухватили рыбину за хвост. Удерживая её одной рукой, второй он подхватил меня, помогая остановиться. Когда я, наконец, твердо встала на ноги, мужчина рассмеялся громким гулким смехом и хлопнул меня по плечу.

— Ха! Поймал, — его рот, скрытый густой, жесткой бородой, растянулся в широкой улыбке.

— Улов дня, Хадсон, — раздался позади меня голос моего работодателя.

— Ишь ты! Неплохая макрелька — правда, думаю, она еще растёт. Придется отдать её!

Ха! — Мужчина снова громко рассмеялся и хлопнул меня по спине так энергично, что я едва-едва устояла на ногах. — Если рыба научилась летать, то это определенно твоих рук дело! Рад был повидаться, Р.Ф. О, кстати... давай-ка напоим этого приятеля. Пстой-ка.

Гороподобный мужчина тяжелой неуклюжей поступью зашагал к кожаной лавке и протиснулся внутрь, не выпуская из рук извивающуюся рыбину. С моей блузки капала вода. Когда я развернулась к своему работодателю, под ногами звякнули осколки стекла.

— Мистер Джекаби, я...

Он сурово смотрел на меня.

— Мне так жаль, — сказала я.

Он не отводил глаз. Его брови поползли вверх.

— Мне очень, очень-очень жаль.

Он вздохнул.

— Количество «очень» в вашем извинении не влияет на дело. Мисс Рук, что вы видите, когда смотрите на этих существ? — он протянул мне коробку, и маленькая мохнатая мордочка из любопытства высунулась наружу.

— Я вижу... котят.

— А хотите знать, что вижу я?

Я кивнула. Джекаби не был обычным детективом. Он брался за дела, которые не смог бы распутать ни один из обычных детективов, бросаясь в фантастические погони, выходя за рамки общепринятых норм морали. Джекаби был невероятно хорош в раскрытии паранормальных и запутанных явлений — никто не мог похвастаться, кроме него, такой библиотекой по оккультизму и такими обширными познаниями по неизведанному — потому что сам Джекаби был невероятным и паранормальным. Все то, что мы с вами видели только поверхностно, он видел иначе. Он мог проникнуть в суть вещей. Он сказал, что это делает его «Провидцем» — хотя толкование этого понятия отнюдь не имеет ничего общего с гадалкой по картам Таро или к шарлатану с магическим кристальным шаром. Джекаби видел истину в каждой вещи, в каждом человеке.

— Что же вы видите? — спросила я.

— Я вижу ещё до конца нераскрытый, нецеленаправленный потенциал: они совершенно точно кипят им. Это не обволакивает их кожу как обычная аура. Оно трещит и искрится, и бурлит. Пока они очаровательны и в меру послушны, но со способностью к несметным разрушениям. Дарвин впервые обнаружил маленьких хамелеоморфов на острове Маврикии. Вы не найдете упоминание об этом ни в одном из школьных учебников. Там же он обнаружил еще птиц — пока что-то не истребило их. Голландские матросы называли их walghvogels — «омерзительные птицы». Согласно некоторым старым отчетам, включая секретное досье, составленное лично Дарвиным, они были свидетелями пожирания себе подобных. В течение полувека со времени их обнаружения, птицы были ликвидированы. Возможно, вы знаете их под более распространенным названием — Додо.

— Думаете, котята пойдут проторенной дорожкой Додо, если я позволю по недосмотру одной из этих хамелеонов-морфов сбежать?

— Сегодня они кошки, но вы сами видели, что завтра они могут превратиться во что

удобно. Моя точка зрения такова: появление иностранного хищника, особенно с такой напряженностью скрытого потенциала, может иметь разрушительные последствия для местной экосистемы.

Крупный, волосатый мужчина вынырнул из кожаной лавки, и наша дискуссия подошла к концу.

— Приветик, Джекаби! Ты должен одному парню внутри швабру и ведро. Не переживай, я устроил её, хорошо прополоскал. — Он протянул помятое жестяное ведро, и я сделала шаг вперед, чтобы благодарно принять его. Рыба крутилась внутри, вновь в тесноте, но на вид была цела и невредима. — А ты кто еще такая, барышня?

— Эбигейл Рук, сэр. Я, правда, очень вам благодарна.

— Ого... британка! Смотри в оба, Джекаби. Ты можешь ненароком выучиться немного хорошим манерам, работая с нею. Меня зовут Хэнк Хадсон, мисс Рук.

Он протянул руку, и я пожалала её. Мужчина был одет в толстый коричневый плащ с широкими лацканами и ботинки, в которых впору пересечь континент. Мужчина представлял собой гору потертой кожи и от него пахло лошадыми и костром. Он очень походил на косматого, американского, гороподобного мужчину, про которого я читала, будучи маленькой девочкой, только Дэви Крокетт никогда не выглядел настолько массивным на страницах моих журналов.

— Господин Хадсон — опытный зверолов и мой дорогой компаньон, мисс Рук. И как давно вы вернулись в Нью Фидлхэм, друг мой? — Джекаби примостил коробку с котятками на бедре и протянул руку, но Хэнк Хадсон заключил его в быстрые объятия, мощно пошлепав по спине, пока мой работодатель неуклюже пытался не выронить коробку на брусчатку.

— Я сюда ненадолго. Год провел в Оклахоме на красивейших землях Чероки. Там славно охотиться, но у меня теперь есть хижина в Гадовой Долине. Как только распрощаюсь с кое-каким товаром, отправлюсь обратно. Рад, что мы с тобой встретились. У меня есть хорошие травы от спекулянтов, которые тебя могут заинтересовать. О... слушай, и у меня еще при себе шаманское колесо стихий Чероки, может тебе это будет интересно. Будешь здесь вечером?

— Да, несомненно. Я все еще проживаю на Огр Лейн. Помните этот дом?

— Как же не помнить, такое разве забудешь?! — Господин Хадсон подмигнул Джекаби, что меня заставило задуматься, знал ли он обо всех нюансах странного дома Огр Лейн. — Тогда до скорого. Рад был познакомиться, барышня.

Он поправил свою меховую шапку и потопал прочь по тротуару в противоположном направлении. А мы с Джекаби продолжили наш путь в сторону Огр Лейн. Теперь я старалась еще внимательнее смотреть себе под ноги и не выронить ведро. Я надеялась, что Джекаби объяснит, при каких обстоятельствах он познакомился со звероловом, но детектив молчал. По выражению его лица я не могла понять: обидела ли его моя неуклюжесть или это было просто его обычное асоциальное поведение.

Я столько всего не могла прочесть по лицу Джекаби. У него всё время было такое непроницаемое выражение лица, что я просто совершенно упустила из виду тот факт, что совсем ничего не знаю о своем работодателе. Например, я обратила внимание, что мистер Хадсон обратился к нему по инициалам, когда как остальные просто звали его «Джекаби».

— Что означает Р.Ф.? — спросила я, когда мы пересекали деловой квартал, неподалеку от Огр Лейн.

Он повернул голову, и в течение нескольких долгих секунд таращился на меня, прежде чем ответить.

— Я в своей работе расследую мистические события и всевозможные магические вопросы, что требует поддержания определенных защит сверхъестественного характера.

— Вы имеете в виду такие, как чеснок или лаванду, которые раскладывают вокруг земельного участка?

— Это не лаванда, а ирландский белый вереск... но да, вроде того, — ответил он. — У имен есть сила. Для заготовителей некоторых очень старых, очень темных искусств, имена добровольно сказанные, равносильны струнам, за которые дергают марионеток. Я предпочитаю сохранять свое имя в строжайшей тайне.

— Я обещаю не превращать вас в злобную куклу, — сказала я. — Да я всё равно не знаю, никаких тёмных магических обрядов. Я даже не владею ни одним карточным фокусом.

— Это, безусловно, обнадеживает, и всё же я оставлю эту информацию при себе. Я переживаю не из-за вас, мисс Рук, — добавил он, — но вопрос закрыт. Я даже Дженни не сказал своего полного имени, а она не только исключительно надежна, но и мертва.

Дженни Кавана была одной из тех своеобразных подробностей дома на Огр Лейн. Тот дом когда-то принадлежал ей — и она осталась там даже после своей безвременной и загадочной кончины. Мой работодатель ни словом не выказал протест на её присутствие и вскоре она стала просто еще одним обитателем дома. Несмотря на ее мрачную историю, Дженни была самым приятным призраком, которого только можно пожелать встретить. Она стала моей наперсницей и таила в себе гораздо меньше тайн, чем мой загадочный работодатель.

— Могу я попробовать угадать? — спросила я.

Джекаби закатил глаза.

— Вы можете делать, что угодно. Это все равно не изменит моего решения.

— Это ... Ричард Фредерик?

— Нет, и я не собираюсь...

— Рассел Френсис?

— Нет. Вы...

— Румпельштильцхен Финеган?

Джекаби вздохнул.

— Да, мисс Рук. Румпельштильцхен. Вы угадали. Я хитрый бесенок из детских сказок.

— Это было бы не самым странным из того, что вы рассказывали мне за все время моей работы на вас.

Глава Третья

Стоило нам только вернуться домой на Огр Лейн, как Джекаби немедля заперся в своей лаборатории. Я предложила ему помощь с маленькими, мохнатыми хамелиоморфами, но он прогнал меня, махнув рукой, и пинком захлопнул за собой дверь.

Я прошаркала вниз по изогнутому коридору и уселась за свой стол в фойе, решив отдалиться повседневной рутине. Груда измятых бумаг и квитанций Джекаби требовала, чтобы её разобрали и привели в порядок, но минуты тянулись, а мой разум отказывался сосредотачиваться на поставленной перед ним задаче.

Мне только недавно удалось убедить своего работодателя, что я не какая-нибудь

фарфоровая ваза, которую нужно оберегать. Но и роль слона в посудной лавке мне на себя примерять не хотелось. Конечно, рыбное фиаско было не самым удачным моментом, но в поле я — воин. Определённо. Я заполнила еще одну забытую квитанцию, найденную в пыльном шкафу у себя за спиной, и нахмурилась. Моя кожа аж зудела от чувства бесполезности.

Это не значит, что я не понимала беспокойство своего работодателя. У меня была, во многих отношениях, отличная должность помощника исключительного, единственного в своем роде детектива, занимающегося раскрытием паранормальных преступлений — но нельзя не признать, что и она была опасна. Чудная лаборатория Джекаби выглядела так, словно в ней можно было сотворить и оживить создание Франкенштейна. А библиотеку испещрили грозные тени, ползающие по полу, так и норовившие схватить меня за пятки, если я подбиралась слишком близко к разделу «Опасная Документация». Все вокруг меня сквозило экзотикой: черепа животных, злобные статуи и иноземные боги. Даже безобидная на вид серая лягушка в аквариуме позади меня (Джекаби звал его Огден) имела привычку извергать зловоние из глаз, когда чувствовала угрозу. Такой была жизнь с моим работодателем: попури безумия и угрозы, и все это в стенах одного дома.

Во время моей первой работы в «поле», я чуть было не погибла, столкнувшись с кровожадным злодеем. Словно неосмотрительная девица из одной, прочитанной мною книг. Я не вняла предупреждениям и помчалась прямо навстречу смертельной опасности. Ненавистно это признавать, но если бы не вмешательство Джекаби, я бы наверняка погибла, да и не только я.

— Всё ещё болит? — раздался нежный голос, который напугав меня, вернул в реальность.

В комнату вплыла Дженни Кавана, ее серебристые ноги парили над полом, а прозрачные волосы струились волной следом за ней. Я неосознанно подняла руку и прикоснулась к шраму на груди, оставшемуся у меня на память о той роковой ночи, когда я чуть было не испустила дух.

— Нет, всё хорошо. Просто размышляю.

— Хорошие мысли или плохие? — спросила она. Её движения были плавными и изящными, когда она приземлилась на краешек стола. С самого моего приезда в Нью Фидлхэм Дженни стала моей ближайшей и самой дорогой подругой. И неважно чем она являлась, её советы всегда были здравыми.

— Я сегодня не справилась с заданием.

— Жертвы есть?

— Только хрустальная ваза для пунша... и нечто очень похожее на рыбу, но не рыба.

Она вздернула опаловые брови.

— Это было дело Джекаби, — сказала я и рухнула головой на стол, заваленный бумагами.

Дженни кивнула.

— Тогда более или менее понятно, в чём дело. Не переживай из-за Джекаби. Он отойдет. Этот человек много чего испортил без твоей помощи.

— Знаю, знаю. Дело даже не в Джекаби... просто... — Я убрала волосы с лица и откинулась на спинку стула. — Дело в людях. Во всех. В тех, кто говорил, что я не справлюсь или вообще не должна этим заниматься. В моих родителях. В себе, в основном. Я

почему-то даже рада, что разочаровала Джекаби. Только не говори ему, что я это сказала, но приятно, что существуют люди, которые ждут чего-то от вас. Однако из-за этого сложнее избавиться от сожалений.

Дженни перевела глаза на свою прозрачную руку.

— Я понимаю, — сказала она тихонько. — Это так внове, когда на тебя смотрят как на равную. Это одна из причин, почему я сказала да, годы тому назад. — Обручальное кольцо призрака, тонкая полоска серебра на тонкой ручке, почти сливалось с её серебристой сущностью. У меня перехватило дыхание, когда она коснулась изящной, металлической полоски. Дженни очень редко рассказывала о годах до смерти. — И как не трудно было бы в это поверить, — сказала она, поднимая взгляд, — у меня тоже есть сожаления.

Я сглотнула.

— Дженни...

На её лице появилось больше радости, и она кротко мне улыбнулась.

— Эбигейл, отпусти их. Жить прошлым оставь нам, призракам, и сосредоточься на том, куда тебе нужно двигаться дальше. Кроме того, Джекаби хорош со всякого рода необъяснимыми вещами, но он совершенно теряется, если нужно иметь дело с чем-то обыденным. Если хочешь впечатлить его, не думай о своих слабостях... подумай о его недостатках. Что же он упустил?

Я пожала плечами.

— Это было довольно простое дело... или вернее простое для него. На всё про всё ушло всего несколько минут. Он заметил существо сразу же... и целый выводок его котят.

— Я думала это рыба.

— А они очень рыбистые котята. Долго рассказывать. Ты же знаешь, Джекаби не из тех, кто приносит домой обычных животных. — Я помолчала. Где-то в закоулках моего сознания дала о себе знать робкая мысль. — Но миссис Бомон как раз считала, что у неё обыкновенное домашнее животное.

— И почему же, Эбигейл, ты такая умная, здесь и сейчас передо мной? — дразня, спросила меня Дженни.

— Не умная... просто любопытствующая, — сказала я. — Джекаби сказал, что они редкие и нездешние. Тогда откуда же взялась миссис Непоседа?

— Ой, да ты только взгляни на себя, вся такая любознательная и сосредоточенная. — Она ласково улыбнулась. — Я начинаю думать, что вы с Джекаби два сапога пара.

Но прежде чем я успела ответить, на входную дверь обрушились три громких удара, и я осталась одна в комнате. Я тихо поблагодарила пространство, где еще секунду назад была Дженни, и пошла открывать нашему посетителю.

Глава Четвертая

Подойдя к двери, я выглянула в окно. На обочине улицы стояла крепкая на вид карета, запряжённая двумя мускулистыми жеребцами. В отличие от лоснящихся чёрных экипажей, обычно разъезжающих по городу, эта деревянная повозка больше напоминала нечто среднее между почтовой каретой и дилижансом из моих журналов про Дикий Запад. Она смотрелась удивительно свежо и неуместно на фоне серых зданий делового квартала.

Поэтому я не удивилась, когда открыв дверь, меня поприветствовал Хэнк Хадсон, обладатель окладистой бороды и широкой улыбки.

— Мистер Хадсон! Как замечательно снова вас видеть.

— Ну, можно просто Хэнк, барышня.

— Входите, я скажу Джекаби, что вы пришли.

Я повесила пыльник Хадсона возле двери, и постаралась сделать вид, что совершенно не заметила острого топорика, выглядывающего с одного боку из-за пояса, и длинного охотничьего ножа с другого. По дороге сюда он взял газету у мальчишки-разносчика и помахивал ею, пока я вела его по извилистой прихожей.

— Здесь в Нью Фидлхэме электрические уличные фонари! Невероятно?! Всего за какой-то год... если верить газетам. Этого парня, мэра, точно переизберут. Да они уже готовы его внести на руках на площадь Шелей. Ха! Я ещё помню те времена, когда был только газ!

Я кивнула.

— Комиссар Марлоу обещает протянуть ещё и телефонную связь из окрестных городов. Хэнк покачал головой от удивления и присвистнул.

— Будь я не ладен. И всё же, никуда не денутся звёзды в небе и почва под ногами. Я рад, что Гадова Долина немного отстала от жизни. Наверное, я и сам чутка отстал от жизни.

Мы дошли до конца коридора, и я вежливо постучала в дверь лаборатории.

— Хочу вас предостеречь, — прошептала я, — мистер Джекаби слегка не в духе...

Дверь резко распахнулась, перед нами стоял Джекаби, держа в руке длинный прут с полурасплавленным металлическим кончиком. Очки в латунной оправе были сдвинуты на лоб, вынуждая и без того непослушные волосы топорщиться непокорными пучками. Он широко улыбнулся и энергично воздел руки вверх, ловя дверную раму, скользящим ударом металлического прута.

— Хадсон! Как вовремя! Входите, входите!

Лаборатория предстала перед нами во всем своем привычном безумном великолепии: со стойками, заполненными мензурками и пробирками с какими-то жидкостями различных оттенков, свистящим медным котлом, трубки от которого тянулись в разные стороны, подобно лапкам паука, и странным манящим ароматом клубники и серы. На всех доступных поверхностях валялись куски толстого стекла и полосок металла. Джекаби убрал одну стенку у террариума и расширил стеклянную коробку, добавив несколько новых стен. В углу помещения стояли ведро и корзина, которые мы принесли сегодня утром. По тихому мяуканью можно было сделать вывод, что они все еще внутри.

Джекаби пересек комнату и погасил синее пламя горелки Бунзена, бросая металлический прут там же.

— Вы собрали больше вольеров для животных, чем я, — сказал он. — Может, вы смогли бы мне помочь построить виварий побольше? Мне определенно пригодится еще одна пара рук для пайки и крепежа.

Мистер Хадсон бросил свою газету на стол и радостно окунулся с головой в новый проект, принявшись осматривать свежеиспеченную конструкцию.

— Вы могли позвать меня, сэр, — сказала я. — Я здесь для того, чтобы помога... я гожусь для куда больших вещей, нежели сортировка документации. Собственно говоря, я подумывала о другой стороне нашего последнего дела.

— Ничего личного, мисс Рук. Просто нам с Хадсоном уже доводилось работать вместе над похожими проектами. Мы все специалисты в своих областях, и загон животных — это его вотчина. Звери, на которых он охотится, в массе своей живы.

Мистер Хадсон оторвался от созерцания аквариума.

— Убивать не очень спортивно, а?!

— Полагаю, мой работодатель имеет в виду охоту за окаменелостями... которая, вообще говоря, сама по себе сложная задача. Добыча палеонтолога уже давно утратила способность убежать, но имеет тенденцию сливаться с ландшафтом и застревать в твердой породе.

— Динозавры, да? Держу пари, вы разволновались так же, как барсук в улье, узнав о том, что в долине нашли, а?!

— Что нашли? Кто-то нашел окаменелости? — спросила я.

Хадсон ткнул пальцем в газету на столе.

— Ага. В Гадовой Долине. Фермер их обнаружил, когда пахал склон. Это место находится всего в миле-двух от моей хижины. Я давно знаком с Хьюго Брисби. Приличное ранчо, но там, похоже, всегда очень плохой урожай. Он вечно на мели. В общем, он нашел кости. Он, поди, до сих пор глаз с них не спускает. Вот, взгляните сами.

Я пролистала газету и нашла нужную мне статью. Все было именно так, как сказал зверолов. Статья, написанная некой Нелли Фуллер, гласила:

Феноменальная находка приводит в упадок ферму .

Гадова Долина известна своим сельским очарованием , но для одной из местных усадеб прошедшая неделя вне всяких сомнений прошла под светилом « сенсация » . Встряской для местных жителей , обитателей тихой пасторали , послужили : смерть , кости динозавров и грабеж среди белого дня .

Первой ласточкой была находка массивного доисторического ископаемого в минувшую среду за фермой Брисби , в предгорье . Это открытие немедленно привлекло внимание местных энтузиастов и международных экспертов .

Но раскопки были омрачены печальным и неприятным событием . Во - первых , вчера утром неподалеку от места раскопок была найдена мертвой Мадлен Брисби , 64 лет от роду . Она болела уже несколько недель и , как предполагается , её организм просто не справился . Подозревать кого - то в умышленном убийстве нет повода .

Но за этой трагедией последовала еще одна неприятность . Вернувшись с похорон , муж покойной Хьюго Брисби , 67 лет , обнаружил , что с места археологических изысканий был украден бесценный экспонат . Расследование по факту кражи продолжается .

Брисби состоял в переписке с известным американским палеонтологом Льюисом Лэмбом , с самых ранних стадий раскопок . Лэмб , глава Глэнвилльского университета геологических изысканий , должен прибыть в течение недели на место раскопок .

Одно можно сказать наверняка : несмотря на все утраты Брисби , местная почва в этом сезоне порадовала своего хозяина не только морковкой и капустой .

— Джекаби, прочтите! Вы обязательно должны это увидеть!

Джекаби взял газету и с угрюмым видом несколько мгновений рассматривал её.

— Гмм. А вот это интересно.

— Больше, чем интересно, это потрясающе. То есть... жалко, конечно, бедную женщину... но это определенно наш случай! Грабеж среди белого дня! Похищена бесценная

научная реликвия! Как вы думаете, если мы найдем пропавшую кость, это поможет мне стать участницей раскопок, а?

— С чего бы это? — Джекаби оторвал взгляд от газеты. — У вас уже есть работа, Рук; и кто сказал, что я займусь археологическим делом? Вот, не замечаете ничего необычного?

Противоположный газетный лист страницы со статьей был усеян полудюжиной сообщений о местных мелких правонарушениях: вандализм, мелкие кражи и без вести пропавшие.

— Не явившийся на работу профессор? — предположила я. — Наверное, это необычно, когда учитель прогуливает занятия.

— Чепуха! Кордованская обувь. Вот. — Он ткнул пальцем на статью, состоящую из двух предложений.

В статье кратко пояснялось, что злоумышленник три раза на прошлой неделе врывался в сапожную мастерскую.

— Сэр, прошу вас, скажите, что вы пошутили. Здесь говорится, что, по словам, сапожника ничего не было украдено. Случай, конечно, странный, но определенно не требует расследования.

— Вы имеете в виду Кордованщик [1], — поправил меня Джекаби. — Сапожники только чинят обувь. А знаете, кто любит вламываться в сапожные лавки и не брать там ничего?

— Прошу вас, сэр, только не говорите, что эльфы!

— Эльфы!

— Здесь не сказано, что они сшили ему пару прекрасных ботинок... они просто вломились. Наверняка, это какой-то бродяга, который захотел провести ночь в тепле. Это не эльфы.

— Это могли быть эльфы.

— С таким же успехом, это могли быть и слоны — поэтому это не дело! Честно говоря, сэр, как часто выпадает шанс разыскать подлинные окаменелости динозавра?

Хэнк прислонился к углу и наблюдал за нашей перепалкой.

— Я в самом деле не понимаю, Рук, почему вам так интересно искать какие-то старые кости, — сказал Джекаби.

— Так вы же сами сказали, что вы человек науки. Палеонтология — это наука, и очень захватывающая! Вы непременно должны были заинтересоваться, хоть немного!

— Всё что угодно можно изучить с научной точки зрения. Педология [2] может быть и наука, но мне не интересно копаться в грязи. Я предпочитаю посвятить своё время изучению насущных и неотложных дел, и подготовке к потенциальным столкновениям с законом. Какова вероятность того, что я встречу с динозавром в жизни? Ничтожна. А какова вероятность того, что кто-то вновь вломится в лавку к сапожнику сегодня ночью? — Он потряс газетой у меня перед лицом. — Почти стопроцентная.

Хэнк рассмеялся и хлопнул Джекаби ладонью по плечу.

— Ха! Ты нисколько не изменился, дружище. Ну, доставь ты девочке удовольствие. Чего скажешь, мисс Рук? Я завтра первым делом отправлюсь в Гадстон. У меня дела в городе, но потом я могу вас сопроводить туда и познакомить с Брисби. Это... если твой сварливый начальник отпустит тебя. — Он подтолкнул Джекаби и тот в ответ закатил глаза. С каждой секундой Хэнк Хадсон мне нравился все больше и больше.

— Это даже не обсуждается, — сказал Джекаби. — В последний раз, когда я позволил своему помощнику самому вести расследование, он превратился в водоплавающую птицу. Мне нужен кто-нибудь дома, разбирающийся в цифрах, иначе мне придется всё делать самому.

— Да ты всё равно занялся бы этим делом, не будь её здесь. — Хадсон снова чуть толкнул Джекаби. — У тебя ж глаз наметан, взгляни на девочку. Скажи правду. Неужели она не бросится в омут с головой, когда ей так интересно? При твоей-то работе качество что надо.

Я чувствовала пронзительный взгляд моего работодателя в течение нескольких секунд и с трудом удержалась, чтобы не переступить с ноги на ногу.

— Как бы то ни было, она до сих пор не закончила текущее дело. Собственно говоря, мисс Рук, разве вы только для красного словца упомянули про другой аспект нашего дела?

Я молча прокляла его выборочное внимание.

— Ну да. Точно. Уверена, что это пустяк.

— То есть вы сортируете бумагу лучше, чем лжете. — Джекаби приподнял бровь.

— Просто я подумала, что мы так и не спросили, где миссис Бомон купила эту кошку. Может быть, это нам что-нибудь дало... но скорее всего, это ерунда, ничто.

— О, это может стать всем. — Джекаби сощурился. — Это, безусловно, заслуживает дальнейшего расследования. Утром мы в первую очередь займемся её делами. Сожалею, мисс Рук, но мы просто обязаны закончить должным образом изоляцию Нью Фидлхэма от диких, коварных хищников, прежде чем мчаться навстречу каким-то сухим костям.

Улыбка с лица Хэнка не исчезла, но в глазах появился отблеск сосредоточенности.

— Есть что ты забыл мне рассказать?

Джекаби развернулся к ловцу и хитро улыбнулся:

— А зачем, думаешь, мы строим коробку?

Джекаби редко откровенничал с посторонними людьми о характере своих дел — возможно, именно благодаря привычке общества поднимать его на смех или закидывать чем-нибудь, когда он говорил то, что у него было на уме — но от Хадсона он ничего не утаил, когда рассказывал о хамелеономорфах. Как только зверолов услышал о подобном феномене, глаза его заблестели от возбуждения.

— Подожди-ка... скумбрия, что я поймал для тебя была одной из этих гама-морфов, что ли? Не может быть... поклянись, что не дурачишь меня? Ты же знаешь, как я обожаю такие редкие диковинки!

— Хочешь взглянуть на её котят? — спросил Джекаби.

— Рыба окотилась?

Все три маленьких пушистых комочка уместились на огромной ладони Хэнка, и он очень нежно погладил их по ушкам и пушистым плавникам.

— А можно я себе возьму одного? — Сейчас он напоминал малыша, клянчащего безделицу, чтобы понянчиться с ней от души. — Джекаби, ты же меня знаешь... я хорошо о нем позабочусь.

— Боюсь, это исключено, — ответил Джекаби. — Как я уже объяснял мисс Рук, они слишком опасны. Я бы предпочел оставить их всех при себе.

— Вы же их не собираетесь умертвлять, да?

— Нет, этого не будет, я не собираюсь этого делать. Но если ты находишь мысль об умерщвлении очаровательных котят отталкивающей, тогда имей в виду, что именно они в

настоящий момент маскируются, чтобы убить впоследствии кого-нибудь.

Хэнк аккуратно посадил выводок обратно в коробку.

— Ну, я не могу сказать, что не разочарован, есть такое. Но я очень ценю, что ты позволил мне взглянуть на них. Нам понадобится большая коробка. В разы больше этой.

— Виварий прослужит им в качестве дома для их текущего состояния не очень долго — в этом суть усилия. Мне бы хотелось устроить их как можно удобнее, но они будут менее опасны, если я сумею заставить их уменьшить свой размер и ввести более разнообразный рацион питания. Водомерки только-только развиваются, и в нашем маленьком водоеме мы, вероятно, увидим больше, чем наша рыбина сможет потребить.

— Водомерки? Это типа какой-то жук, да?

— Именно. Зачастую, их, как мне кажется, называют водными странниками или фигуристами.

— Мошками [3]? Ты хочешь превратить этих милейших котят в мошек?

— Они не котята, и да. Предоставленная им небольшая, легко контролируемая форма позволит мне упростить их содержание, а это в свою очередь, позволит им прожить свои жизни без полного истребления кошачьей популяции в городе.

Хэнк, похоже, немного расстроился, но кивнул.

— Наверное, ты прав. Хотя, чего скрывать, жалко. Я бы назвал своего Грошик. — Он последний раз почесал котенка между ушами и повернулся к большому стеклянному кубу. Я перехватила руку Джекаби, прежде чем он успел запустить горелку и вновь заняться пайкой.

— Сэр, я очень надеюсь, что вы передумаете по поводу Гадовой Долины, — сказала я. — Вы же знаете, из меня вышел бы превосходный палеонтолог.

— Ну разумеется. Не несите чушь. Впрочем, из вас вышла бы прекрасная посудомойка и дворничиха — это не изменит того факта, что у вас здесь есть работа поважнее. Вы, мисс Рук, важны. То, что мы делаем — важно. Вы можете страстно стремиться поскорее забыть об этом деле, но нравится вам или нет, вы сделали очень важное наблюдение. Демографические данные поля трансмутации криптозоологии в лучшем случае размыты, но хамелеономорфия — редкость. Большая редкость. Если говорить терминами статистики: очень подозрительно, что наши дороги с миссис Непоседой пересеклись. Утром мы поговорим с миссис Бомон, — объявил Джекаби. — И поставим на этом точку.

Да, мы, разумеется, увидимся с миссис Бомон утром (здесь Джекаби был прав), но никакой точки поставлено не было. Тогда еще никто из нас не знал, что мы были только вначале чего-то гораздо, гораздо большего.

Глава Пятая

Следующим утром я рано встала, оделась и спустилась по винтовой лестнице. Джекаби был чем-то занятым в лаборатории. Солнечный свет проникал через бесчисленные стеклянные трубочки и бутылочки, выставленные вдоль подоконника, омывая комнату теплыми тонами. Котята кувыркались в своем законченном вольере в углу, совершенно не обращая внимания на ограниченность пространства. Поверх своего привычного одеяния на Джекаби был надет кожаный фартук, в котором он напоминал кузнеца. Он исследовал неровную поверхность массивного диска янтарного стекла чуть большего диаметра, чем обеденная тарелка. Стекло отражалась на лице моего работодателя золотыми волнами.

— Доброе утро, сэр, — сказала я. — Хорошо спали?

— Не особо. Возьмите себе фруктов. Апельсины, кажется, свежие. — Он с глухим

стуком опустил тяжелое стекло на стол, и сделал неопределенный жест рукой в сторону котла. Котел постоянно наполнялся едой, благодаря каким-то невероятным чарам. Правда фрукты в котле появлялись не всегда свежие, и тем не менее это все равно было удивительно.

Я выбрала себе апельсин сверху и села, чтобы получше рассмотреть стекло на столе. Немного приподняв шероховатый кусок, я разглядела нечто вроде тонкой ручки.

— Я бы предложил вам сок, но недооценил эффективность своего катализирующего вещества этим утром, — сказал Джекаби.

— Что-что? — не поняла я.

— Завтрак учёного. Вещества в термохимических реакциях оказались интенсивнее, чем я ожидал. — Он постучал кулаком по янтарному стеклу. — Дженни была не в восторге, увидев, что случилось с её кувшином.

— А как вы его распла...

Неожиданно кто-то постучал во входную дверь, когда Джекаби стягивал с себя фартук.

— Кто бы это мог быть в такой ранний час? — спросил он, выходя в коридор. Я бросила свой апельсин и последовала за ним.

На крыльце стоял человек в синей форменной шинели, в той самой, в которой я увидела его в первый раз — но вместо двух серебристых полосок на лацкане теперь красовались орел и значок, сообщающий, что перед вами комиссар полиции Нью Фидлхэма.

— Марлоу, — сказала Джекаби.

— Джекаби, — сказал Марлоу.

— Доброе утро, комиссар, — сказала я. — Хорошо выглядите. Как вам новое назначение?

Марлоу вздохнул.

— Я всего лишь исполняющий обязанности комиссара, мисс Рук. И то, это громко сказано. Весь прошлый месяц я только и делал, что продирался через бюрократию и спорил с политиками.

— Ну что ж, здесь нет ни чиновников, ни политиков, — заверила я его. — У Джекаби есть обереги против таких вещей. Соль и шалфей, кажется. Может, зайдете, я поставлю чайник?

Комиссар покачал головой.

— Спасибо, но я пришел по делам полиции.

— Что ж это за дела такие, если требуют личного визита исполняющего обязанности комиссара Нью Фидлхэма? — поинтересовался Джекаби.

— Боюсь, паршивые. Речь пойдет о близком друге мэра. Я так понимаю, вы знакомы с Флоренцией Бомон?

— А в чем дело? — спросил Джекаби. — Можете заверить женщину, что миссис Непоседа и её котята в надежных руках. Хотя будет лучше, если мы сами ей скажем. Мы как раз собираемся вернуться на Кэмпбелл Стрит. Как выяснилось, у нас остались еще невыясненные вопросы к миссис Бомон.

— Да неужели? — проворчал Марлоу. Веки комиссара отяжелели, и я заметила, как он пристально наблюдает за моим работодателем. — Тогда, может, нам позвать медиума... если общение с мертвыми не то, чем бы вы хотели заняться сейчас.

У меня перехватило дыхание.

— На самом деле, мне приходится заниматься этим практически постоянно, — ответил

Джекаби, пропустив мимо ушей сказанное Марлоу. — Например, сегодня мне пришлось целое утро выслушивать её причитания по поводу посуды. А ведь я никогда не озадачивался атрибутами спиритизма, если вы о них. Мне не нужно братья с кем-то за руки и смотреть на мерцающие свечи. Я не занимаюсь подобной ерундой.

— Мистер Джекаби, — сказала я.

— Хотя мне когда-то сказали, что я выгляжу довольно привлекательным в галстуке, завязанным на свободный манер.

— Мистер Джекаби! — сказала я. — Это означает, что миссис Бомон... — Я сглотнула.

Марлоу кивнул.

— Мертва.

Джекаби выпрямился, нахмурил брови, мрачная сосредоточенность, наконец, проникла в его темно-серые глаза.

— Убита?

Марлоу кивнул.

Джекаби сделал глубокий вдох.

— Понятно. И ваши источники, очевидно, сообщили вам, что мы вчера были у леди с визитом. И я предполагаю, что вы как всегда, сделали меня первым в вашем списке подозреваемых?

— Не обольщайтесь. Я бы с удовольствием узнал, чем вы занимались там, но горничная сообщила, что видела свою хозяйку живой, когда вы устроили переполох на рыночной улице. — Его слова меня слегка покоробили. — На этот раз я не собираюсь вас арестовывать. Я здесь для того... — Марлоу сделал глубокий вдох и закрыл глаза. — Я здесь для того, чтобы заручиться вашими услугами.

Джекаби приподнял бровь.

— А какая причина смерти у миссис Бомон?

— Я бы сказал, что у причины неестественная природа, — сказал Марлоу. Уголки рта моего работодателя дернулись вверх. Марлоу закатил глаза и кивнул в сторону улицы. — Просто поспешите. Меня возница ждёт. — Он спустился с крыльца, не потрудившись уточнить, пойдём мы следом или нет.

Глава Шестая

Наша поездка по утренним улицам была такой же холодной, как тело, ожидавшее нас по её окончанию. Миссис Бомон лежала на спине на персидском ковре с витиеватым рисунком у ножки плюшевого дивана. На первый взгляд могло показаться, что она спит. Я поймала себя на том, что слежу за её грудью в надежде на то, что увижу, как она вздымается и опускается при дыхании. Но время шло, к горлу начала подкатывать тошнота, и мне пришлось отвести взгляд.

— Возможно, будет лучше, если вы подождете на улице, юная леди, — сказал Марлоу.

Я покачала головой.

— Раз уж вы разрешили участвовать в расследовании мистери Джекаби, значит разрешили и мне, комиссар. — Я собралась с духом, извлекла на свет свой блокнот и начала описывать все, что вижу. Марлоу же обратил всё своё внимание на Джекаби, уже склонившегося над телом.

— Первые впечатления?

Джекаби поднялся над трупом. Его руки порхали над телом, активно будоража воздух.

— В этом доме побывало нечто омерзительное. — Он скривился, потирая между пальцами какие-то невидимые частицы.

— Вы имеете в виду убийцу? — не терпящим возражений голосом, спросил Марлоу.

— Хуже, — сообщил Джекаби. Он шагнул к голове женщины и встал на колени, а затем выхватил лупу из кармана, но вместо того, чтобы посмотреть сквозь неё, он использовал стекло в качестве указки, аккуратно отстранив кружевной воротник от шеи жертвы.

— Мне было интересно, сколько у вас уйдет времени, прежде чем вы обнаружите это. — Марлоу обошел тело и встал напротив Джекаби. — Что будете с этим делать?

Я осторожно придвинулась и заглянула через плечо моего работодателя. На правой стороне шеи женщины, прямо под челюстью, виднелось продолговатое пятно длиной с мой указательный палец. Внутри этого овала был темно-красный кружок — прокол — размером с горошину.

— Как необычно, — задумчиво сказал Джекаби. — Их должно быть два.

— Выходного отверстия нет, — проинформировал его Марлоу. — Это единственная отметина, которую мы нашли на теле. Это не похоже на типичное огнестрельное ранение, но я попросил коронера [4] все равно поискать пулю или её остатки.

— Он ничего не найдет, — сказал Джекаби, не поднимая глаз. — Это не снаряд, а прокол. Нападавший ударил прямо в яремную вену. Причиной смерти наверняка является обескровливание. Отсутствие крови возле тела и лопнувшие капилляры вокруг травмы указывают на высасывание...

— Вампир? — спросила я.

Джекаби убрал лупу обратно в карман пальто.

— Как по мне, мисс Рук, так рана довольно нарочитая, но вывод напрашивается самый очевидный.

Марлоу вздохнул и потер переносицу одной рукой.

— Вы не согласны? — спросил, поднимаясь Джекаби.

— Еще бы я был согласен. Наиболее очевидные выводы: это псих с ножом для колки льда или ревнивый любовник со вскрытым письмом... — Он сделал глубокий вдох. — Но пока и не пахнет самым очевидным выводом, поэтому вы здесь. Итак, значит это ваше первое предположение? Вампир?

— Я не исключаю русского стригоя или китайского джанг ши [5]. В конце концов, это страна эмигрантов. Есть также бесчисленное количество демонов и упырей славящиеся тем, что выпивают кровь своих жертв досуха, но вампиры определенно возглавляют список.

Глаз комиссара дернулся. Мужчина вздохнул.

— Ни одно слово не покинет стен этой комнаты. Я имею в виду, что вы оба будете держаться подальше от прессы. Репортеры продолжают преследовать меня, дабы раздобыть детали нашего последнего дела... только вампира нам в Нью Фидлхэме не хватало. Город все еще не оправился от серии убийств маньяка-недочеловека. Последнее, что нам нужно - это посеять еще и панику в народе.

— Так значит вы привели нас сюда только для того, чтобы мы держали рот на замке? — спросил Джекаби. — Вам хорошо известно, что вы не можете отмахнуться от этого просто потому, что в это не верите.

Марлоу несколько секунд таращился на труп, распластавшийся на ковре.

— Ага, знаю, — проворчал он. — Еще месяц назад я не верил ни в каких редкэпов или вервольфов, но, по-видимому, им откровенно плевать, во что я верю. Думаю, будет

справедливо заметить, что на сегодняшний день я куда больше открыт для аксиомы, что мир полон чудовищ.

— Чарли — не вервольф, — высказалась я. — И он не чудовище. — Чарли Кейн был младшим офицером полиции — единственный полицейский, который готов был выслушать нас во время нашего последнего дела. Да он был сверхъестественным созданием что правда, то правда. Он обладает способностью превращаться в огромного хаунда — и все же он был до мозга костей и прежде всего, — джентльменом. Чарли пожертвовал своей тайной, чтобы защитить город, чтобы защитить меня, и чем его вознаградили? Изгнали из города в деревню.

— Тут вы правы. А он толковый офицер, который знает цену свободы действий, что является одной из причин, почему он держал это в секрете. — Марлоу вытащил из кармана тонкий конверт. На нем стоял псевдоним Чарли — Ч. Баркер. Я сразу же узнала его почерк. Я потянулась за конвертом, но Марлоу отдернул его. — Строго конфиденциально.

— Понятно, сэр, — заверила я его. — Ни одно слово не покинет этой комнаты. — Джекаби кивнул и Марлоу отдал конверт.

— «Мадлен Брисби»... — прочитал Джекаби через мое плечо. — Почему мне знакомо это имя?

— Подумать только! Это же женщина из статьи, — сказала я. — Скончавшаяся у места раскопок! Но в статье упоминалось, что нет причин кого-то подозревать. Она болела...

— Не верьте всему, что пишут в газетах. Она была найдена на камнях... ударились о камни. Хотя никаких переломов костей, никакой крови, то есть ничего, что привело бы к смерти. Местный док решил, что смерть настала в результате перенапряжения. Местный полицейский не согласился.

— Предположу, что этим полицейским был Чарли? — сказала я.

— Сигару для леди?! — сказал Марлоу бесцветным голосом. — Наш парень не потерял свой нюх только потому, что живет за пределами городской черты. Он держал свои подозрения при себе... но сделал набросок для своего отчета. Он на второй странице.

Перелистнув на следующую страницу, я нашла карандашный набросок головы и шеи женщины вместе с заштрихованным овалом ниже линии её подбородка с одним темным пятном внутри.

— Командер Белл сказал ему, что это ничего особенного, просто царапины от камней, но Чарли это не убедило. Эскиз к нам в отделение полиции прибыл вчера, поэтому вы представляете мое удивление, когда мои люди принесли мне этим утром точно такой же отчет о миссис Бомон.

Я сложила листок и вернула его комиссару.

— В моем городе гибнут люди, а у меня нет ничего, кроме детских сказочек. Что мне сказать их семьям?! — сказал Марлоу. — Мне нужно знать наверняка, с чем мы имеем дело. Мои люди здесь, в Нью Фидлхэме, начеку, но даже будь у командора Белла силы, он бы все равно понятия не имел, как справляться с чем-то вроде этого, и я даже не уверен, поверит ли он, если мы втянем его в это дело.

— Да, нет ничего ужаснее, чем твердолобый законник. — Джекаби приподнял многозначительно брови, глядя на Марлоу, но комиссар проигнорировал его.

— Чарли посчастливилось, что пресса не узнала его, когда в первый раз они вышли в долину. Он уже сунул свой нос дальше, чем следует. Нам нужен основательный, сдержанный доклад того, кто привык работать вне границ закона.

— Какое совпадение, — сказал Джекаби. — Я как раз подумываю написать подобную цитату на своих визитках. Так вы значит даете нам временное назначение?

— Никакого временного назначения я вам не даю и никуда не посылаю. Долина находится вне моей юрисдикции. Он об этом еще не знает, но у меня есть стойкое ощущение, что ваш старый друг офицер Баркер пришлет вам официальный запрос на консультацию сегодня днем. Однако Белл посчитает, что вы будете заниматься расследованием, связанным с мелкой кражей. Это должно послужить достаточным оправданием для осмотра места преступления. Независимо от того, что совершило это убийство, оно берет начало в Гадовой Долине, и если там остался хотя бы отпечаток ботинка, я хочу, чтобы вы его обнаружили.

Глава Седьмая

Когда мрачная атмосфера убийства осталась далеко позади, я задумалась над событиями сегодняшнего утра. При мысли, что по улицам города может бродить еще один маньяк, у меня сердце ушло в пятки. Но с другой стороны, невозможно было и отмахнуться от перспектив, развернувшихся передо мной. Теперь мы можем посетить ту самую долину. Даже если кража была всего лишь предлогом, я получила вожденную возможность попасть на раскопки. А тот факт, что мы будем работать в тесном сотрудничестве с Чарли Баркером, только добавлял прелести данному предприятию.

Кучер Марлоу подвез нас прямо к дому Джекаби, и я поспешила скорее пройти через ярко-красную дверь. Разумеется, мне нужно было собраться, и я не могла дожидаться, чтобы рассказать последние новости Дженни. Я бросилась вверх по лестнице к своей комнате, но прежде чем успела попасть на второй этаж, мои уши уловили тихий звук. Что-то в этом звуке заставило волосы встать дыбом на затылке. Внимательно прислушиваясь, я на цыпочках поднялась еще на один пролет по винтовой лестнице.

Дом Джекаби был оснащен электричеством и прочими инженерными диковинками с непонятными дополнениями, порой загадочного происхождения, которые преобразили архитектуру здания внутри. Моим самым любимым преобразованием был пруд на третьем этаже. Стоило мне только ступить на площадку третьего этажа, как передо мной открылось пространство зеленой пышной растительности, перемежающейся с цветами клевера, до которого оставалось всего каких-то десять футов. На этом этаже не существовало никаких внутренних перегородок, только редкие колонны, поддерживающие высокий потолок над живым переменным пейзажем. Солнечный свет, проникающий через широкие окна с разных сторон, заливал пространство золотом, освещал укрытые коврами из мха шкафы и письменные столы, увитые плющом. Полотно зелени разрывала лишь узенькая тропинка, тянувшаяся до самого пруда, водная гладь которого, искрясь на солнце, рисовала на потолке золотые волны. Пруд занимал большую часть помещения и был шире и глубже, чем ему полагалось, учитывая размеры дома (законы физики в руках такого искусного мастера, как Джекаби, были весьма сговорчивы, позволяя ему трактовать их как заблагорассудится). Было в этой потере реальности в данном пространстве нечто слегка тревожащее и в то же время успокаивающее.

Полевые цветы уже начали цвести и воздух насыщали сладкие ароматы, но в атмосфере слышался еще какой-то запах, который я не могла распознать. Когда я ступила на дорожку, почувствовала холодный ветерок, который проник сквозь платье и заставил меня поежиться. Творилось что-то неладное. Даже в самые холодные, зимние дни, третий этаж служил сам себе оранжереей, сохраняя покой воды и изумительное поле зелени, и здесь было гораздо

теплее, чем на улицах Новой Англии. И при мысли об этом мне стало совсем неуютно. Я уже заметила, что мое дыхание превращалось в облачка пара. Тихий звук пополз над водой, сковывая меня сильнее, чем холод. Я услышала плач, но поначалу не поняла, кто это плакал: мужчина или женщина.

Я с трудом сглотнула и подумала, не вернуться ли мне к лестнице, чтобы крикнуть Джекаби, но выкинула эту мысль из головы. Что мне теперь, звать его из-за любой мелочи?! Сойдя с дорожки, я двинулась вдоль пруда. Трава была высокой и мокрой, и то, что она колола мне ноги, определенно не помогало взять себя в руки и унять дрожь. Когда я отодвинула плотную завесу плюща, свисающую со стропил на этой стороне комнаты, то была встречена взрывом движения.

Я отлетела назад и приземлилась на ягодицы, в то время как у меня над головой пронесся шквал коричневого, зеленого и белого. Изумленный селезень, сидевший незаметно в листве, пока я на него чуть не наступила, теперь летел прочь в другой конец здания, отчаянно взмахивая крыльями над рябью воды. У меня перехватило дыхание. Дуглас был главным обитателем пруда и ничего не боялся. Величественная водоплавающая птица когда-то была человеком и помощником Джекаби, пока его не застали как-то врасплох на страшной вылазке, и он пал жертвой проклятья. Джекаби так и не вернул ему былое состояние, поэтому Дуглас остался птицей, продолжая следить за архивами, прекрасно справляясь со своими обязанностями, особенно учитывая то, кем он был. Но чего не мог делать мой пернатый коллега, так это плакать человеческим голосом, а плачь не смолкал.

Дуглас, обычно такой невозмутимый, сбежал с места происшествия в такой панике, что я не на шутку забеспокоилась, что же его могло так напугать. Я собралась с духом и осторожно продвинулась вперед, отодвигая завесу из плюща в сторону. Оказавшись внутри, я будто попала в ледник. Влажный воздух сконденсировался в густой туман, а кусты на этой стороне пруда образовали укромную тенистую поляну. Мне потребовалось мгновение, чтобы разглядеть источник стонов и криков. Скрытая туманом в самом сердце теней стенала Дженни Кавана.

Дженни всегда являла мне себя в качестве невероятной призрачной красавицы, одержимая живым смехом и легким изяществом — духом веселья и элегантности. Сгорбившаяся фигура передо мной воплощала нечто совсем иное. Она сидела, накрыв голову руками, всхлипывала и вздрагивала, словно котелок на огне, испускающий пар при кипении. Её волосы свисали влажными, спутанными прядями, прилипали к аспидно-серым рукам, как водоросли к мокрой скале. Платье на ней было ветхим, больше напоминая лохмотья, чем предмет одежды. Воротник оторванной тряпицей свободно свисал вдоль спины.

Холод немедленно вторгся в мою грудь, и я замерзла. Тело Дженни то вырисовывалось четче, то бледнело в завитках и вихрях тумана. От пристального взглядывания в туман у меня разболелись глаза, словно я пыталась рассмотреть отдельные детали на плохо проявленной фотографии. Очертания грязи и листьев под ней искажались и плавилась, как горизонт в жаркий день. Весь воздух вокруг неё клокотал, будто в жерле вулкана, несмотря на жуткий холод.

Оказывается, я не дышала в течение нескольких очень долгих секунд, потому что, когда воздух ворвался в мои легкие, я чуть было не поперхнулась им. Дженни услышала мой вздох и подняла глаза. Ее лицо было словно мрачным отражением темных, бурных вод. Весь её вид говорил о том, что она не узнала меня. Пока она поднималась во весь свой рост, её тело дрожало от ярости, и на лице уже была не гримаса страдания, а гнева. Глаза привидения,

сверлившие меня исподлобья, не излучали ни дружелюбия, ни сострадания. Её глаза были охвачены диким, необузданным безумием. Это приведение ничем не напоминало того духа, которого я знала.

— Ты не должна быть здесь, — сказала она шипящим, резким голосом.

Туман словно вскипел вокруг неё и она, будто демон из преисподней, бросилась прямо ко мне через поляну.

— Д-д-дженни? — пробормотала я едва слышно.

Когда я её нашла, она сидела не дальше, чем в двух футах от меня. И теперь, когда она неслась на меня, словно пушечное ядро, в её глазах мелькнуло узнавание. Спустя мгновение на её лице вместо гнева появилось смятение, а после она просто исчезла. Импульс её движения накрыл меня холодной волной, но без источника. Это был просто туман, который, не успев меня охватить, начал рассеиваться, а потом и вовсе бесследно исчез.

Тепло оазиса третьего этажа вернулось, но оно не спешило прогонять дрожь из моего тела. Я нетвердой походкой обошла пруд и ступила на поляну. Рядом со мной сел Дуглас и мы оба, молча, какое-то время просто сидели и смотрели на воду.

— Это было неожиданно, — сказала я наконец.

Дуглас неопределенно мотнул головой.

— Такое уже было? — спросила я. — А... и как часто такое с ней случается?

Дуглас расправил крылья и посмотрел на меня. Его глаза блестели, словно бусинки из черного дерева. Он был чудесным слушателем, и все же ужасно удручало, что он не человек, а всего лишь птицей.

Я вздохнула.

— Гмм, мне это не нравится.

Поскольку ужас испытанный мной еще несколько мгновений назад пошел на спад, я почувствовала боль за подругу, которая очевидно отчего-то испытывала такие мучения. Дженни всегда вела себя уверено. Она всегда была такой сдержанной, совершенно ничем не напоминая этого злостного призрака.

— Мы должны поговорить с ней, — решила я.

Дуглас склонил голову набок.

— Ты знаешь, о чем я. Я должна поговорить с ней. Прямо сейчас ей может понадобится друг. Пойдешь со мной?

Кряква встряхнула крыльями, вспорхнула с поляны, и, пролетев над прудиком к островку посередине, уселась на кресло сливового цвета, стоявшее там посреди кустарника.

— Хватило бы и простого «нет».

Я поднялась на ноги. Сложно было винить селезня за трусость. Я мысленно увидела глаза призрака, преисполненные холодной яростью, но потом сглотнула и прогнала видение прочь. Дженни не одна из тех одичалых существ. Она была моей подругой, и (эта девушка или призрак) нуждалась во мне.

Глава Восьмая

Прежде чем спуститься по винтовой лестнице, я бросила взгляд на лужайку полевых цветов. Мама мне всегда говорила: «Даже незначительные жесты могут оказать наибольшее влияние».

Я достала фарфоровую вазу из шкафа у дальней стены, чтобы наполнить её

подходящими цветами, пытаюсь вспомнить, какие из них любила Дженни. Здесь было столько вариантов: от обыкновенных ромашек до редких экзотических цветов. Дженни могла сказать название любого цветка на этой лужайке. В дни затишья она водила меня туда-сюда, рассказывая какую пользу может принести то или иное растение. Но, похоже, все, что я смогла запомнить — это небольшое количество растений, из которых можно было бы сварить сусло.

Я остановилась перед изящным растением. Его длинный стебель, который тянулся вверх, обрамлял веер листьев и венчал широкий конус ослепляющих белых бутонов. Этот цветок напомнил мне о Дженни, бледной и красивой, но в то же время хрупкой. Я сорвала несколько штук и поставила их в вазу. Но мне показалось, что этому букету чего-то не хватает, поэтому я добавила фиолетовые цветы, в форме звездочек, свисающих с ползучих лиан в темном углу.

Я понесла вазу вниз на второй этаж. Дверь в мою комнату стояла открытой, будучи все еще заваленной избытком старинных безделушек с тех самых пор, как она служила шкафом для Джекаби. Комната Дженни находилась в другом конце коридора. Я поспешила к её двери и негромко постучала.

— Дженни? — позвала я. — Дженни, это я, Эбигейл. Ты там? — Ответа не последовало. Я робко нажала на ручку и дверь со скрипом приоткрылась. — Дженни? Я принесла тебе цветы... я просто хотела...

Дверь внезапно распахнулась внутрь, и я чуть было не выронила вазу из рук. Дженни стояла в проеме, её волосы струились изящными серебристыми волнистыми локонами, обрамляя нежные скулы. Её платье стало прежним, чистым и опрятным, а выражение лица — радостным и милым. Я не заметила ни единого признака недавних страданий.

— Эбигейл, это мне? Ты просто прелесть!

— Я... я просто... — Я моргнула и снова заговорила: — Ты... все в порядке?

— Ну конечно, дорогая. Я всегда в порядке.

Я была просто ошарашена этим заявлением. И с каждой секундой чувствовала себя все более и более неловко.

— Я просто... я продумала, может быть... ты захочешь, чтобы они украсили твой прикроватный столик?

Дженни бросила взгляд назад. Её улыбка дрогнула.

— Всё в порядке, — сказала я, поздно спохватившись, — я знаю, что ты не любишь, чтобы в твою комнату кто-нибудь входил. Ты можешь просто забрать их отсюда.— Весь дом когда-то принадлежал Дженни. В общем, она нисколько не возражала, когда Джекаби занял каждый угол здесь, но её комната принадлежала только ей. Почему и для чего ей нужна была именно эта комната, я не знала (единственное, что я знала наверняка — она никогда не спала), но я никогда не претендовала на перемену принятого уклада. Не собиралась делать это и сегодня. Продолжая стоять в коридоре, я протянула ей вазу.

— Нет. Боюсь, что я не могу её взять. — Она тихонько вздохнула, поднимая полупрозрачные руки. — Мои перчатки пропали.

После смерти Дженни могла взаимодействовать напрямую только с теми вещами, которые когда-то принадлежали ей, и то это требовало от неё очень большой концентрации. Чтобы обойти это ограничение загробной жизни, она часто носила пару своих старых кружевных перчаток, чтобы иметь возможность больше взаимодействовать с материальным миром. Она настолько редко бывала без них, что я даже и забыла, как они ей нужны.

— А у тебя нет запасных? — спросила я.

— Несколько пар. Но все пропали.

— Джекаби?

— Вполне возможно. Но вы оба всё утро отсутствовали, и у меня не было возможности спросить у него. Это всё чрезвычайно неприятно, но разве с этим человеком может быть иначе. — Она покачала головой, обозначив свое раздражение, но смятение и печаль полностью исчезли. — Что ж, дорогая, тебе нет необходимости стоять в коридоре, — сказала она. — Проходи, поставь цветы и расскажи мне всё о ваших последних похождениях.

Она грациозно отплыла вглубь комнаты и отдернула шторы, чтобы впустить внутрь солнечный свет. Я нерешительно шагнула в комнату. В жизни на Огр Лейн было достаточно перипетий и неожиданных поворотов, чтобы у девушки случился нервный срыв.

Комната Дженни всегда оставалась нетронутой, кровать аккуратно заправлена, а пол отполирован до блеска. Пыль не смела оседать на широкий шкаф из розового дерева, хотя его содержимое покоилось нетронутым больше десяти лет. Если бы Дженни не начала одалживать мне свои вещи с возрастающим по мере процесса энтузиазмом, то скорее всего её внушительный гардероб так бы и остался на произвол судьбы.

Я поставила вазу на столик и поправила цветы.

— Асфодели и древогубец. — Голос Дженни раздался прямо у меня за плечом, когда я выпрямилась. — Они составляют интересную композицию. Разумеется, ни в одном саду они никогда не растут вместе — им нужен совершенно разный климат. Джекаби называет такие вещи — «нечто грандиозное и впечатляющее». Транстемпоральное сезонное приращение или что-то вроде этого. Мне кажется, подобные аномалии заставляют его давать объяснение невероятным вещам, словно у них есть научная подоплека, даже, когда его объяснение, по сути, не объясняет ничего. Асфодели вообще не произрастают так далеко на север, они не принадлежат этим краям, но опять же, — она подмигнула мне, — как и я.

Я улыбнулась. Узел у меня в груди наконец-то начал ослабевать. Это было большим облегчением видеть, что она, похоже, вернулась к своему прежнему, такому привычному я.

— Белые цветы напомнили мне тебя, — сказала я, — а сиреневые... ну мне просто понравились они, и я подумала, что они понравятся и тебе.

— Хороший выбор для начинающей молодой исследовательницы. Древогубцы стоят за истину. Подходящее название, как мне кажется. У правды всегда горько-сладкий привкус [6].

— А какое значение у белых цветов?

— Асфодели? — Дженни протянула палец к поникшему белому цветку и отдернула её, прежде чем её кисть успела пройти сквозь растение. — О да, не стоит забивать себе этим голову. В любом случае, я уверена, что ты не захочешь слушать мой нудный рассказ об этих дурацких цветах. Лучше расскажи мне о своих приключениях, Эбигейл. Что за новое дьявольское преступление вы расследуете?

— Да, собственно говоря... кости и тела... и тому подобное. Мы едем завтра в Гадову Долину.

— А разве это не то место, где несет службу тот твой красивый молодой полисмен? Как там бишь его зовут?

Мои щеки залил румянец, а Дженни озорно улыбнулась.

— Чарли вряд ли можно назвать моим, — заметила я. — Но да, его привлекают к расследованию. И не думаю, что в мире хватит цветов, чтобы воплотить этот роман в

реальность.

— Дорогая, тебе не нужны цветы. Тебе нужна уверенность. В следующий раз, когда ты его увидишь, ты должна просто подойди к нему и поцеловать его красивое личико.

— Дженни!

— Эбигейл, удача сопутствует храбрым!

— Не то слово. Правда в последний раз, когда я была храброй, из-за меня этот мужчина чуть не погиб, а после он сменил имя и уехал куда подальше. Не очень-то мощный старт для начала отношений.

— Вот глупышка. Все так... но он же рисковал своей жизнью ради тебя!

— Ох, как бы там ни было, не бери в голову. Я еду в долину не ради романтических отношений. На кону стоят куда более насущные проблемы. Я еду на поиски убийцы.

— Ты непременно должна была поцеловать его сразу же после великого боя. — Дженни улыбнулась, нарочито игнорируя мои протесты. Она перевела взгляд на окно. — Мой жених как-то раз дрался за меня. Он ужасно пострадал бедняга. Из него тот еще драчун. После драки он был просто в ужасном состоянии, нос раздут, глаз заплыл, но это всё равно было так мило. И глупо. Я ему столько всего наговорила... перед тем как поцеловала его. — Она многозначительно посмотрела на меня. — Потому что это правильно. Так люди поступают.

— А каким он был? — спросила я. — Твой жених. Ты никогда ничего о нём не рассказывала.

Дженни на мгновение свела брови, и её взгляд стал далеким... но потом она собралась и одарила меня плутовской улыбкой и погрозила пальчиком.

— О нет, Эбигейл. Мы говорим о тебе.

— Здесь не о чем говорить! Я собираюсь ехать в командировку. Грязь. Кости. Трупы. Злодеи. И я очень сомневаюсь, что Чарли думает о чём-нибудь другом, кроме этого. Если бы он хотел поцеловать меня, когда мы прощались, то я была бы счастлива. А теперь он... и я... это сложно. — Я смутилась и почувствовала, что мои щёки снова покраснели. Мне бы очень хотелось сменить тему.

— Ничего плохого в том, чтобы попробовать. Нельзя жить и не пользоваться шансами, которые эта самая жизнь тебе предоставляет.

— Тебе легко говорить. Тебе-то всё равно, но у меня, знаешь ли, всё ещё есть жизнь, которую я могу разрушить.

Дженни затихла. В её глазах вспыхнула ярость, и я поняла, что переступила черту.

— Дженни, я не... — сказала я, но призрачная дама уже начала растворяться в воздухе, а через секунду исчезла. — Прости, — сказала я уже пустой комнате.

Глава Девятая

Когда я медленно спустилась вниз, Джекаби находился у себя в кабинете. Его пальто висело на спинке кресла. Сам Джекаби отрывал воротник от своей рубашки. Это был накрахмаленный ворот с высокой стойкой, как у маскарадного костюма, один край которого был помят, а другой торчал вверх. Складывалось такое впечатление, что Джекаби находился посреди драматического монолога Гамлета и при этом возился с иголкой и мотком грубой металлической нити на катушке.

— Мистер Джекаби?

— К нам пришла телеграмма от Баркера, — сообщил он, не отрываясь от своего занятия. По крайней мере, теперь он, похоже, не злится на меня. — Мы отправляемся первым поездом, чтобы встретиться с ним завтра утром. Поезд отходит в половине седьмого,

так что лучше подготовить всё, что нужно сегодня вечером. — Конец нитки в итоге нашел дорогу в игольное ушко и Джекаби отмотал порядочное количество нити, прежде чем оторвать её от катушки.

— Я буду готова, — пообещала я. — Чем вы занимаетесь?

Джекаби принялся прошивать жесткую ткань воротника.

— Делаю прокладку серебра для шеи. Я уже взял на себя смелость окропить вашу дорожную шляпу горчичным семенем. Не стоит благодарности.

— Очень любезно с вашей стороны, сэ. Могу я спросить зачем?

— Отворотный препарат. Я решил, что было бы целесообразно заранее обеспечить нас широким спектром защитных средств. Однако у меня нет чеснока. После обеда мне нужно будет сбегать за ним на рынок.

— Значит это точно вампиры? — Произносить это слово вслух было в равной степени нелепо и ужасно.

— Разумеется, но это не наверняка. Мы можем столкнуться с Южно-Американским Чончоном или Филиппинским Асвангом [7]. Не стоит так же забывать о Малазийском хитроумном сверчковом демоне, известным тем, что он проделывает в черепах своих жертв дыры, вызывая у них галлюцинации, в которых по непонятным причинам всегда наличествуют представители кошачьих. Я бы больше всех переживал на их счет, если бы не знал, что у миссис Бомон были проблемы с настоящестью кошки, но я воспроизвел амулет, чтобы нейтрализовать и тех маленьких паразитов, на всякий случай. Как там говорится: «береженого Бог бережет». — Он закончил шить кривую линию вдоль внутренней окружности и сделал узел. — Итак, а теперь, что вы там хотели?

— Что ж... я надеялась поговорить с вами о Дженни, пока мы не уехали. Она, кажется... как будто совсем недавно вела себя как обезумевшая. Мне жаль, но, похоже, я не очень хорошо разбираюсь в этом вопросе.

— Она просто раздосадована из-за своих перчаток, полагаю, — небрежно сказал Джекаби, убирая катушку в ящик стола.

— Да, она упомянула, что они пропали. Вы случайно не знаете, куда они могли подеваться?

— Вообще-то знаю. На самом деле, это я их взял.

— Зачем, чёрт возьми, вы это сделали? Вы же знаете, как они важны для неё.

— Я доказываю свою правоту.

— Ну, может быть, вам стоит выбрать для доказательств несколько иной путь? Она очень расстроилась из-за них... и также из-за того, что я сказала... ненароком. Давайте я отнесу ей их вместо вас. Если хотите. Было бы неплохо чуть улучшить ситуацию. Я попыталась этого добиться цветами, но, похоже, мне нужно больше, чем асфодели, чтобы загладить свою вину.

Джекаби поморщился и выдохнул сквозь зубы.

— Вам не кажется, что ваш выбор ботвы довольно мрачноват?

— Мрачноват? Почему?

— Асфодели? — Он посмотрел на меня, а потом покачал головой. — Честно говоря, не понимаю, чему там учат в этих ваших школах? Асфодели предназначаются для траура, потерь, и, конечно, связаны со смертью. Поля асфodelей были загробной жизнью для древних греков. Грешники отправлялись в Тартар, а герои в Элизиум — а вот всем остальным были уготованы поля асфodelей. Заурядным душам оставалось коротать вечность

теньями над полями цветов. Я полагаю, что они довольно красивые, по-своему, но учитывая текущее состояние мисс Кавано, возможно, это была не самая полезная идея, чтобы успокоить её.

Я вздохнула. Раз уж Джекаби давал мне совет по поводу тактичности, это могло означать только одно — что денек у меня выдался тот ещё.

— Просто дайте ей немного времени, — сказал Джекаби, возвращая воротник на место и неуклюже пытаюсь его застегнуть. — Дух Дженни сильнее, чем вы можете себе вообразить. Да, чёрт возьми, она пережила собственную смерть... мне кажется, она выдержит и испытания *faux pas* [8]. Будьте так любезны, помогите мне сзади.

Джекаби бросил мне маленький металлический гвоздик с большой шляпкой и я приладила им воротник к рубашке на спине.

— Чудненько. Я на рынок, — сообщил он, потянув свое громоздкое пальто со спинки сидения. — Мне ещё нужно купить нечто специального назначения, так что я могу вернуться поздно. Посему постарайтесь в моё отсутствие больше никого из домочадцев не обижать, договорились? Дуглас горазд хорохориться, но внутри он очень ранимый.

После ухода Джекаби, я поднялась наверх и прошла к спальне Дженни, но привидения нигде не было видно. Пруд тоже пустовал — даже Дуглас не занимался тем, чем принято заниматься у уток во второй половине дня. Вздохнув, я поплелась к своему рабочему столу в холле. С нижней полки книжного шкафа раздалось хриплое кваканье, и я повернулась лицом к серо-зеленой лягушке.

— Что ж, Огден, — сказала я, — по крайней мере, ты снизошел до меня.

Мой земноводный компаньон ответил вздутием горла и внезапным выбросом токсичного газа в мою сторону.

— О Господи! — ахнула я, метнувшись к окну. — Это было действительно необходимо?

Я быстро покинула первый этаж, предав забвению то, что осталось от моего вечера, решив лечь пораньше спать. *Завтра*, поклялась я себе, *день будет лучше*.

Глава Десятая

Внезапный оглушительный треск, раздавшийся в моей комнате, беспардонно вырвал мой разум из объятий Морфея. Сев в постели, я прижала ладони к ушам, мутными глазами озираясь по сторонам.

— О славно. Вы проснулись, — сказал Джекаби. Душераздирающий звук исчез.

— Что? — Я убрала волосы с лица и сосредоточилась на происходящем в комнате. Джекаби зажег лампу на моем столике и в её мягком свете я увидела, что он держал обыкновенную деревянную трещотку с короткой ручкой.

— Пять часов, — объявил он. — Через час нам нужно быть на вокзале. Встречайте свет нового дня, мисс Рук! Ну сейчас, разумеется, еще темно, но рассвет не за горами.

— Ну да, — сказала я. У меня в ушах все еще слегка звенело. — Вы только что разбудили меня погремушкой полисменов? Вас, наверное, слышно было за два квартала отсюда.

— Что? Нет, это же горггер — старый иудейский инструмент. Им пользовались во время Пурима [9], чтобы создать оглушительную какофонию во время особых чтений. Очаровательно, не правда ли? Удивительно пронзительный обычай.

— Негромкий стук точно так же хорошо справился бы с этой задачей.

— Вы совершенно не цените мировое культурное наследие. Поторопитесь. Нам многое

нужно успеть, — сказал Джекаби, и его как ветром сдуло, а я услышала, как он спотыкаясь побежал вниз по винтовой лестнице.

Глубоко вдохнув, я встала и отдернула занавески, чтобы взглянуть на город. Всё ещё светили звёзды, но небо уже ознаменовала пурпурная вспышка приближающегося рассвета. Утро было тихим, но тревожно тихим, словно город Нью Фидлхэм прибывал в волнении перед началом нового дня. К рыночной улице уже шагали двое мальчишек, разносчиков газет, с кипами этих самых газет, а старый швейцар открывал большое финансовое здание через переулок. На углу перекрестка, как раз чуть выше нашего дома, кого-то поджидал грузный невысокий мужчина.

У меня по спине забегали мурашки. Я лучше присмотрелась к незнакомцу. Он был одет в тёмное пальто и шляпу, его кожа была бледной, но было ещё в нём нечто, вызывающее беспокойство. Возможно, это всего лишь игра моего воображения — и его было сложно разглядеть хорошенько — но у меня было ощущение, будто он смотрел прямо на меня. Благодаря моему дыханию окно запотело, но когда я вытерла его, чтобы постараться разглядеть ещё что-нибудь примечательное, незнакомца уже и след простыл.

Я моргнула и посмотрела вверх и вниз по дороге, но не обнаружила ни единого признака присутствия бледного человека. Из-за в расследования убийства на Кэмпбелл Стрит и разговоров Джекаби о кровососущих вампирах, я внезапно испытала благодарность к судьбе за то, что нахожусь в единственном доме в городе, который защищен амулетами и обрядами суеверного толка, и святыми мощами почище, чем Ватикан — хотя понимание этого всё-таки не отменяло гнетущее чувство, что за мной наблюдают. Пока мы не уехали, я обязательно должна рассказать об этом человеке Джекаби.

Немного погодя я обнаружила, что Дженни выложила на старом дубовом сундуке перед моей кроватью кое-что из своей старой одежды. Она во многом стала похожа на старшую сестру, которой у меня никогда не было. И она по-прежнему присматривала за мной, несмотря на мою бестактность. Тревожные события прошедшего дня уже не так бередили душу, и всё же я чувствовала себя ещё больше виноватой из-за своего поведения, видя проявление её доброты. Я решила, что перед отъездом непременно должна загладить свою вину. Я выбрала простое платье с красивым, высоким подолом, которое выглядело подходящим для путешествий, а остальные вещи засунула в чемодан.

Дверь в спальню Дженни была чуть приоткрыта, и когда я постучала, она слегка качнулась внутрь.

— Дженни? — В комнате стоял сумрак и тишина. — Если ты здесь, то я хотела просто поблагодарить тебя за вещи... и я по-прежнему очень сожалею из-за вчерашнего.

Я стояла в дверном проеме, чувствуя себя глупо и нелепо. С моего места мне хорошо была видна ваза с цветами, которую я вчера поставила на столик. Асфодели скорбно поникли, загнувшись всеми стеблями в одну сторону. Я сделала глубокий вдох и на цыпочках вошла в комнату. Как можно тише подошла к букету и попыталась вывести вперед маленькие, яркие соцветия древогубца. Это был бессмысленный жест, но в моих уроках по этикету как-то не подразумевались руководства к действию на случай как себя вести, если накануне был не учтив по отношению к нежити. Может, мне стоит просто убрать этот несчастный букет, пока Дженни не вернулась.

— Вас не должно быть здесь! — раздался у меня за спиной сильный и пугающий голос, сопровождаемый внезапным холодом.

Холод был таким пронзительно-пронизывающим, словно кто-то вылил мне ледяную

воду за воротник. Я выпрямилась и развернулась, при этом опрокинув букет. Ваза сделала в воздухе пируэт и ударившись об пол разлетелась по половице осколками керамики и стеблями букета, попутно расплескав воду. Взгляд синевато-серых глаз Дженни был растерянным, когда она уставилась на темную лужу на полу.

— Какая досада! Мне так жаль! — Я в ужасе рухнула на пол и принялась быстро собирать осколки фарфора. — Мне очень, очень жаль. Я все здесь сейчас приберу.

— Нет! — голос Дженни был настойчивым и каким-то отдалённым. Я остановилась и подняла на неё взгляд. Она смотрела на меня и на разбитую вазу, явно взволнованно, но в то же время она стояла лицом к дверному проему. Я зажмурилась на долю секунды, чтобы мой разум смог совместить эти два изображения. — Нет! — повторила она. — Вы не должны быть здесь.

— Дженни? — Я бросила осколки и медленно поднялась. — Дженни, все хорошо.

— Я знаю, кто вы. — Голос Дженни был холодным и дрожащим. У меня резало глаза от того, что я пыталась сосредоточиться на двух её воплощениях.

— Все хорошо, это я... — начала было я, но Дженни продолжила говорить, будто не слышала меня.

— Вы работаете с моим женихом.

— Я... что? Нет, что ты. Я работаю здесь с...

— Вас не должно быть здесь.

Маленькая лужица у моих ног начала кристаллизоваться, поскольку в комнате ещё сильнее похолодало, а стебли асфodelей заскользили по полу с ледяным порывом ветра, который пронёсся через всю комнату.

— Дженни, ты меня пугаешь, — сказала я.

— Вас не должно быть здесь!

Порыв превратился в поток и занавески начали безумно трепыхаться. Пуховое одеяло слетело с всегда безупречно заправленной кровати Дженни, дверцы шкафа задребезжали, а затем начали с громким стуком открываться и закрываться. Этот звук заставил щёлкнуть во мне чему-то первобытному, и я обнаружила себя выбегающей из комнаты и бегущей вниз по коридору, ещё до того, как осознала, что двигаюсь. Когда я всё-таки, усилием воли, заставила себя вернуться в спальню Дженни, то нашла комнату безмолвной и неподвижной, а саму Дженни сидящей на полу. Какая-то часть её была ужасно расстроенной, а другая, склонившаяся над осколками вазы, тянулась своими изящными пальчиками к веточкам древогубца. Её серебристая рука прошла сквозь маленькие пурпурные бутоны, как пар, и в тот же миг она закричала:

— Нет! — и дверь со звуком, похожий на выстрел, захлопнулась.

Глава Одиннадцатая

Я стучала и звала, но комната Дженни безмолвствовала, будто могила, а её дверь не сдвигалась с места. У меня было такое чувство, словно мне врезали под дых. Мне хотелось плакать. Сделав глубокий вдох, я взяла в руки чемодан и собрав все остатки мужества двинулась вниз по винтовой лестнице.

Джекаби я нашла в кабинете по звукам сборов, доносящихся оттуда. Он опорожнял корзину со странными безделушками и пихал их по какому-то неведомому мне принципу отбора к себе в походный ранец, оставляя остальные лежать в куче на своём столе. Деревянная трещотка лежала рядом с этой кучей, а в воздухе висел запах чеснока.

— Почти готов, — сказал он. — Просто привожу кое-что в порядок из отобранного с

собой в дорогу вчера.

— Сэр, — начала я, не зная, как сказать. — Дженни... то есть, я думаю, что она... — Я вздохнула. — Сэр, с ней творится что-то неладное.

— Прямо сейчас? — Он выдернул шишковатый корень и чашку с золотой каймой из корзины, и поставил их на стол. На другом конце уже стоял чайный сервиз, но эта чашка в пастельных тонах определенно была из другого набора.

— Да, сэр. Я не знаю с чем это связано: с цветами или перчатками, или с тем, что я вчера сказала. — Я вздохнула. — А, может, со всем вместе. Но ей хуже.

Джекаби бросил корень в свой ранец и повернулся ко мне.

— Дело не в вас, мисс Рук, — сказал он. — Наш бестелесный партнер заключил себя здесь в ловушку, устроил себе некоторого рода чистилище. Она не может покинуть этот дом, потому что она может существовать только в том месте, где чувствует свою принадлежность к нему. Именно поэтому она может касаться только тех предметов, которые, по её мнению, ей принадлежат. И именно поэтому продвижение в её собственном деле встало. Она не могла сопровождать меня в моих изысканиях.

— Её дело? Вы говорите о её гибели?

Джекаби кивнул.

— Да, дело о её убийстве... и чуть сверх того.

— А вам она нужна рядом, чтобы разрешить его?

— Я, конечно, мог бы расследовать это дело самостоятельно — я так и делал до определенного времени. Дуглас помог мне собрать довольно внушительную папку важной информации. — Он порылся в ящике стола и извлек на свет папку. Джекаби положил её на стол, и я заметила имя Дженни, аккуратно напечатанное на обложке. — Дело неполное, но это всё, что нам известно о мисс Кавана и её женихе: газетные вырезки, свидетельства, факты, люди, представляющие интерес. В глубине души наша дорогая Дженни не верит, что правда будет найдена. И я, если честно, не знаю, может, это ей во благо. Может быть, она боится, что ответы окажутся болезненнее вопросов, а я просто не смогу их ей не дать. Однако, когда она будет готова, думаю, она обнаружит, что сможет пойти туда, куда должна.

— Вы так думаете... — раздался голос Дженни из-за стола, и постепенно плавные линии обрели черты её лица. Она выглядела огорченной и раздосадованной, но, по крайней мере, растерянность и паника исчезли, и она, казалось, взяла себя в руки. — Но наверняка не знаете. Вы могли поверить мне на слово, когда я сказала, что хочу знать, вместо того, чтобы секретничать у меня за спиной и начинить мною, сочтя заброшенным проектом, свой стол.

— Вот ваше дело, — сказал Джекаби. — На нём стоит ваше имя и прочее. Просто откройте его.

Дженни грозно посмотрела на детектива.

— Где мои перчатки?

— Я уже говорил вам, что они вам не нужны. Думаю, я могу это доказать. — Одну чайную чашку с золотой каймой он взял со стола, а другую с подноса. — Вот, эта из вашего семейного чайного сервиза. — Он бросил нежно-голубую чашку, Дженни с округлившимися от ужаса глазами протянула вперед руки и поймала снаряд из китайского тонкого фарфора. — А вот эту я купил на рынке утром. — И не дав ей времени на раздумья, он запустил в её сторону очередной чашкой с золотой каймой. Инстинктивно, Дженни протянула руку, но чашка пролетела её насквозь и разбилась о книжный шкаф.

Бережно держа первую чашку в руках, она обратила хмурый взор на Джекаби.

— Прекратите уничтожать имущество. Вы ничего не доказали! Мы оба знаем, что я могу касаться только тех вещей, которые были моими при жизни. Вы просто захотели меня помучить — и прекратите скалиться, когда я сержусь на вас!

Джекаби покачал головой, продолжая улыбаться.

— Вы можете прикасаться только к тем вещам, которых, как вы считаете, у вас есть право касаться. А ведь вы в руках держите не свою чашку. Разве вы не узнали сервиз миссис Симмонс, которая подарила мне его, после дела «Гномов» в прошлом году?

Дженни уставилась на свои руки, и чашка начала утопать в её ладонях. Она судорожно старалась исправить ситуацию, но та всё равно упала на пол и разлетелась на дюжину фарфоровых осколков.

— Они, конечно, похожи только цветом, но требовалось только, чтобы вы поверили. Менталитет, мисс Кавана. Всё у вас в голове. — Он толкнул через стол папку к Дженни, которая оторвалась от созерцания битых черепков. — Это ваше дело. Всё, что вам требуется — открыть его.

Дженни уставилась на папку. Я, затаив дыхание, наблюдала, как она протянула руку к столу. Её пальцы остановились возле папки, и на краткий миг я поверила, что бумага поддастся ей — но её рука погрузилась запястьем в папку. Она отпрянула, будто её кто-то укусил, и прижала руку к груди. На её лице застыло выражение смутения.

— Попробуйте ещё раз. — Голос Джекаби прозвучал на удивление нежно.

Дженни посмотрела на детектива, а затем на меня, а потом опять на папку. Она помотала головой и попятилась к книжному шкафу, теряя очертания.

— Дженни, подожди! — сказала я, но она вновь исчезла.

— Мне кажется, что все прошло довольно неплохо, как считаете? — Джекаби затолкал пустую корзину на и без того заставленные книжные полки. Я не был до конца уверен, что моя теория будет подтверждена на практике, но должен сказать, что эксперимент прошел с оглушительным успехом.

— Вы серьезно, мистер Джекаби! Дженни не какая-нибудь научная аномалия — она ваш друг!

Джекаби приподнял бровь.

— По факту, одно другого не исключает, мисс Рук, и тут нечего стыдиться. Все исключительные люди, по определению, являются исключением из правил. Если мы настаиваем на обычности, то никогда не сможем быть по-настоящему неординарными.

— Это очень хорошо отрепетированное и красноречивое оправдание, чтобы вести себя неподобающе грубо по отношению к печальной прелестной женщине.

— Она в порядке. Уверяю вас, вы поймете, когда зайдет всё слишком далеко. Это не самое приятное зрелище. Когда я переделывал её прежнюю кухню под свою лабораторию, она начала вести себя как эхо.

— Эхо?

— Многие духи не могут ничего, кроме эхо. Многие — ничто иное, как эхо. Когда дух является эхом, он представляет собой всего лишь тень, отголосок своей прошлой жизни — нелепый сгусток эмоций и боли — пойманный словно эхо в ущелье, которому уготована вечность вариться в своих последних мыслях.

— Вы имеете в виду мысли вроде: «Тебя не должно быть здесь?» — поинтересовалась я. Уверенное выражение лица Джекаби дрогнуло.

— И что-то о работе с её женихом? — добавила я.

— Температура заметно упала?

— Образовался лёд. И что-то вроде вьюги.

Он побледнел.

— Думаете, мне стоит еще раз попробовать поговорить с ней? — спросила я.

Джекаби сглотнул и посмотрел в потолок. Спальня Дженни находилась как раз над его кабинетом.

— Нет... нет, наша небольшая экспедиция, возможно, как никогда вовремя. Мне кажется, будет лучше, если мы побудем вдаль от нашей дорогой мисс Кавана. Хотя бы несколько дней. Ну понимаете, чтобы позволить ей побыть в тишине и покое, ну и всё такое.

Температура в помещении начала падать, и мои руки покрыли мурашки.

Я кивнула.

— Наверное, вы правы, сэр.

Глава Двенадцатая

К половине шестого Джекаби закончил со сборами и занялся террариумом с хамелеоморфами. Он объяснил Дугласу как за ними ухаживать и содержать, в то время как я наблюдала за котятами через стекло. Один из них играючи бил большой пушистой лапой по водомерке, а потом набросился на неё и прикончил. Возможно, всё дело в моем воображении, которое разыгралось в полумраке газовой лампы, но мне показалось, что они стали меньше размером и стройнее. Я с удовольствием пропущу их превращение из семейства кошачьих в насекомых. Ласты, торчащие из меха, вызывали чувство беспокойства — у меня не было никакого желания представлять процесс, который привёл к ним. Мне было все еще трудно смириться с мыслью, что скумбрия, лениво кружившая в задней части бассейна принадлежала тому же виду, что и маленькие, большеглазые комочки шерсти, ковыряющиеся в воде поблизости.

Джекаби натянул пальто, которое позвякивало во время процесса ходьбы содержимым бесчисленных карманов, и перекинул сумку через плечо.

— Что ж, мисс Рук, в путь?

Я кивнула и последовала за своим работодателем, бросив напоследок взгляд вверх по лестнице, когда мы вышли в коридор.

— Думаете, с ней все будет хорошо? — спросила я.

— Разумеется, нет, — ответил Джекаби. — Думаю, она будет мёртвой. По-прежнему. Проще говоря, её состояние выпадает из области понятия «всё хорошо». Однако, не думаю, что ей станет хуже за время нашего отсутствия. — Он шагнул в прихожую и натянул разноцветную вязанную шапку.

— Я всё ещё ужасно себя чувствую, — сказала я. — Как бы мне хотелось, иметь возможность что-то сделать. Дженни дала мне несколько хороших советов о... — Я посмотрела на Джекаби, утопавшего в своем громоздком пальто и нелепой шляпе, натянутой поверх гнезда из волос, и решила не вдаваться в детали нашего с ней разговора. — В общем, короче, она была добра, и напомнила мне, что удача любит смелых.

— Что за чепуха, — возразил Джекаби. — Удача любит подготовленных. Если вы говорите о Судьбе, то в этом случае удача обычно благоволит Зевсу. Вы говорите о Судьбе [10]?

— Нет. Мы говорили не о Мойрах. Не берите в голову. Просто я пришла и всё испортила, вот так. А ваш утренний фокус с чашкой только усугубил ситуацию. Я знаю, что

вы можете посчитать это тщетной потерей времени, но мне бы хотелось всё исправить. С меня довольно того, что я не состоятельна на профессиональном поприще и... в романтических отношениях. Было бы здорово, если бы я, по крайней мере, ладила с дружбой.

— Я не думаю, что это тщетная потеря времени, — сказал Джекаби. — Отнюдь. Я думаю, что это замечательное чувство.

— Серьезно?

— Абсолютно. Искушение и примирение после ссоры продемонстрирует силу характера и укрепит атмосферу на рабочем месте.

— О, ну да. Но в целом, я просто хочу, чтобы она почувствовала себя лучше.

— А я в целом хотел бы избежать разговоров о ваших романтических зловключениях. Я бы предпочел, чтобы вы по-прежнему обсуждали эти темы с мисс Кавано. Однако, если она вдруг будет недоступна, — сказал Джекаби искренне, — я хочу, чтобы вы знали, — он опустил руку мне на плечо, — Дуглас прекрасный слушатель.

— Благодарю вас, сэр. Я это учту.

— Будьте так добры. В то же время, старайтесь не заикливаться на мисс Кавано. Ей куда больше приходится страдать от своего метафизического разума, чем вы или даже я сможем до конца постичь, и, в конце концов, она должна будет сама навести мосты. Ей сейчас требуется время, нежели цветы и какие-то добрые слова. Когда мы вернемся, вы сможете попотчевать её отчетом о поиске кровососущего убийцы, может быть, даже приправите свой рассказ отступлениями о раскопках в тамошних холмах, и я уверен, что все придет в... (ну нормой это не назовешь) к прежнему порядку вещей.

Джекаби, может, и обладал навыками общения как у кирпича, но мне и правда стало получше. Меньшее, что я могла сделать — это прислушаться к совету Дженни, и попытаться вести себя посмелее, пустившись в наше скромной приключение. С сегодняшнего дня я веду собственное расследование, которое поможет сделать историческое открытие, и попутно встречусь с очень милым юношей, при виде которого у меня внутри все дрожит. Я взяла свой чемодан и распахнула ярко-красную дверь.

Вокзал находился не далее, чем в дюжине кварталов от Огр Лейн, однако правильная оценка расстояний всегда была трудной задачей в Нью Фидлхэме с его-то нестандартными магистральями, и с не менее странным уличным тусклым освещением. Мне до конца так и не удалось понять логику здешнего градоустройства. Некоторые улицы обрывались уже через несколько кварталов, а иные таинственным образом меняли имена и убегали куда-то вдаль. Дороги петляли и пересекались под странными углами, требуя творческого подхода в мощении улиц на стыке конфликтующих бульжников. Правда со временем некоторые причуды города казались уже такими родными, что создавалось впечатление, будто они часть некой шутки, понятной только своим, и я начинала испытывать гордость за то, что стала одной из местных.

Мы вышли вовремя, и хотя небо уже занималось зарей в предвкушении нового дня, солнца все еще не было видно, когда перед нами выросли толстые мраморные колонны вокзала. Я присела на скамейку внутри здания и занялась наблюдением за спешащей по своим делам толпой, в то время как Джекаби ушёл приобретать билеты. Наша станция выходила на две, украшенные тяжелыми колоннами в римском стиле, широкие платформы. Главное здание имело высокую крышу с богатой лепниной, создававшей впечатление пространства, несмотря на растущую толпу ожидающих пассажиров.

Мимо меня прошла группа мужчин в деловых костюмах, которые о чем-то спорили, но моё внимание привлекла фигура позади них. Снаружи первой платформы, прямо возле двери, стоял плотный мужчина, одетый в черное пальто, из-под которого выглядывал черный жилет и пушистый шарф. Его кожа была очень бледной, а подбородок отливал синевой однодневной щетины. Ошибиться невозможно — это был именно тот самый мужчина, которого я видела в окно, и он прямо сейчас смотрел на меня. Благодаря событиям, связанным с Дженни и нашим отъездом в долину, у меня совершенно вылетело из головы рассказать о нём Джекаби. Мужчина заметил меня, но не отвел взгляд. Уголки его рта медленно потянулись вверх, а губы расползлись в улыбке. У меня мурашки забегали по коже. Нас отрезала друг от друга многодетная семья с шестью-семью детьми, но когда они прошли, мужчины уже и след простыл.

Любопытство жгло изнутри и, прежде чем мужчина успел бы далеко уйти, я вскочила со своего места и бросилась к двери. Платформа тянулась вдоль всей длины здания, и, выглянув из дверей, я сумела разглядеть в дальнем углу уже знакомые округлые очертания тёмного пальто. Я бросила взгляд назад, но Джекаби всё ещё ждал своей очереди, стоя спиной ко мне. Нахмурившись, я качнулась с пяток на носки и обратно, раздумывая, а затем вышла через дверь и пошла вниз на платформу.

Прохожие забрасывали меня укоризненными взглядами, когда я сновала между или вокруг них, чтобы скорее добежать до конца здания. Я затормозила, скользя подошвами, добравшись наконец до конца вокзала, и обогнула угол, чуть не врезавшись в старушку в поношенной рваной одежонке, которая рылась в мусорных баках. Я замерла, тяжело дыша, вертя головой из стороны в сторону в поисках того мужчины, но его нигде не было видно. Солнце только-только выползло из-за линии горизонта, и его отражение ослепило ближайšie окна.

— Эбигейл Рук! — Оборвашка улыбнулась мне, словно старая тётушка, которая обрадовалась нашей неожиданной встречи.

У меня перехватило дыхание.

— О Боже... Хатун. Как же приятно снова вас видеть. — Хатун была одним из непостоянных источников информации Джекаби, промежуточным звеном между ним и улицами Нью Фидлхэма. — А не случилось ли вам сейчас видеть одного убегающего мужчину?

Она задумалась на несколько секунд. Кожа на её лице сморщилась от сосредоточенности.

— Сейчас? — подсказала я. — Вы видели кого-нибудь убегающего прямо сейчас?

Ее лицо просветлело.

— Ах, вот оно что! — Она захлопала в ладоши. — Ты жива! Вот, что с тобой не так.

Я моргнула.

— Да, эээ... Я была жива и в последний раз, когда вы меня видели.

Хатун небрежно махнула рукой.

— Да, да. Иногда я вижу вещи, которые немного вышли из строя. Все равно я рада, что ты пока не мертва.

— Что ж, спасибо... наверное.

— Вы покидаете город? — спросила она.

— Да. Уезжаем в Гадстон, следующим поездом. Вы кого-нибудь видели?

— Ну слава Богу. Жаль с вами расставаться, но это к лучшему. Мне тот парень по душе,

но помни, что я сказала тебе о следовании за мистером Джекаби по пятам. Я-то видела её воочию. — Она чуть склонилась и громко прошептала: — Смерть.

Хатун не походила на остальных людей, она существовала сама по себе. В то время как Джекаби обладал уникальным видением мира, Хатун смотрела на мир через своего рода калейдоскоп, стёклышки которого складывались порой в полезные картинки. Но её предчувствия, как правило, напоминали какую-то несуразную несвязную болтовню, и всё же они заслуживали того, чтобы их выслушали. Как-то она мне сказала, что если я последую за Джекаби, то это приведет к моей смерти, что оказалось, к счастью, слегка преувеличенным. Я чуть не умерла, о чём свидетельствует шрам, оставшийся на память у меня на груди.

— О... вы об этом. Нет, я не уезжаю насовсем. Я все еще работаю с Джекаби. То дело, по поводу которого вы волновались... я... в общем, меня слегка потрепало, только и всего. На этом всё.

— Разве? — Хатун смотрела на меня так, будто не видела вовсе, будто она вглядывалась куда-то вдаль. От чего, откровенно говоря, я почувствовала себя неуютно.

— Рук! — окликнул меня Джекаби, стоявший в дверном проёме. С платформы послышался, набирающий силу грохот колес и шипение пара прибывающего поезда, поэтому ему пришлось кричать, чтобы я его услышала. — Рук! Что вы, черт подери, здесь позабыли?

Я махнула ему рукой.

— Просто захотела поздороваться со старым другом.

Он зашагал к нам, зажав в руке пару билетов. По пути, как мне показалось, его взгляд зацепился за что-то в воздухе. Он остановился и медленно протянул к чему-то руку, словно он замер перед лодкой, которую раскачивали волны. А потом его поглотило облако пара. Он разогнал его рукой, в которой держал билеты, и продолжил свой путь к концу платформы.

— Джекаби. Вы выглядите хорошо, — сообщила Хатун.

— День добрый, Хатун. Не думаю, что кто-то из вас заметил, но в воздухе висит кое-что странное. Нечто фиолетово-пепельного цвета. Вроде как траурное даже? Нет?

— Да! — сказала я. — Вернее, нет. Я видела человека. Он был ужасно пугающим, и я уже видела его, мистер Джекаби. Он стоял сегодня утром возле нашего дома.

— Гмм. — Лицо Джекаби помрачнело. — Я уже видел эту ауру.

Я сглотнула.

— На Кэмпбелл-Стрит?

Он мрачно кивнул.

— Огонь, — сказала Хатун, почти шепотом.

— Снова? — спросил Джекаби.

Старушка шагнула к Джекаби. Она прикрыла глаза, оставив лишь щелочки, и сделала глубокий вдох через нос.

— Сколько огня.

Мы с Джекаби обменялись любопытствующими взглядами.

— Или, возможно, огоньков-жуков, — поправила себя Хатун, моргая. — Или огниво? Или оперение? Что-то на «о». О чем мы бишь говорили-то?

— Нам уже нужно ехать. Однако всегда рады встречи, Хатун. — Джекаби протянул мне билет.

Хатун простилась с Джекаби, но потом бросила на меня заинтересованный взгляд.

— Не переживайте... в некотором смысле, сейчас он следует за мной, — заверила я её. — На этот раз никаких смертей, обещаю.

Она кивнула и неуверенно улыбнулась, за сим мы и расстались. Оглядываясь назад, скажу, что не виню её — ведь я дала ей обещание, которое не в силах была сдержать. Нас ждала не одна смерть, а много.

Глава Тринадцатая

По просьбе моего работодателя, эта глава была не просто пропущена — она была вытянута прямо из моей печатной машинки, разорвана на мелкие кусочки и отдана в террариум лягушке в качестве подстилки.

— Эбигейл Рук

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава Четырнадцатая

Глядя в окно поезда, я наблюдала за тем, как городской пейзаж уступает место деревьям и холмистым горизонтам.

— Как долго ехать до Гадстона? — спросила я.

— До города где-то часа три, — ответил Джекаби. Стоило нам только сесть в нашу кабинку, как он принялся за работу: заполнил кожаный мешочек бусинами от чётков, горсткой высушенных трав и какой-то синей штуковиной, напоминающей глаз. Встав со своего сидения, он повесил мешочек на лампу над дверью вместе с булавкой. Справившись с задачей, Джекаби вновь откинулся на подушки. — Гадстон лежит в устье долины, так что нам придётся потрястись еще час-другой в дилижансе, прежде чем мы доберемся до места назначения.

Наш город и правда давно остался где-то далеко позади и теперь мы мчались по ландшафтам Новой Англии. Весна вступала в свои права, холмы зеленели, а поля уже покрывались первоцветами. Когда силуэты зданий и тенистые улочки Нью Фидлхэма исчезли из виду, беспокойство, которое ещё утром завладело мной, уступило место волнению, покалывавшему пальцы. Нас ждали не только острота ощущений новизны, важное дело, но еще и открытие доисторического животного. Именно об этом я мечтала с того самого дня, как покинула берега Англии.

Гадстон оказался небольшим городком. По пути нашего следования несколько домов своими силуэтами разбавили пунктиром, по большей части, дикий пейзаж. По мере нашего приближения разрозненные строения кучковались теснее, уже больше напоминая жилой район, хотя едва ли он занимал и половину акра. Постепенно дома сбивались всё ближе и ближе друг к другу, и к тому времени, когда поезд с шипением замедлился, чтобы остановиться возле скромного вокзала, у нас перед глазами возникло нечто, напоминающее центр города, несмотря на то, что все здания были в высоту два-три этажа. Мы проехали мимо школы радостного красного цвета и амбара с покатою крышей, а когда добрались до последней остановки, я увидела белый шпиль церкви, выглядывающий из-за ближайших крыш.

Мы забрали наш багаж и вышли на платформу. Стоило мне только ступить на землю городка, как меня встретил запах пыли и лошадей вместе со сладким ароматом, исходящим из пекарни через дорогу. Это был уютный, приятный городок. Не знаю, чего я ожидала — тускло освещенные салуны, наверное, стреляющихся дерзких ковбоев под полуденным солнцем? Прошедшая мимо местная парочка выдернула меня из дум своим радушием и улыбками. Я улыбнулась и кивнула им в ответ. Их приветливость и доброжелательность заставили меня острее почувствовать, что я покинула большой город, где взаимовежливость

сводилась к тому, что встречные прохожие избегали смотреть тебе в глаза, а если и толкались, то ненамеренно.

— Похоже, мы не единственные, кто решил совершить путешествие в долину, — стоявший рядом со мной Джекаби кивнул в сторону дороги, на которой стоял крепкий на вид дилижанс. Прочные деревянные балки, обтянутые плотной мешковиной, в целом больше напоминали небольшой домик, но все же это было легкое транспортное средство. Хадсон припарковал его недалеко от магазина с деревянной вывеской, на которой можно было прочесть «Койот Билла». Мускулистая лошадь рассеяно перебирала копытами в ожидании возвращения своего хозяина.

Когда мы подошли к двери, Джекаби притормозил. Он поднял руку, чтобы прощупать воздух перед собой, как он это сделал на вокзале.

— Сэр? — спросила я.

Джекаби проигнорировал меня и шагнул к зданию «Койот Билла». Вид у него был суровый, а взгляд потерял сосредоточенность. Он опустился на колени рядом со входом и стал аккуратно водить пальцами вдоль дверной рамы. Дверь распахнулась, на пороге появился Хэнк Хадсон и чуть не свалился на Джекаби. Зверолов держал подмышками пс коробке, а в кулаке у него был зажат пакет, завернутый в коричневую бумагу.

— Ого! Пардонте меня, дружище.

— Хадсон!

— Джекаби?

— Хадсон, скажите мне... эта лавка... вы не видите там ничего странного?

— Ага. Вот почему она мне так нравится. Все, что есть здесь не найдешь больше нигде.

— Нет... нет, куда более злобное, чем эклектика. Оно очень сильно, оно возле двери.

Прошу, воспользуйтесь всеми вашими чувствами.

Хадсон моргнул, но потом склонился к ручке двери и понюхал её.

— Пахнет... гмм... железом? — сказал он.

— Нет... ну не знаю... пахнет какой-то угрюмостью? — сказал Джекаби. — С намеком на мрачную неотвратимость.

— Ты знаешь значение всех этих слов? — спросил Хадсон, переведя на меня взгляд в поисках помощи.

— Одно из них вполне возможно означает сорт сыра.

Хадсон отпустил дверь, и та захлопнулась у него за спиной.

— Пахнет старой латунной дверной ручкой, Джекаби, и, может быть, чутка потными руками.

Мой работодатель кивнул и выпрямился.

— Полагаю, это просто погоня за тенью, но у меня остались самые тревожные подозрения, что данное заведение часто посещает некий гадкий элемент.

— Ха! — хохотнул Хадсон и хлопнул Джекаби по плечу. — Ты же никогда не видел Билла, ведь так? Да его клиентура сплошь один гадкий элемент. Он отличный добытчик. Причём чего бы то ни было. Он, конечно, не кристально чист, но правда очень хорош в торге. Мы с Биллом старые приятели. Я всегда его выручаю, подкидывая лучшие шкурки, а он взамен... выручает меня вещицами, которые трудно достать, особенно когда те мне позарез нужны. К тому же у него всегда есть снаряды для моей винтовки, и я взял себе за правило запасаться ими, когда проезжаю мимо. — Он кивнул на коробки подмышками. — Вон какие здоровые.

— Это же не тот самый Билл, о котором вы мне рассказывали? Ну тот, что торговал оружием во время войны? — с прищуром спросил Джекаби. — Не он ли продавал пистолеты Юга Северу и винтовки Севера Югу?

Хадсон усмехнулся и шагнул к телеге.

— В его защиту могу сказать только, что он не поддерживал ни одну из сторон. Билл ушлый, как лис. Если у него есть возможность чего-то избежать и не ввязываться, он так и делает. Он простой торговец.

— Торговец, торгующий редкими артефактами? — спросила я.

Хадсон согласно кивнул.

— А мне она определенно нравится, Джекаби... острая как бритва, да? У нас с тобой юная барышня, мысли сходятся... но в том случае не тут-то было. Если кто-то хочет сбыть краденые окаменелости, то им не пройти мимо «Койота Билла». Но он ничего об этом не знает. — Хадсон отдернул мешковину и спрятал боеприпасы в задней части своей телеги. Сверток он убрал за пояс. — Вы направляетесь в долину? Рад буду подвезти, я тут уже свои дела закончил.

— Это было бы чудесно, — сказала я.

— Вообще-то, если вы не против, я бы сначала встретился с Койотным Биллом, лично, — сказал Джекаби.

Хадсон пожал плечами.

— Ну так иди и скажи «здрате». А мне все равно нужно немного времени, чтобы освободить местечко для вашей честной кампании.

— Подержите-ка, мисс Рук. — Джекаби протянул мне свой тяжелый ранец, который едва не свалил меня с ног, когда он повесил мне его на плечо. — Я вернусь через минуту.

Хадсон к моему облегчению избавил меня от багажа, стоило только Джекаби исчезнуть в лавчонке.

— Давай подсоблю тебе с этим. — Несмотря на его мужланский внешний вид, похоже, этот мужчина гор был джентльменом. Когда он пристраивал мой багаж к телеге, раздался пронзительный крик, заставивший меня подпрыгнуть от неожиданности.

— Не обращай внимания на Розу, — крикнул он мне через плечо. — Она — злюка, но ей до тебя не добраться.

Я всмотрелась во внутреннее пространство дилижанса, где стояло нечто большое, задрапированное тяжелой тканью. Небольшой уголок ткани у основания отошел в сторону и открыл решетку огромной, с меня ростом, клетки с деревянным основанием.

— Однако предупредить нужно было, — заметил Хадсон, закрывая брезент. — Если она по дороге сделает свои дела, тебе захочется открыть окна настежь. — Он скорчил рожу и изобразил пантомиму, зажав нос и помахав рукой в воздухе.

— Думаю, все будет в порядке, — сказала я. — По долгу службы у Джекаби я развила у себя терпимость ко всяческим ароматам. Он вам показывал свою лягушку?

— А кто ты думаешь, поймал для него эту мелкую мерзавку, а?! — Повозка качнулась, когда Хэнк поднялся на козлы. — После пришлось выкинуть отличное пальто из кротовых шкур. — Он усмехнулся при этом воспоминании, занимаясь перебиранием содержимого телеги, чтобы освободить скамейку. Он определенно не привык перевозить пассажиров — внутри было полным-полно коробок, шкур, банок с какими-то сушеными травами и все стены телеги внутри были увешаны винтовками, веревками и рогами. Он расчистил пространство и для нас выстелил его шкурами.

Дверь распахнулась, и на пороге появился мой работодатель. Как раз вовремя, потому что охотник только-только закончил обустроить наши места. Хадсон спустился, помог нам обоим забраться внутрь, и снова сел на козлы. Он потянул вожжи, и мы тронулись в путь. Вокруг нас по ходу движения зловеще раскачивались всяческие приспособления, инструменты, ловушки и прочее, но настил под нами был исключительно мягким и удобным.

— Узнал что-нибудь интересное? — спросил Хадсон со своего места.

— Ничего особенного, — ответил Джекаби, теребя в руках тонкую металлическую трубку, которую я только сейчас заметила. — В этом магазине и впрямь кто только не перебивал... но я не смог выделить какой-то особенной ауры. А ты никогда не упоминал, что в жилах твоего друга течет кровь гоблинов.

Голова Хадсона вынырнула наружу.

— Повтори-ка? Я знаю Билла вечность. Никакой он не гоблин.

— Полукровка, почти наверняка. Основываясь на форме ушей, предположу, что гоблины у него в родне по материнской линии. По какой-то причине они имеют тенденцию быть ярче выраженными, если идут в родстве по отцовской линии. В основном отъявленные бандиты. Не смею утверждать наверняка, но тогда понятна его тяга к торговле сомнительным товаром. Полезно иметь такого на своей стороне, учитывая все обстоятельства, до тех пор, пока ты не рассчитываешь на его лояльность.

Охотник хотел было что-то возразить, но потом кивнул.

— Ха, вообще-то это кое-что объясняет.

— Он и правда имеет дело с редкими товарами, — сказал Джекаби, — но он сказал мне тоже, что и вам. Он может достать овечьи кости, саламандры и даже некоторые человеческие, но где взять кости динозавра не знает. Однако у него на полках стоит поистине несколько интересных вещей среди ничем не примечательных.

— И это одна из них? — спросила я, ткнув пальцем в маленькую металлическую трубку в его руках.

Джекаби поднял её вверх, при этом вид у него был застенчивый.

— Ах, это? — Я увидела, что это была маленькая свистулька. Такую можно было купить за гроши в любой лавчонке. — Не совсем. Нет.

— Тогда какого рожна вы её купили?

— Он необыкновенно талантливый продавец.

Хадсон расхохотался и вытащил пакет из коричневой бумаги из-за пояса и помахал им через откидную створку в брезенте.

— Кому ты это рассказываешь. Ни разу еще не было, чтобы я вышел из этой лавчонки без того, что мне без надобности. — Он сунул нам сверток и я, развернув его, обнаружила там несколько полосок вяленого мяса. — Вяленое мясо оленя. Сами как-нибудь справьтесь с ним, без меня.

Через маленькое окошко в телеге я увидела, что мы уже покинули городок. Гадстон стоял недалеко от устья Гадовой долины, а два утеса, будто две мраморные колонны, образовывали естественные ворота, открывающие проход в широкий дол. Когда повозка проехала через перевал, нас ненадолго накрыло тенью, а затем, словно кто-то дернул занавес, перед нами открылся вид на великолепный пейзаж. Солнечный свет не скупясь омывал собой повозку, акры лесистых холмов и море травы. Дорожка вилась мимо бурлящих ручейков и цветочных полей, которые лишь изредка разбавляли пастбища или одинокий

коттедж, единственными признаками контакта людей с природой.

Колеса проходя по изъезженной дороге начали подпрыгивать, тем самым сотрясая всю повозку целиком. Рядом с нами дребезжали ящики с боеприпасами, а над нами раскачиваясь маятником свисал медвежий капкан, который по счастью был закрыт, но всё равно своим видом наводил ужас. Джекаби бросил свой свисток, чтобы схватить капкан, но на третьем взмахе, цепь слетела, ударила его по плечу и с грохотом приземлилась в задней части дилижанса.

У нас за спиной раздался громкий пронзительный крик, и я, бросив взгляд назад, увидела, что покрывало с клетки Розы слетело. На пол с тяжелым стуком упал медвежий капкан, а его длинная цепь попала в клетку к бедной птице. Каждая перекладина массивной решетки была обложена чем-то, очень напоминающим пробки от винных бутылок. Основание клетки было где-то три фута в диаметре, а судя по хлопающим крыльям создания, те в размахе были ещё больше, раза в два. Оперение птицы было темно-янтарным и рыже-красным, но крылья отливали золотом. По виду она напоминала большого журавля, только шея поменьше, а клюв массивнее. О, что это был за клюв! Слегка изогнутый и блестящий как отполированная латунь. Розы снова вскрикнула и переместила вес с одной лапы на другую, раздраженно следя за перемещением цепи.

Я протянула руку, чтобы оттащить цепь подальше от неё.

— На вашем месте, я бы не стал этого делать, — сказал Джекаби. — Вы определенно не хотите находиться рядом с этой птичкой ни одной частью своего тела.

Голова Хэнка вновь появилась в проеме из-за заслонки:

— В последние дни она просто душка, но вообще-то он прав. Держите-ка свои пальчики от греха подальше...

Розы испустила еще один пронзительный крик, и я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как она набросилась на цепь и расколола звено одним ударом клюва. Две половинки упали на дно клетки Розы, расползаясь в противоположные стороны. Свет, проникавший в дилижанс, упал на клюв птицы, танцуя вдоль ее острого как бритва края. Она немного почистила перья, наводя лоск клювом, а потом снова успокоилась.

— Не обращай внимания, она просто старая брюзга, но в целом безвредная, — сказал Хадсон. — Кроме того, она больше не проходит сквозь решетку. Не нашлось еще того металла, который ей не был бы по зубам, но она застревает в пробке.

— Чт-то? — заикаясь, произнесла я. — Да что же она за птица?

— Единственная в своем роде! — Губы Хадсона расплылись в улыбке. — Когда-то их были целые стаи. Я вёл кое-какие торговые дела с маленьким смешным Греком из Аркадии пару лет назад. Когда его корабль показался на моем горизонте... в общем, он потерял половину груза, а три члена его команды угодили на больничную койку, и он сказал, что эта милаха проделала дыру в трюме. Она прошла через кают-компанию, будто консервный нож, и повредила корпус судна прежде, чем им удалось её обезвредить. Бедняжка была настолько сильно перетянута кожаными ремешками, что едва могла пошевелиться. В общем, Грек был более чем счастлив уступить мне её за достойную цену, хоть и знал, что она стоит дороже, чем я могу предложить... К тому же он потерял товар, и ему необходимо было восполнить потери... Поэтому я привел твоего начальника в доки, чтобы он взглянул на ситуацию сам.

Джекаби кивнул, подтверждая рассказ.

— Жалко было расставаться с таким замечательным существом, которого обязательно бы продали за баснословные деньги, и что было бы самым печальным, попади оно не в те

руки — в то время как Хадсон уже проявил себя способным укротителем.

— Короче, — продолжил Хадсон, — он сбросил цену до стоимости нового судна, осчастливив тем самым Грека, который радовался как дитя малое, и отдал мне Розу, проведя небольшой экскурс в историю, дабы убедиться, что я знал, на что подписался.

— И что же? — спросила я.

Хадсон подмигнул.

— Стимфалийская птичка [11].

— Вы когда-нибудь слышали о них, мисс Рук? — спросил Джекаби.

— Это не они упоминаются в подвигах Геракла?

— Ха! — Хадсон выглядел очень довольным. — Не удивительно, что Джекаби тебя прятал. Ага, те самые. Клювы как бронза, только острее и сильнее. Перья как кинжалы. Если у неё будет достаточно места, то Роза может успеть метнуть один из них быстрее, чем я успею нажать на курок. — Он наклонился ко мне и с ухмылкой произнес: — А эта красотка, ох какая быстрая. Кажется, старина Геракл спугнул их шумом кроталов [12]. А пробка — это была идея Джекаби.

— Не совсем так, — сказал Джекаби. — Я нашел несколько отрывков, в которых говорилось об этом. Солдаты Аркадии пользовались щитами из пробки, потому что птицы прорезали железо. Однако в пробке их клювы застревали.

— Это лучше, чем силки! — добавил Хадсон.

— Не представляю себе целую стаю, — сказала я.

— Ооо, там было бы на что поглядеть. — В голосе Хадсона слышалась тоска. — Я тешу себя мыслью, что где-то на свете обитают одна или две штучки, а, может, они и в плену, как моя Роза, но в основном их вид исчез с лица земли. Но мне так нравится эта редкая птичка.

— Теперь понятно, почему вы так любите Джекаби.

— Ха-ха! Он у нас тоже редкая птичка. Что правда, то правда!

Джекаби закатил глаза.

— Я очень рад, что вы оба приехали. — Хадсон свернул на дорогу. — Вам понравится долина. В долине хорошо, столько красок. Только вы бы не очень-то бродили вокруг раскопок в одиночестве. Помяните мои слова, что-то большое пришло в долину. Билл говорит, охотники видели несколько недель назад огромные следы. Они, дескать, не принадлежали ни одному известному им зверю. Ох, как бы мне хотелось поймать эту прелесть, чем бы она не была.

Я кивнула, рассеянно грызя вяленую полоску мяса, которую держала в руках. Я силилась представить, что за странные твари могли притаиться за теми холмами. В последний раз, когда я заблудилась в лесу, на меня напало поистине злобное создание — и оно бы меня прикончило, не приди Чарли на подмогу. И это несмотря на то, что он и без того едва держался на ногах. Я побледнела и чуть было не подавилась куском оленины.

А, может, местные охотники уже разгадали секрет Чарли Баркера? Чарли (вернее Чарли Кейн, именно под этой фамилией он жил и работал в Нью Фидлхэме, когда я с ним познакомилась) был частью семьи кочевников, Дом Кейнов, все члены которой были рождены со способностью превращаться из людей в собак и обратно. Именно эту тайну он хранил как зеницу ока, и она же вынудила его покинуть Нью Фидлхэм. Я очень серьезно отношусь к тому, как он ревностно хранит свою тайну. Я бы никогда о ней не узнала, не реши он рискнуть всем, ради защиты города. Но Чарли не может вечно отрицать свою природу: ему приходится иногда обращаться в собаку и, разумеется, в этом обличье он

оставляет следы, которые местные охотники никогда раньше не видели.

Мы с Джекаби обменялись взглядами. Точно такая же мысль определенно посетила голову и моего работодателя.

— А что за следы они нашли, по словам Билла? — спросил Джекаби.

Я бросила взгляд на винтовки и ножи для снятия шкур, развешанные по стенам дилижанса.

— Может, горных львов?

— Не, — откликнулся Хадсон. — Сказал, что следы напоминали лисьи или волчьи, только они были большего размера. Они были даже больше медвежьих. Он давным-давно ведет дела со здешними охотниками... так что, если в лесу чего и завелось, он этого никогда не видел, — широкое бородатое лицо сунулось к нам в дилижанс и широко улыбнулось, — а значит, я хочу это поймать. — Он снова исчез в проеме и что-то весело замурлыкал себе под нос.

Мне почему-то вдруг стало не так уютно на мягкой подстилке из шкур, а острые инструменты ловчего показались ещё опаснее. Я с трудом сглотнула, и кусок вяленой оленины неприятно процарапал мне горло. Чарли Баркер и Хэнк Хадсон были самыми приятными людьми, с которыми я познакомилась, прибыв в Штаты. Но теперь, похоже, мне придется все свое время пребывания в долине переживать, как бы на одной из только что купленных пуль Хадсона не появилось имени Чарли.

Телега налетела на колдобину и ящики с боеприпасами звякнули. Как же много этих патронов.

Глава Пятнадцатая

После долгой езды по неровной петляющей дороге, впереди, наконец, медленно стал вырисовываться небольшой сельский дом. Это было двухэтажное строение, расположившееся у основания каменистого пологого холма, который упирался в граничащие с долиной горы. Рядом с домишком ютился сарайчик с покосившейся крышей, а на широком поле, обнесенном простым деревянным частоколом, паслось с полдюжины коз. В слепящем солнечном свете я различила сначала одну фигуру, а потом вторую и третью. Похоже, эти трое мужчин вышли к нам на встречу, чтобы поприветствовать дилижанс.

Первым был пожилой джентльмен в выцветшем комбинезоне и потрепанной широкополой шляпе. Когда наша повозка приблизилась, он дружески помахал Хэнку рукой. Вторым был молодой человек в добротных брюках, перепачканных грязью, в рубашке с закатанными рукавами и строгом жилете. Приличный слой пыли, казалось, облюбовал всего мужчину. Третий — одет в полицейскую форму. Его я узнала сразу. Чарли увидел меня, выглядывающую в окно дилижанса, и тут же улыбнулся.

— Хэнк? — выкрикнул мужчина в комбинезоне, когда лошади остановились. — Хэнк Хадсон, ты ли это? Тысячу лет тебя не видел.

Когда Хэнк спрыгнул на землю, повозка качнулась. Он поприветствовал мужчину крепким рукопожатием.

— Хьюго Брисби. Рад тебе, старина. Слушай, сочувствую твоей утрате. Жалко мисс Мэделин. Если тебе что-нибудь нужно... Все, что угодно...

Брисби выдавил болезненную, но благодарную улыбку. К его глазам тут же подступили слезы, но он сморгнул их и мотнул головой.

— Это очень любезно с твоей стороны, Хэнк, но я справлюсь. Я сам как-нибудь. Моя Мэди ни за что не позволила бы мне хандрить, если работа не сделана. Она всегда... — Его голос дрогнул, и он сделал глубокий вдох. — Как бы там ни было, познакомься с моим новым другом...

Брисби представил мужчин, пришедших с ним, но я не расслышала имени другого незнакомца. Чарли сделал шаг вперед, чтобы помочь мне и Джекаби выйти из дилижанса.

— Спасибо, мистер Баркер, — сказала я, выкарабкиваясь первой.

— Как жаль, что я не узнал раньше о вашем прибытии, а то встретил бы вас ещё на вокзале, — сказал он. — Здесь в долине жизнь течет медленнее. Моя хижина стоит всего в нескольких милях отсюда вниз по дороге, поэтому я взял на себя смелость поприветствовать вас хотя бы здесь. Надеюсь, вы не возражаете?

— Конечно, нет. Вы замечательный... ой, я хотела сказать, это просто замечательно! — Мое лицо мгновенно покраснело. — Снова вас видеть. Это просто замечательно видеть вас снова.

— И мне радостно вас видеть, мисс Рук. Вы — мои первые посетители из прошлой жизни. — Его лицо на краткий миг омрачила тень грусти. Я даже представить себе не могла, что он чувствовал. Мне было очень трудно решиться и изменить свою размеренную жизнь, но что касалось Чарли, эта прежняя жизнь отвернулась от него. — Мистер Джекаби, — сказал он, — и вас я очень рад видеть. Я по-прежнему у вас в долгу.

Спускавшийся Джекаби отмахнулся от него.

— Ерунда. Нью Фидлхэм всем нам немало должен, но, как известно, из городов паршивые должники. Проще иметь дела с гоблинами. Как протекает ваше изгнание?

— Не так плохо, как может показаться. — Голос Чарли звучал мягко, и мой слух уловил небольшой славянский акцент. — В долине довольно спокойно, и я потихоньку знакомлюсь с соседями. Хотя их здесь и немного. Они славные люди.

— Уже на одного меньше, чем должно быть, — тихо заметил Джекаби.

Чарли серьезно кивнул и посмотрел назад. У него за спиной трое мужчин сердечно общались между собой.

— Я еще не обсуждал этот вопрос с мистером Брисби, — прошептал он. — Не хотелось еще сильнее его расстраивать. Смерть женщины сама по себе была печальной новостью... и кое-что могло показаться ерундой, но...

— Но не показалось, ведь так? — Джекаби бросил на меня многозначительный взгляд. — Не переживайте, мы приложим все усилия, чтобы сохранить наше расследование в тайне.

Чарли кивнул.

Хадсон рассмеялся над какими-то словами, сказанными запыленным незнакомцем, а потом повернулся, обратив всё свое внимание на нас.

— А вы, юноша? — обратился он к Чарли. — Вы когда-нибудь загоняли крупную дичь?

У меня свело желудок.

— Крупную дичь? — переспросил Чарли.

— В Гадовой Долине объявилось какая-то махина. — Зверолов довольно улыбался. — И я намерен поймать её. Ты бывал хоть раз на охоте?

Если Чарли и понял, что под добычей подразумевался он, то не подал виду.

— Боюсь, что нет, сэр, — ответил он. — Я охотился только на преступников.

Хадсон кивнул.

— Работенка, заслуживающая уважения, — сказал он. — Хотя в долине тебе

напрягаться не придется. Здесь же в основном тихий фермерский народ живет.

— Я уже некоторое время мечтаю о тихом и спокойном месте, — ответил Чарли. Возможно, мне показалось, но на какое-то мгновение воцарилась неловкая тишина, когда эти двое встретились взглядами. Перед моим мысленным взором пронеслась картина, как зверолов разглядел внутри Чарли зверя и... но ничего не произошло.

— Где мои манеры? — Хадсон хлопнул в ладоши. — Позвольте представить моего старинного друга, Хьюго Брисби, и... извиняюсь, назовитесь еще раз...

— Оуэн. Оуэн Хорнер. — Молодой человек сверкнул очаровательной улыбкой, благодаря которой на его щеках появились ямочки, обнажив сверкающие белизной зубы. — Очень приятно.

Оуэн Хорнер. Это имя какое-то время повертелось у меня в голове, пока я не поняла кто это. Оуэн Хорнер был больше, чем простой фермер. Дома, в Англии, я постоянно читала папины научные журналы, и в некоторых из них натыкалась на статьи некоего Оуэна Хорнера, который считался восходящей звездой в геологии. Я попыталась вспомнить, какие-то такие достижения помогли ему приобрести известность в этих кругах, но подробности, увы, не сохранились в закоулках моего сознания.

— А, ну да. — Хадсон жестом указал на нас. — А вот это Р.Ф. Джекаби и мисс Рук. Они приехали, чтобы помочь найти ту большую старую кость, про которую говорилось в статье.

— О... вы её прочли? Гмм. Чертовски классная статья, — сказал Хьюго Брисби, кивая. — Та репортерша специально приехала из Нью Фидлхэма, чтобы взять у нас интервью. Конечно, подразумевалось, что она будет только о раскопках... но потом... — Он потёр ладони и с трудом сглотнул. — Она сказала, что статья будет напечатана в Кроули и Брааннабургге... может быть, даже в национальной, если у неё получится собрать материал на большую статью. Мэди бы это понравилось. Она всегда мечтала выбраться из долины. Я получил столько добрых писем от людей, о которых уже много лет ничего не слышал. И очень приятно с кем-то из них встретиться лично. Присутствие мистера Хорнера уже само по себе подарок. Он составлял мне компанию всю прошлую неделю и взял на себя заботу обо всём, пока я был в городе и занимался подготовкой к... и, конечно, он работал на раскопках. Кстати, он как раз собирался показать мне свою последнюю находку.

У меня ёкнуло сердце.

— Вы же не станете возражать, если мистер Хорнер покажет и нам то, что обнаружил? — рискнула спросить я.

Брисби пожал плечами.

— А почему бы и нет? Давайте начнём оттуда.

Я в предвкушении мысленно запела, но тут Хадсон поднял руку.

— Наверняка грандиозное зрелище... и я скоро увижу всё сам, но мне бы сперва отвезти Розу от греха подальше. Мы порядком поскитались по свету, и я боюсь себе представить, чего она учудит, если её оставить одну запертую в повозке. Да и вообще есть еще кое-какие мелочи, которые нужно переделать в течение дня.

— Видать, много времени прошло, — сказал Брисби, — а то я было подумал, что совсем не знаю тебя. Уж кто-кто, а ты должен бы первым встать в очередь, чтобы хоть одним глазком взглянуть на наше ископаемое.

Хэнк усмехнулся.

— О, я вернусь, даже не сомневайся. Но те кости и так ждали своего часа столько времени, значит смогут подождать ещё чуток. Покажи мне лучше то, что бродит по земле, и

ты увидишь, как быстро я окажусь на горизонте у этой зверюги.

— Ладно-ладно. Рад был тебя видеть, Хэнк. Не пропадай!

— Аналогично, Брисби. Рад знакомству, парни. — Он кивнул Чарли и Оуэну Хорнеру, а потом обратился к нам с Джекаби: — А вы двое потом в город вернётесь?

А мне даже в голову не пришло, что нужно подыскать место для ночлега. Я заметила постоянный двор, когда мы ехали через город, но еще тогда не знала, какой длинной окажется поездка до долины.

— Уверен, в этом не возникнет необходимость, — вмешался в разговор Чарли. — Мистер Джекаби и мисс Рук мои хорошие друзья, поэтому я буду рад, если они остановятся у меня. Мой домик в нескольких минутах езды отсюда. — Он посмотрел на нас. — Если не возражаете?

— Великолепно, — сказал Джекаби. — Рук, вы же не будете возражать, если мы останемся на ночь в уютном домишке у мистера Баркера, я прав?

Я почувствовала, как румянец начал заливать щеки, поэтому, пока я совсем не стала пунцовой, быстро ответила:

— Нет, сэр. Совсем не буду.

— Ну и чудно, — сообщил Джекаби, — значит, все улажено. Благодарю, мистер Баркер. Хадсон вытащил из повозки наш багаж.

— Даже не знаю как вас благодарить, — сказала я, когда он протянул мне мою сумку.

Он небрежно отмахнулся.

— Ерунда, честное слово, юная барышня. Я был рад компании. Лучше позаботься о себе и о своем шефе, слышишь? — Он шлёпнулся на козлы и дернул за вожжи, давая команду лошадям трогаться с места, а потом дружески махнул нам на прощание. Но когда зверолов встретился взглядом с Чарли, выражение его бородатого лица не изменилось, но взгляд на долю секунды посуровел. Взглянув на невозмутимое лицо Чарли, мне пришлось снова поверить, что все это плод моего воображения, ну и Хадсон уже вернулся к своим лошадям.

— Итак, — сказал Оуэн Хорнер, хлопнув в ладоши, а потом потеряв их друг о друга, когда экипаж покатило прочь, — кто хочет увидеть динозавра?

Глава Шестнадцатая

Мы оставили наш багаж у Брисби и последовали за фермером вокруг его дома. Пожилой мужчина шёл медленной уверенной походкой, уткнувшись взглядом в землю. Он был обходительным и радушным хозяином, но чувствовалась в нём замкнутость, от которой у меня щемило сердце.

— Мистер Брисби, а как вы наткнулись на эти окаменелости? — спросила я его. — В статье ничего об этом не сказано.

Брисби моргнул и посмотрел на нас так, будто очнулся ото сна.

— Ага, дайте-ка подумать... — Он улыбнулся и опустил одну руку на плечо Джекаби, а другую на моё, ведя нас по ухабистым просторам. — Когда я нашёл первые окаменелости, мне они не показались чем-то таким необычным. Это случилось неделю назад или около того. Я просто подготавливал землю для нового урожая, и каждые несколько футов убирал камни, которые попадались. Мой плуг уперся в нечто большое, поэтому я впряг пару лошадей, чтобы вытащить это и — БАМ! Вот оно. Я не знал на что смотрел. За исключением того, что эта была длинная кость, очень напоминающая коровью.

— Это было бедро, — раздался голос Оуэна Хорнера у нас за спиной. — И у вас глаз-

алмаз, сэр. Не нужно быть ученым, чтобы творить историю, достаточно иметь широкий кругозор и острый ум, как у вас. — Тени, омрачавшие глаза Брисби, чуть отступили. Хорнер продолжил: — Даже не сомневайтесь в важности своей роли в этом открытии. Знаменитый Гидеон Мантелл начал свое восхождение на поприще палеонтологии именно благодаря тому, что именно он со своей женой сначала нашёл кости могучего Игуанадона.

— История прелестна, — сказала я, — но всё обстояло не совсем так.

— Думаю, вы и сами сможете выяснить, что всё было именно так, мисс. На самом деле, это ведь случилось где-то у вас. Кажется, в Эссексе.

— Суссексе, — машинально поправила я. — Мне жаль, но Мантелл сам признался, что приврал тридцать лет назад. Когда это случилось, мой отец работал с его сыном, Уолтером — это была его самая первая работа, он помогал с восстановлением Моа [13] в Новой Зеландии.

Я осторожно посмотрела назад, ожидая встретить привычную гримасу досады. Мама постоянно твердила мне, что мужчины ненавидят, когда женщина в чем-то опережает их.

Но Оуэн Хорнер широко улыбался. Я определенно произвела на него впечатление.

— Ваш отец, мисс Рук? Пойдите... Рук? Вы случайно не родственница Дэниела Рука, а?

— А кто это? — поинтересовался Брисби.

— Всего лишь гениальнейший ум в своей области. Будучи ещё в университете, я учился по его статьям о плезиозаврах. — Хорнер с Брисби посмотрели на меня, чтобы я подтвердила или опровергла наше с отцом родство.

— Это мой отец, — призналась я. — Но вы не наговаривайте на себя, мистер Хорнер. Я так понимаю, вы сами сделали себе имя... в Колорадо, да? Я знаю это, потому что читала о вас в журналах.

— Последний раз Южная Дакота, — сказал он, — но никто не держит свечку над тем, что мы тут раскапываем.

— Это же потрясающе! — взволнованно произнес Хьюго Брисби, крепче сжав мое плечо. — У нас уже есть энергичный вундеркинд, а теперь в придачу к нему есть еще и дочка знаменитого Дэниела Рука, и завтра я ещё встречу Лэмба. Это решит дело. Я чиркну словечко-другое репортерше. Держу пари, что наше фото может попасть на первую полосу Кроникл. Мэди бы этим очень гордилась.

— Погодите-ка секунду... Лэмб, это который Льюис Лэмб? — спросила я.

— Именно, — счастливо подтвердил Брисби. Хорнер кивнул без энтузиазма.

— Хорнер и Лэмб... — произнесла я. — Теперь-то я вспомнила, что читала о вас! О, боже мой. А вы знали, что Лэмб должен будет принять участие в раскопках?

Хорнер осунулся, но кивнул.

— Фантастическая удача, не правда ли? — сказал Брисби. — Лэмб был первым, кто обратился ко мне по поводу костей. Я обещал ему раскопки, поэтому, полагаю, что как только он появится здесь, то фактически возглавит работы и возьмёт за них ответственность. Однако, уверен, что он будет рад видеть, какую замечательную работу уже проделал Оуэн.

— Еще какая удача, — подтвердила я, — но я бы не назвала её фантастической. — Я остановилась и посмотрела в лицо Хорнеру. Рука Брисби соскользнула с моего плеча, и Чарли с Джекаби повернули головы в нашу сторону. Теперь очаровательный молодой ученый чувствовал себя неуютно. — Оуэн Хорнер и Льюис Лэмб грызлись много лет! — сказала я Брисби. — Это стало международной новостью — клевета, саботаж, и все виды мошенничества.

— Я никогда... — перебил меня Хорнер.

— Они уничтожили ценный экспонат...

— Вообще-то я только...

— Они кидались в карьере камнями друг в друга!

— Это было всего лишь раз, — заметил Хорнер, — и они первыми начали!

— Вы знали, что этот участок был обещан мистеру Лэмбу? — спросила я Хорнера.

— Ну... да. Но вы должны понимать, карьера Лэмба идёт на спад. Он с позором покинул Институт Наук. Мне же, с другой стороны, только что предложили престижную...

— В науке нет места конкуренции!

— Истинно так! Лучше не скажешь. — Хорнер поднял руки в знак своей защиты. — Битва костей окончена. Вот почему я здесь. Не развлечения ради, а науки для. Я обозначил периметр и подготовил место для раскопок. Я даже достиг серьезного прогресса... не без помощи мистера Брисби, разумеется. Всё-таки это собственность мистера Брисби, поэтому, полагаю, окончательное решение, кто будет в итоге руководить раскопками остаётся за ним, но уверяю вас, я могу играть честно, каким бы то решение не было, особенно теперь, когда я знаю, где копать. Это место не похоже ни на одно из тех, на которых мне довелось поработать. Кости не разбросаны, и я не нашел ни одного их обломка. Невероятно. — Оборонительная поза Хорнера сошла на нет под напором энтузиазма. — В ходе нашей вчерашней предварительной работы мы обнаружили грудную клетку и только сегодня утром я раскопал большую часть средней части скелета.

— Вы проделали всю работу, начав только вчера?

— Вот о чём я и толкую! Я никогда не участвовал в работах, которые шли бы так гладко! Почва на удивление податлива и кости безупречны. Подождите, пока вы всё сами не увидите! Я еще не рассказал вам самого интересного!

— И что же самое интересное?

— Подождите и сами увидите! — Если Хорнер пытался отвлечь меня от пороховой бочки под названием «Льюис Лэмб», то ему удалось... на данный момент. Мое волнение и любопытство возобладали, и я поспешила вверх по каменистому склону за ученым.

Я провела в бесплодных поисках несколько месяцев на своих единственных, настоящих раскопках в Украине, пробираясь сквозь породу. И если история Хорнера была хотя бы на толику правдива...

Земля начала выравниваться и уже виднелось, где почва была вспахана. Это было сродни чувству, которое испытываешь, когда впервые видишь заход солнца. Я бросила взгляд на моего работодателя. Моё сердце бешено колотилось. Джекаби остановился в футах двадцати от нас, нежно прощупывая пальцами воздух вокруг. Его внимание начало смещаться от гористой местности в сторону густого леса, слева от него. *Ты не сделаешь этого, подумала я. Нет, только не сейчас. Ты не поступишь так со мной.*

— Сэр? — спросила я настолько вежливо, насколько позволяли мои человеческие возможности. — Уверена, вы захотите взглянуть на раскопки. Мы уже почти пришли.

— Мистер Хорнер, а вы заметили что-нибудь в этом районе во время раскопок? — спросил Джекаби. Он повернулся на каблуках и прошел несколько шагов в сторону леса, не сводя с него глаз. — Что-то... мрачное, возможно? Что-то вроде исчадия ада? — Он прищурился, чтобы получше сфокусироваться.

— Исчадие чего? — Хорнер посмотрел назад туда, где стоял Джекаби, а потом нервно перевел взгляд на Брисби. — О, детектив, постойте. Наверное, будет лучше, если вы не...

— Именно здесь я её и нашёл, — перебил его Брисби. Его взгляд был прикован к скалистой поверхности на склоне, на которой находился Джекаби. Все умолкли на несколько мгновений, неожиданно налетел ветер. — Врач сказал, что ей не стоило выходить на улицу, — произнес немного погодя фермер напряженным голосом. — Но моя Мэди всегда терпеть не могла, когда ей указывают что делать.

— Мистер Брисби, мне очень жаль, — сказала я. У меня сжалось горло.

— И вы не увидели ничего такого, что бы указывало на нападение? — спросил Джекаби.

— Сэр! — воскликнула я.

Брисби помотал головой.

— Всё в порядке, барышня. Я уже прошёл через всё это с вашим человеком, Баркером. Моя Мэди была стрелком. Я должен был знать, что она бы не осталась взаперти, когда вокруг происходит такое. Ей всегда здесь было тесно. Это она решила развернуть раскопки. — Он вытер глаза. — Я должен был сам доставить её сюда, чтобы ей не пришлось...

Чарли опустил свою ладонь на плечо мужчины. Брисби глубоко вздохнул и продолжил:

— Детектив, это совсем не было похоже на нападение. Она выглядела такой... умиротворенной. Эта лихорадка, измучившая её... и камни.

Джекаби обменялся странным взглядом с Чарли, лицо которого немедленно помрачнело. Ему определено было неуютно от того, что пришлось скрыть информацию о синяке на теле жертвы, но он выполнял приказ Марлоу и потому продолжал хранить молчание. Брисби же, похоже, не заметил безмолвного общения между Чарли и Джекаби. Глаза фермера увлажнились. Он стоял и смотрел на скалистый холм.

— И где захоронены её останки? — спросил Джекаби.

— Мистер Джекаби, — прошептала я в ужасе.

— Я хотел бы засвидетельствовать своё почтение, прежде чем мы приступим, — сказал Джекаби.

— Вы очень любезны, — хрипло сказал Брисби, — но мы похоронили её за Святой Иззи.

— Святая Иззи?

— Святая Исидора. Церковь. Мэди любила петь в хоре по воскресеньям. У них есть красивое кладбище. Оно в Гадстоне, из которого вы сейчас приехали.

— У меня такое чувство, что для моего расследования огромным в него вкладом будет посещение сначала Святой Исидоры. Идёмте, мисс Рук! — сказал Джекаби и тронулся в обратный путь по пересечённой местности.

Безусловно, дань уважения к покойной миссис Брисби необходимо было выказать, но мне все равно было трудно смириться с мыслью, что нужно уходить, когда всего в двадцати футах вниз по склону нас ждал скелет настоящего динозавра.

— Сэр, вы очень внимательны, — сказала я. — Но, может, будет всё-таки лучше, если мы приступим к работе, начав с раскопок? Мы ведь всё равно уже здесь и пока светло. Может быть, нам лучше нанести визит в церковь завтра утром?

— А я считаю, что посещение могилы в приоритете. Вы разве придерживаетесь другого мнения? Уверен, что при подходе к делу у нас будут яснее головы, если мы выкажем дань уважения покойной.

Я открыла было рот, когда Джекаби начал спускаться по холму, но не нашлась что возразить.

— Мистер Джекаби, — раздался вкрадчивый голос Чарли, — может, будет эффективнее, если вы разделитесь, и направите ваши старания по двум направлениям. Раз мисс Рук куда квалифицированнее, чтобы изучить окаменелости, может, будет лучше, если она останется здесь, чтобы сделать предварительный осмотр места преступления, в то время как вы выкажете уважение миссис Брисби. И если вы не возражаете, я счёл бы за честь остаться и сопровождать мисс Рук.

Я энергично закивала, растеряв способность выражать свои мысли в словах, и обозначить Чарли моё абсолютное согласие.

— Эта идея не лишена смысла, — сказал Джекаби. — Хорошо. С вас, мисс Рук, подробное описание. По возвращении сверимся записями.

Я вытащила свой блокнот и многозначительно подняла его вверх. Фермеру определённо это было не по нутру, но он кивнул и подошёл к дорожке.

— Вам не составит труда, провести экскурсию для барышни? — крикнул он нам.

Оуэн Хорнер очаровательно улыбнулся мне.

— Никакого.

— Что ж, ладненько, — сказал Брисби. — Тогда, полагаю, мы увидимся днём. — И засим фермер повёл Джекаби обратно к ферме. — Скажите, а разве это не про вас писали не так давно в газетах? — спросил он Джекаби, когда они тронулись в путь. — Что-то о кристально честном оборотне?

— Та статья была ужасно неточной, — сказал Джекаби, голос которого растворился на просторах холмов.

— Ну что? Приступим? — Стоило им только исчезнуть с линии горизонта, как Оуэн Хорнер величественным жестом пригласил нас на неровное запыленное плато. Мне уже доводилось видеть успешные раскопки, правда видела я их на страницах полевых дневников моего отца или в учебниках с литографическими оттисками. Представший передо мной пейзаж невозможно было уместить на какой-то печатный лист.

Весь дом Брисби мог бы легко поместиться в палеонтологическую сетку, установленную на вершине холма. Земля была неровной. С одной стороны раскопок работы будто бы велись как попало. Было видно, где заканчивалась пахотная страда фермера и начиналась методичная, научная, изыскательная работа. Деревянные колья-маркеры были воткнуты в землю по всему периметру в несколько сотен футов, и их обвязывала простая коричневая бечёвка, которая определяла место раскопок. Вне периметра была навалена грудой земля и камни. Внутри же место работ было расчищено и первый слой почвы снят. Из красно-коричневой земли выглядывали невероятных размеров кости.

Большая часть доисторического существа оставалась под землей, но пока ещё не очень чёткие очертания уже проглядывались и давали понять, что существо заполонило всё место раскопок. Хорнер успел очистить половину грудной клетки и несколько футов толстых позвонков, которые дугой вздыбились над землей, прежде чем та вновь не поглотила их. На расстоянии в двадцать футов лежала широкая нижняя челюсть, обрамленная острыми зубами, от одного вида которых холодок бежал по спине. Обнаруженные кости уже давали представление о том, что весь экспонат был больше любого здешнего дома и только и ждал того, когда же его эксгумируют.

У меня не хватало широты обзора, чтобы одним взглядом объять всё это величие. Всё тело покалывало от волнения. Это было совершенно не похоже на мой единственный предыдущий опыт участия в жалкой экспедиции в горах Украины. Все те морозные месяцы

принесли лишь горстку костей, не связанных друг с другом — все из которых, как было установлено позже, принадлежали местным млекопитающим. А это...

— Невероятно, — выдохнула я.

— Разве? — раздался негромкий голос Хорнера прямо рядом с моим ухом. Я почувствовала небольшое давление его руки у себя на пояснице, в то время как другой он махнул передо мной и добавил: — Давайте, я вам все покажу.

Я в знак вежливости приняла его руку, и он повел меня по неровному ландшафту к костям чудовищных размеров. Я не удержалась и бросила взгляд назад, чтобы убедиться, что Чарли идет следом. Он держался в нескольких шагах от нас, хотя его внимание, как мне показалось, больше было сконцентрировано на учёном, нежели на удивительном открытии. Земля под ногами стала более пологой, и Хорнер отошел, чтобы взять из груды инструментов пару перчаток.

Мы так близко стояли у брюха создания, что я могла протянуть руку и коснуться его бледных ребер. От размеров существа кружилась голова.

— Невозможно проделать такой пласт работ всего за несколько дней, да ещё и в одиночку, — сказала я. — Даже у очень большой команды на это бы ушла, по крайней мере, неделя.

Хорнер пожал плечами и дерзко ухмыльнулся.

— Нет, серьезно... как вам это удалось?

— Ну, нужно отдать должное не только мне. Во-первых, у мистера Брисби имеется славная ломовая лошадка. Он каждое утро несколько дней кряду таскал со мной камни и землю. Во-вторых, кости лежали почти на поверхности. — Хорнер повернулся вокруг своей оси, окидывая взором свою чудесную находку. — Поначалу, я думал, что сдвиг пород мог поднять их выше. Те же тектонические силы, что и создали эти холмы, могли и поднять скелет к поверхности — но чем больше мы раскапывали, тем меньше эта гипотеза была состоятельной. Если бы слои земли могли так легко быть передвинуты, то кости бы не сохранились в таком идеальном состоянии. Кроме того, когда мы сняли верхний слой почвы — скелет на вид был совершенно нетронутым. Почва здесь каменистая, но относительно мягкая и с ней легко работать. Я едва могу сдуть слой почвы, чтобы не открыть новую окаменелость. Да, они не заключены в камень, но сохранились в первозданном виде. Это поразительно.

— Иначе и не скажешь. — Я подошла ближе, внимательно осматривая ближайšie ко мне кости. Они были лишь частично высвобождены из объятий почвы, но обнажённые рёбра давали представление о том, что полость под ними была больше, чем дилижанс зверолова.

— Насколько я могу судить, анатомия этого существа отличается от Дриптозавра — одни только лёгкие в два раза больше. — Хорнер ткнул пальцем в голову. — Челюсть говорит нам, что это, без сомнений, хищник. — Века окаменения ни для кого не проходят даром, но даже со своего места я видела, что клыки все еще источали опасность. А еще я заметила, что некоторые зубы пропали. Ряд отличных острых изогнутых конусов перемежался гладкой выемкой там, где должен был находиться зуб.

— Я так понимаю, что это...

— Причина, почему вы здесь? Да. Мы обнаружили нижнюю челюсть в первый же день моего появления здесь. Первая же наша большая находка. Готов поспорить, что эти зубы были чёртовски остры при жизни животного. Прекрасные артефакты. Какая жалость.

— Когда он пропал?

— Когда я укрывал челюсть на ночь, три дня назад, всё было на месте. А утром мы нашли тело миссис Брисби. Вызвали доктора, та репортерша крутилась здесь со своими вопросами, несколько соседей подошли и еще полиция приехала. Я и не подходил к раскопкам, пока Брисби не уехал с телом и я не остался один. Любой мог уйти с зубом.

Хорнер натянул перчатки.

— Взгляните на место, где должна быть брюшная полость, которую я только отчистил. Видите что-нибудь интересное?

Я не знала с чего начать.

— Та кремневая галька в районе желудка? — спросил Чарли. А я даже не подозревала, что он стоит рядом со мной.

Довольный Хорнер ткнул пальцем в полисмена.

— Гастролиты [14]. Глаз что надо. Это могут быть любые камни, в данном случае кремний, которые глотают животные, чтобы помочь пищеварению. Это характерно для птиц.

— За вычетом того, что среди динозавров подобного никогда не обнаруживалось — по крайней мере, среди плотоядных, — сказала я. — Если я не ошибаюсь, при парочке завроподов тоже были найдены камни, но только те животные травоядные.

Хорнер всплеснул руками.

— Да вы и впрямь в теме! Готовы увидеть еще кое-что? Наденьте их и идите за мной. — Хорнер протянул мне запасную пару кожаных перчаток. Они оказались мне большими, но я все равно их надела. Он помчался к ногам животного. Когти производили такое же впечатление, что и зубы — крепкие и острые. Хорнер замер перед костью ноги, размер которой превышал его рост. Я последовала за нашим экскурсоводом и склонилась к массивному ископаемому.

— Я так понимаю, что это то самое бедро, которое Брисби случайно извлёк из земли плугом, — сказала я.

Хорнер кивнул.

— А теперь посмотрите на это. — Он схватил огромную кость обеими руками и поднял её вертикально, подобно силачу в цирке. Он повел себя довольно бесцеремонно по отношению к бесценному экспонату, но его сила, тем не менее, впечатляла. В вертикальном положении кость походила на менгир [15], огромный стоящий камень, что мой отец как-то раз изучал во Франции.

— Очень впечатляет, мистер Хорнер, — сказала я.

Он засмеялся и опустил образец на землю.

— На самом деле этот трюк может выполнить любой из вас. Не желаете попробовать, мисс?

Бедренная кость была размером в половину моего роста и шириной в косую сажень моих плеч. Испытывая скепсис, я склонилась и взялась одной рукой за доисторический предмет. Когда я потянула её вверх, то мне, к моему же немалому удивлению, без труда удалось поднять кость на несколько футов от земли.

— Ничего себе! — воскликнула я. Из-за перчаток не по размеру кость выскользнула у меня из руки и бесценный артефакт неуклюже упал на землю.

— Осторожнее, — одновременно вскрикнули Чарли и Оуэн Хорнер. Учёный немедленно схватил кость и аккуратно вернул её на место, в то же самое время Чарли схватил меня за руку, чтобы я не упала следом за костью, но почти так же быстро отпустил

меня и робко шагнул в сторону.

— Словно она полая, — сказала я.

— Отсутствует костномозговая жидкость, — бойко отрапортовал Хорнер. — В кости есть полости, которые при жизни животного содержали костный мозг и жировые ткани.

— Нет, не может быть. — Я помотала головой. — Я видела, как отец со своей командой выставляли в музее скелет. Понадобилось трое взрослых мужчин, чтобы установить кость гораздо меньше этой. Возможно, скелет данного образца близок к строению птерозавра?

— Вполне возможно, — согласился он. — У птерозавров были кости как у птиц, прочные и легкие, но это потому, что они были предназначены для полета. Держу пари, что мы видим здесь особо крупного родственника Аллозавра.

У меня голова шла кругом. Неужели это всё происходит наяву, и мы стоим на пороге открытия. Словно сбываются мои детские мечты, которые увели меня из дома и привели сюда.

— Могу я предложить свою помощь? — спросила с надеждой в голосе я. — У меня правда есть опыт подобного рода.

— Я так и понял. А что по поводу недостающего фрагмента?

— Чем больше мы будем знать про недостающий фрагмент, тем успешнее будет наше расследование. Я могла бы стать очень ценным членом команды.

Хорнер склонился ближе.

— Моя дорогая, я в этом не сомневаюсь. Так что пока я здесь за главного, ваша помощь более чем приветствуется. Вы уже доказали, что умны настолько же, насколько прекрасны.

Он подмигнул мне.

Мое сердце забилося от волнения, но не из-за его нелепой лести, а осознания того факта, что я буду участвовать в самых настоящих археологических раскопках. Этого было почти довольно, чтобы забыть о том, что он будет руководить здесь только до приезда Льюиса Лэмба, а после, скорее всего, даст деру из города. Я глубоко вздохнула, глядя на кости. Нужно наслаждаться моментом.

Глава Семнадцатая

Вторая половина дня промелькнула как одно мгновение. Чарли прошёлся по периметру раскопок, выискивая всё, что он, возможно, мог упустить во время предварительного осмотра местности. И было обидно до слёз, когда он так и не обнаружил ничего примечательного. Поэтому в итоге он вернулся и стал помогать мне и Хорнеру, гоня туда-сюда по склону тачку, груженную доверху грунтом, в то время как мы копали и мели почву. Когда солнце начало закатываться за верхушки крон деревьев по ту сторону долины, я только-только добралась до расчистки верхней линии нижней челюсти.

Я напряженно работала, чтобы очистить от почвы несколько огромных зубов, пока свет совсем не пропал. Хорнер оказался прав насчет идеальных условий для работы, но я все равно ощущала, что едва достигла какого-либо прогресса. А сама мысль о том, какая часть скелета осталась ещё погребенной под землей, была просто невыносимой.

И только тогда, когда явился Хьюго Брисби, чтобы уговорить нас оставить раскопки и предложить сытный ужин, я поняла, что с полудня ничего не слышала о Джекаби. Брисби пригласил нас к себе домой, и когда мы, войдя, сразу же направились на кухню, я увидела своего работодателя в гостинной. Он держал в руках пару тонких пробирок, прижав друг к другу и вращая их в свете лампы. Одна была заполнена чем-то темным, а другая чем-то

белесым.

— Добрый вечер, мистер Джекаби, — сказала я, входя в гостиную. — Мы собирались сесть отужинать. На что вы смотрите?

— Кладбищенский грунт, — ответил он, не поворачиваясь, — образец с могилы миссис Брисби.

— И как? Сообщила вам кладбищенская почва что-нибудь?

— Мало чего. Почва истощена, — сообщил он, — а я не удовлетворен. Мистеру Брисби, как оказалось, нужно было побыть одному, поэтому я нанес визит похоронному бюро, пока вы изволили копаться в земле. Я обнаружил внутри гробовщика и вошел. Там готовили очередное тело. Денсон. Мужчина. Пятидесяти семи лет. Лично я нахожу две скоропостижные смерти, да ещё последовавшие одна за другой от загадочного недуга, странным, особенно в таком провинциальном городке. Судя по всему, покойный мистер Денсон занедужил в ту же ночь, что и умерла жена нашего фермера. Однако жил он в одиночестве, поэтому его обнаружили лишь недавно. У него остались следы той же ауры. Это определённо превращается в закономерность. Кроме того, под воротником у него на шее остался точно такой же, хорошо знакомый нам, след. Правда трупные пятна сделали своё дело, так что, по всей видимости, этот след остался никем незамеченным. Судмедэксперты в этом городишке сплошное разочарование. Тут все действуют из соображений, скорей-скорей выказать дань уважения покойному и предать его земле, поэтому я, прежде чем это произошло, изъял у покойного один зуб. — Он встряхнул вторую пробирку, и она звякнула.

— Вы украли зуб у покойника?

— Он не возражал. Надеюсь, что при более внимательном изучении, я смогу почерпнуть что-нибудь полезное. Большая часть сущности живого существа извлекается именно из его зубов. Вы это знали? Вот почему зубные феи так любят их. — Он благоговейно взирал на пузырек, зуб в котором слегка пожелтел, а корни приобрели грязно-розовый оттенок.

— Обнаружили что-нибудь в эссенции из зуба мистера Денсона? — спросила я.

Джекаби нахмурился.

— Есть здесь что-то ужасно знакомое, но это как пытаться распознать запах клевера в букете роз.

— Что ж, возможно, завтра вам больше повезет на раскопках, — сказала я. — Хорнер показал мне что пропало и как оказалось, что весьма иронично, мы ищем зуб. Не такой, который может поместиться в такой маленький пузырек... Стекляшка должна быть размером с мое предплечье, чтобы он туда влез.

К нам вышел Брисби, чтобы позвать к столу, и пузырек немедленно исчез в недрах кармана пальто Джекаби. Мы пошли за хозяином в столовую, где за столом уже сидели Чарли и мистер Хорнер. Когда мы угощались свежими овощами и дымящимися кусками свинины, Брисби склонился к Джекаби и произнес:

— Ладненько, детектив, вы мне рассказали по дороге про свой особый талант. Скажите-ка, он действует только со страшилищами или вы можете читать и обычный люд?

Джекаби приподнял бровь.

— Категории «страшилища» и «обычный люд» не так уж далеко ушли друг от друга, как вам представляется. Я могу читать людей. Правда состоит в том, что я не могу не читать. Ваша аура, например, полыхает оранжевым.

— Ничего себе. И чего с этим делать? — спросил Брисби. В его глазах сверкнули искры неподдельного интереса. — Я могу изменить свою ауру? Ну, сделать её там светлее или типа того?

— Не совсем. Ауры — это сложные проявления нематериальных факторов. Вы не можете регулировать ее как ручку на газовой лампе.

— Славно. А что еще вы видите?

— Не думаю, что это хорошая идея, — вмешался в разговор Чарли. — Способность мистера Джекаби — это не фокус или трюк.

— Ничего, все в порядке, — сказал Джекаби. Он сощурился и внимательно осмотрел фермера, составляя мысленный протокол. — Вы дошли до точки, — объявил он. — Это сидит где-то в глубине вас. Вы негодуете по этому поводу, но в то же время цепляетесь за свое состояние. Вы гордитесь этим, даже неумышленно по большей части, — сказал он, а потом склонил голову на бок и продолжил, — вы глубоко и беспросветно одиноки.

Брисби спал с лица.

— Гм-м, — вымолвил он. — Полагаю, это... — Он прочистил горло. Свет жажды новых знаний померк в его глазах, и он неожиданно показался очень усталым и смущенным. — Правда.

— Ну, разумеется, это правда, — сообщил мой работодатель, попутно зачерпнув ложкой картофельное пюре с тарелки. Судя по голосу, можно было сделать вывод, что он говорил очень серьезно.

— Мы построили эту ферму из ничего, — продолжил Брисби. — Мэди собственноручно вбила несколько гвоздей в этой самой комнате. Наши мальчики выросли здесь. Были времена, когда я едва мог сделать шаг, чтобы кто-нибудь из них не болтался у меня под ногами. Это место должно было стать и их пристанищем — это всё, что у меня есть. Я всегда думал, что они... но как только подвернулся случай, Джонни тут же покинул город, а потом и Перси поступил в университет. Я их не виню. Мы ими обоими так гордимся, мы в общем-то даже не возражали, чтобы остаться тут снова вдвоём. Но теперь... — Он умолк и покатавил вилкой брокколи по тарелке.

— Мистер Брисби, я тоже кое-что могу видеть, — сказала я.

— Да? — Брисби оторвал взгляд от тарелки. Джекаби взглянул на меня с любопытством.

— Я вижу, что вы не одиноки. Только не сегодня, — сказала я.

Брисби оглядел нас, всех четверых, сидящих за столом. Чарли смотрел на фермера приветливо и обнадеживающе, но, полагаю, именно дурацкая ухмылка Хорнера сделала своё дело. Она словно заразила хозяина дома собой.

— Ах, теперь и я вижу это, — сказал Джекаби. — Возможно, я ошибся, мистер Брисби. Вы действительно выглядите немного ярче.

Столовое серебро звякало, а разговор за обеденным столом приобрел оптимистичный окрас и стал более раскрепощённым, в то время как за окном сгущались сумерки. Хорнер мечтательно размышлял о том, как он назовёт своего динозавра, а Брисби не мог дождаться, когда же сюда вернется репортер «Кроникл». Но, в конце концов, Джекаби, Чарли и я, пожелали гостеприимному хозяину спокойной ночи и отправились вниз по дорожке к хижине Чарли.

Ночь стояла безоблачной и света луны со звёздами хватало, чтобы осветить нам путь. Несмотря на то, что нераскрытое убийство и загадка похищения все еще витали в воздухе,

которые при любых других обстоятельствах могли бы навести на меня ужас, нас обволакивала радостная энергетика предвкушения.

— Сэр, если бы видели сегодня мисс Рук на раскопках, вы бы ей очень гордились, — сказал Чарли Джекаби, пока мы шли. Он одарил меня восхищенной улыбкой, и я ощутила пьянящее тепло успеха, затопившего мою грудь.

— Да вы и сами не оплошали, — сказала я. — Вы очень проворно избавили нас от тех камней.

— Чарли тоже помогал с раскопками? — спросил Джекаби.

Чарли кивнул.

— Неожиданно... мне казалось, что откапывание костей идёт в разрез с инстинктом, выработанным у вас поколениями. Вам скорее свойственно обратное, не правда ли? Ой! Мисс Рук, смотрите куда ставите ногу в темноте — вы сейчас пнули меня по лодыжке. Так... о чём это я? А точно... я говорил о выходцах из семейства псовых... ой! И вот вы опять за своё! На этот раз вы меня ударили даже сильнее. Да на этой дорожке даже споткнуться негде!

— Мистер Джекаби, прошу вас, проявите хоть немного такта, — сказала я.

— Да о чём вы вообще? Благодарю за совет, но я более чем чувствителен — а в районе ног на данный момент я таки сама нежность.

— Всё в порядке, мисс Рук, — сказал Чарли. — Я представляю собой не только собаку мистер Джекаби. И не ведом псовыми инстинктами, и я не стыжусь их. На самом деле я наслаждаюсь свободой и уединением сельской местности больше, чем ожидал. Это такое облегчение позволить себе бегать на четвереньках время от времени вдали от посторонних глаз и цивилизации.

Джекаби успел заговорить, прежде чем я сумела подобрать правильные слова:

— Не очень-то целесообразно. Ваши вылазки на дикое лоно природы не остались незамеченным. Хотя вы и думаете обратное.

— Вы про своего друга зверолова? — спросил Чарли. — Думаю, я для него буду не такой простой добычей, которую он привык выслеживать.

— Я бы не была так уверена, — сказала я. — Привычная для выслеживаний добыча у него — вроде птицы, которая режет латунь, словно нож масло. Ему не чужды существа небывалые, их-то он и больше всего жаждет. Даже чересчур сильно.

— Значит я теперь существо небывалое? — иронично, но по-доброму, спросил Чарли.

— Она права, — вмешался Джекаби. — Он вас уже разыскивает, Чарли. Я люблю этого парня, но, мне кажется, сейчас разумнее вам какое-то время оставаться на двух ногах.

Мы прошли через рожицу и добрались до места нашего назначения. Домик у Чарли был скромным, выстроенным посреди небольшой мшистой полянки недалеко от дороги. В свете луны он излучал типичное деревенское очарование.

Чарли развел огонь в маленькой пузатой печурке, и вскоре всю хижину заполнило приятное тепло. В домике имелось все две кровати: одна для него, другая для гостей, но он предложил их мне и Джекаби, настаивая, что ему будет удобнее спать на полу. Он дал мне свежее постельное белье и пожелал доброй ночи, оставив меня в своей комнате, в то время как сам сел в соседней комнате с Джекаби. Я поблагодарила его и закрыла дверь. Переодеваясь в ночную сорочку, я мысленно проигрывала все невероятные события сегодняшнего дня. А предполагая, какие же сюрпризы ждут меня утром, я думала, что не сомкну глаз.

Сначала я не ощущала, что комната принадлежит Чарли. Он прожил здесь совсем недолго и в доме пока не появились мелочи, отражающие пристрастия и нрав хозяина, но стоило мне только опустить голову на подушку, как меня окутал его запах, напоминающий аромат сандалового дерева. Весь остальной мир растворился и, в конце концов, меня сморил сон.

Утром я проснулась от лучей солнечного света, проникающих в комнату сквозь шторы, и свиста чайника на кухне. Я собрала волосы в свободный пучок, натянула блузу и креповую юбку, которую мне одолжила Дженни. Обувшись, я вышла навстречу новому дню.

Чарли встретил меня улыбкой и чашкой кофе. В это мгновение я даже немного возненавидела его, помятого и выбритого, стоявшего к освещению под таким углом, что напоминал ангела, сошедшего с полотен эпохи Возрождения. Непослушный локон волос шлепнулся мне на глаза, и я сдула его в сторону. *Это всё пустяки*, напомнила я себе. *Это моё приключение*. Спустя всего немного времени, я буду копать по уши в грязи, расчищая кости динозавра, а не распивать чай в компании невыносимо идеального полисмена.

— Боюсь, чай не очень хорош, — сказал он, когда я взяла чашку с блюдцем. — Это была единственная жестянка, которую я смог найти в доме. Но если хотите, у меня есть кофе.

— Нет-нет, он очень приятный. Спасибо. — Я сделала глоток. Наверное, это был самый худший из завариваемых на свете чаев. Я отпила еще.

— Может быть, вы хотите позавтракать? — спросил Чарли. — Мистер Джекаби, перед уходом довольствовался лишь парой тостов, но я был бы рад приготовить для вас несколько яиц или...

— Джекаби ушёл без нас? — перебила я его. Остатки сонной дымки перед глазами немедленно исчезли, и я поставила чашку на стол.

— Всего несколько минут назад, — сообщил Чарли. — Хотя, мне кажется, он поднялся задолго до восхода.

— Этот человек когда-нибудь спит вообще? Вы не станете возражать, если я прямо сейчас отправлюсь за ним? Я чрезвычайно заинтересована в результатах раскопок и мне совершенно не хочется оставлять своего работодателя один на один с местными артефактами.

— Конечно, не стану. — Чарли с громким клацаньем фарфора поставил чайную пару в раковину, пока я ходила за пальто. И буквально через считанные минуты я уже усаживалась на коричнево-белую лошадку по кличке Мэриэнн. Я бы отдала всё что угодно за добротные бриджи, но, к сожалению, не упаковала с собой ни одних штанов. Я слегка неуклюже пристроилась за Чарли, чувствуя себя неловко и неуверенно, сидя, как это принято для женщин, на кобыле. Когда Мэриэнн пустилась не быстрой рысью, я покрепче обхватила Чарли за талию. Его мундир источал слабый аромат крахмала и кедра, и поездка обратно во владения Брисби пролетела для меня словно миг.

К тому же довольно скоро из-за деревьев уже проглядывала крыша старой фермы.

— Эта долина очень красива, — сказал Чарли, когда мы не спеша ехали оставшийся короткий отрезок пути. — Я много где побывал до переезда сюда. Возможно, когда-нибудь вы позволите мне показать вам южные холмы. Там есть очень красивые водопады.

— Чарли, — произнесла я, — прошу вас, не забывайте про предупреждение Джекаби. Мистер Хадсон кажется дружелюбным, но...

Чарли кивнул, слегка поникнув плечами.

— Больше никаких превращений. Я помню. Я постараюсь.

— Неужели так сложно отказаться?

— Это трудно объяснить, — сказал он. — Это ощущение сродни зуду. Ну, знаете... покалывающее такое ощущение, когда вы сидите слишком долго в одной позе и ваши ноги затекают. Вот что-то такое, только я чувствую это всем телом. Я могу сдерживать его, но чем больше я подавляю в себе пса, тем сильнее мои чувства цепенеют что ли, и вызывают все большее и большее беспокойство. Мне очень повезло, что я оказался здесь, где могу время от времени... снять напряжение. — Он вздохнул. — Я, правда, очень ценю ваше беспокойство за меня, но прошу вас, мисс Рук, не стоит. Я привык быть осторожным.

Глава Восемнадцатая

Чарли привязал Мэриэнн, поставив ее в стойло Брисби, и я наконец смогла спуститься на твердую почву. Когда мы свернули в сторону от дома, я увидела, что Джекаби только на полпути вверх по изрезанному скальными породами холму. Он остановился и прислонился к камню, чтобы понаблюдать гневную сцену, развернувшуюся прямо у него перед глазами. Сверху доносился голос Оуэна Хорнера:

— Это абсурд, — гневно выкрикнул он. — Вы не имеете права...

— Господа, прошу вас, — раздался голос Хьюго Брисби.

— Наоборот, — раздался третий голос. — У меня есть право и юридически обязывающий договор.

Мы с Чарли поспешили вверх по тропинке и остановились рядом с Джекаби на холме. Брисби с Хорнером дружно шагали вниз в компании мужчины средних лет, одетого в синевато-серый костюм и панаму. Незнакомец потрясывал перед Брисби тонким портфелем, но тот не сбавляя шага шёл дальше к дому.

— Того подлеца ни в коем случае нельзя было допускать до находки, — ворчал мужчина. — Совсем неудивительно, что этот господин уже скрыл где-то бесценный артефакт.

— Как вы смеете — именно я заявил о краже ископаемого! — Хорнер в отчаянии вскинул руки.

Мужчина не обратил никакого внимания на слова Хорнера и продолжил говорить:

— Я уже пообщался с полицией в Гадстоне, чтобы мистера Хорнера не допускали к моей собственности в радиусе ста ярдов. Меня заверили, что их отделение целиком и полностью меня поддержит. О, и я вижу, что сюда уже кого-то прислали. — Процессия приблизилась к нам, и мужчина в сером встал прямо перед Чарли.

Чарли сделал шаг вперед.

— Боюсь, я не получал никакого приказа, мистер?..

— Лэмб. Профессор Льюис Лэмб. Я лично разговаривал с капитаном Беллом.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Возможно, что приказ капитана был отсрочен. Однако, я считаю, что мы все можем мирно сосуществовать.

— Мирно сосуществовать? Вы знакомы с мистером Хорнером? Будьте уверены, если он снова нарушит границы собственности, немедленно угодит за решетку. С этого момента место этих раскопок нужно считать частной собственностью и оградить от любого внешнего вмешательства.

— Даже если он придет в качестве моего личного гостя? — спросил Брисби.

— Вижу, что вы не понимаете мистер Брисби. — Лэмб развернулся лицом к фермеру.

— Мы очень высоко ценим ваши усилия, но теперь, когда я приехал, вам нет никакой необходимости принимать непосредственное участие в раскопках. Раскопки будут вестись исключительно моими сотрудниками и мной.

— Что? Не понимаю.

— Он выгоняет и вас, — пояснил мистер Хорнер со стоном.

— Вы не можете этого сделать — это всё ещё моя земля!

— Вообще-то могу, мистер Брисби, по условиям договора, который вы сами же и подписали. Дилетанты не подвергнут опасности целостность данного открытия. Кстати об этом, кто эти люди? — Лэмб похоже наконец заметил нас, уставившись на меня и Джекаби с подозрением.

— О, эээ, всем доброго утра, — сказал Брисби, приподняв вежливо старую помятую шляпу. — Это Льюис Лэмб. Он здесь, чтобы... гмм... Он тут, чтобы заняться раскопками. Он прибыл сегодня утром. Лэмб, это мистер Джекаби и мисс Эбигейл Рук. Я уже говорил вам с них. Вам будет интересно узнать, что мисс Рук дочь еще одного специалиста по динозаврам. Дэниела Рука, так? — Я кивнула. — Она вчера нам здесь очень помогла, и она, как и мистер Джекаби, первоклассный частный детектив. О нём писали в газетах. Уверен, что если вы просто хорошенько подумаете, то поймёте, сколько здесь присутствует замечательных людей, готовых вам помочь.

Я улыбнулась Лэмбу и протянула руку.

— Рада с вами познакомиться, сэр.

Лэмб выглядел так, будто ему случайно в рот попала некая пакость, и он обдумывал: прожевать ли её или выплюнуть и покончить с этим.

— Вот — это именно то самое непрофессиональное неумелое руководство, которое я намерен предотвратить, — сказал он и прошёл мимо меня.

Я опустила руку и обменялась взглядом с Оуэном Хорнером. Он закатил глаза.

— Раскопки теперь закрытая территория, чтобы не махала тут лопатами каждая полуграмотная деревенщина и поблизости не ошивались любопытные прониры, хлопающие невинными глазками. Мистер Брисби, в интересах поддержания профессиональных рабочих отношений, я закрою глаза на развернутую здесь деятельность мистера Хорнера и этих любителей, которые в качестве хобби выбрали себе копанье в земле. Но, полагаю, что впредь вы будете следовать букве договора, отображенного на этой бумаге. В моём распоряжении есть команда из выдающихся адвокатов. Мне бы не хотелось наблюдать, как вы лишитесь своей фермы из-за нарушения условий договора.

Лицо Брисби вытянулось, его руки безвольно повисли по бокам. Лэмб зашагал вперед к карете, стоявшей в тени сарая, и резко распахнул дверь.

— Просыпайтесь, вы, увальни, — окрикнул он. — Пора отрабатывать своё жалование!

Карета качнулась и из неё вылезла парочка осоловевших мужчин. Первым был высокий, худощавый мужчина с медно-коричневой кожей и черными волосами; он зевнул и потянулся, встав у задней части кареты. Вторым оказался розовощекий, утыканный веснушками, толстяк, больше походивший на перезрелый персик, увенчанный всплеском рыжих волос. Он потёр глаза и поправил рюкзак из мешковины на спине. Выкарабкиваясь из кареты, он держал в руках груды длинных алюминиевых шестов и, не сумев удержать равновесие, выпустил несколько из охапки и те с лязгом упали на землю.

Лэмб простонал от досады и зашагал вверх по склону, не оставив дальнейших инструкций. Рыжий мужчина собрал свои вещи и молча прошёл мимо нас, следуя за Лэмбом

к предгорью за домом фермера. Второй мужчина закинул за плечо набор кирок и молотков и двинулся вслед за коллегами. Проходя мимо нас, он остановился, и как бы извиняясь пожал плечами.

— Профессор производит не очень-то хорошее первое впечатление, но вы к нему привыкните.

— Неужели второе впечатление будет разительно отличаться от первого? — скептически поинтересовался Хорнер.

— Мистер Бредли! Сюда, немедленно! — прокричал Лэмб уже будучи на полпути вверх по склону.

Мистер Бредли глубоко вздохнул и поправил инструменты на плече.

— Вы привыкните, — повторил он и поспешил наверх.

Брисби отвернулся от удаляющейся процессии, повернувшись лицом к нам. Его рот открывался и закрывался.

— Что только что?.. — сумел произнести он наконец.

— Вы поставили не на ту кобылу, — высказался Хорнер. — Говорил же вам, нужно было со мной контракт подписывать.

Фермер выглядел так, будто вот-вот разразится слезами.

— Ну, — сказала я, — по крайней мере, никто не истекает кровью и не выдвигает обвинения, пока... Так что, полагаю, что всё прошло лучше, чем я смела надеяться. Я заметила, что вы, мистер Хорнер, не бросались ни в кого камнями. Я ценю вашу сдержанность.

— Меньшее, что я мог сделать, красавица. — Хорнер вяло подмигнул мне и вновь обратил свой взор на угрюмого вида предгорье. — Но день только-только начался.

Брисби заварил чайник горького американского кофе, и мы остались наблюдать, стоя на крыльце чёрного входа фермерского домика, как у нас на глазах выростала брезентовая стена, которая постепенно окутывала всю площадь раскопок. Единственное подтверждение нашей вчерашней напряжённой работы, что было видно даже издали — то тут, то там, разбросанные по участку кучи чернозема.

— Как бы мне хотелось, чтобы я так и не отправил вчера телеграмму, — посетовал фермер, отхлебнув черной бурды. — Жалко, что репортерша приедет зазря. Она мало что сумеет написать о раскопках, которые теперь закрыты Лэмбом от всего и вся.

Хорнер, прижав к груди свою кружку, угрюмо таращился на землю. Я понимала, что он чувствовал. Брисби это тоже заметил и стал выглядеть еще более жалко.

— Мне очень жаль, что всё так обернулось для вас, мистер Хорнер. Вы проделали такую работу. Вы теперь уедете?

Хорнер глубоко вдохнул и выпрямился.

— Не думаю. Как вы говорите, было бы обидно проделать такой путь зря. Если вы не возражаете против моей компании, я бы день-другой побродил по округе. В конце концов, не хотелось бы мне таким образом отплатить вам за ваше добро, — оставив один на один с этим брюзгой.

Брисби кивнул и слегка приободрился.

— Только не вздумайте делать глупости, — сказала я. — Помните, вы уверяли меня, что будете играть честно, какой бы дело не приняло оборот.

— Разве я так сказал? — Хорнер усмехнулся. — Не похоже на меня. Ладно, ладно... даю слово. Никаких глупостей. Однако не списывайте меня окончательно со счетов. Я

невероятно очарователен. — И как бы в подтверждении своих слов, он одарил меня дерзкой ухмылкой. — Может, мы еще подружимся со старым добрым Льюисом Лэмбом.

— Будьте осторожны, — предупредил его Чарли. — Мне бы не хотелось брать вас под стражу. Профессор Лэмб произвел впечатление довольно предвзятого человека.

— А как же вы, мисс Рук? — спросил Хорнер. — Для вас раскопки потеряны точно так же, как и для меня.

— Отнюдь, — ответил за меня Джекаби, голос которого прозвучал раздражающе радостно. Он облокотился на перила и добродушно осмотрел местность вокруг. — Мы ровным счётом ничего не потеряли. Теперь, когда ваш маленький проект «Раскопки» снят с повестки дня, мы можем сосредоточиться на настоящей причине нашего пребывания здесь.

— Настоящая причина нашего пребывания здесь? — переспросила я, поглядывая с опаской на моего работодателя. В связи с тем, что сюда должен был явиться корреспондент, было бы совсем не кстати, чтобы Джекаби забыл о своем обещании сохранить наше расследование убийства в тайне. — Настоящая причина нашего пребывания здесь заключается в расследовании пропажи кости, не так ли, сэр?

— В самом деле, мисс Рук, причина, по которой мы находимся здесь, — Джекаби выразительно приподнял брови, глядя на меня, — расследование дела, в котором кое-чего не хватает.

— Он прав, — сказал Чарли. — Кость всё ещё не найдена, несмотря на смену правообладателя раскопками. Пора заняться поискам преступника.

— Возможно, это был просто волк или другой какой зверь? — предположил Брисби. Джекаби нахмурился.

— Да. Очень вероятно, что наш преступник вовсе не человек. Поверьте, мы очень серьёзно рассматриваем и этот сценарий развития событий.

— Репортер будет в восторге, — циничным тоном сообщил Хорнер. — Преступление хорошенько оживит историю. Она напишет статью для «Восточного побережья», если вы подкинете ей большого злого волка для затравки.

На лице Чарли в ответ на эту тираду не дрогнул ни один мускул.

— Не думаю, что стоит учитывать волков, — сказала я. — Перспектива в любом случае сомнительная. Ископаемые останки обычно не привлекают падальщиков.

— Ну, разумеется, привлекают, — заявил Джекаби. — Особенно читающих газеты. Думаю, настало время познакомиться с вашим соседством.

«Соседство» оказалось не подходящим словом для окрестностей Гадовой Долины. Нам с Чарли и Джекаби пришлось прошагать полмили, прежде чем мы добрались до ближайшей фермы.

Пройдя по немощеной тропинке, мы подошли к скромному домику чуть меньшего размером, чем ферма Брисби, и, судя по облупившейся краске, бывшем когда-то бежевого цвета. Мы с Чарли поднялись по ступенькам на крыльцо к двери, Джекаби сразу же зашагал к задней части дома.

— Сэр, что вы делаете? — спросила я.

— Веду расследование, — тоном, не терпящим возражений, ответил мне Джекаби.

— Ну, вы не можете просто прийти в чужой двор без приглашения. Кроме того, разве ведение расследования не предполагает опрос людей.

— Как правило, я не имею ничего против людей, но у них чаще всего нет искомым мною ответов. — Неожиданно столб ограды над головой Джекаби взорвался осколками

древесины в сопровождении характерного звука «БЛАМ»! Напротив него в дверном проёме в обычном белом фартуке, повязанном вокруг талии, стояла женщина, держа наперевес ружье. — Но порой, люди время от времени удивляют, — добавил мой работодатель.

Женщина держала подбородок высоко поднятым и направляла дуло прямо на Джекаби. У неё был не самый грозный вид, но винтовка с лихвой это компенсировала.

— Вы на моей земле, — сообщила она.

— Именно так, — ответил Джекаби. — И вы это заметили. Умница.

В доме отчаянно залаяла собака. Женщина и не подумала опустить оружие, когда из дома вырвалась черно-белая овчарка, которая принялась кружить и нюхать Джекаби во всех местах приличных и не очень, пока не рухнула на спину и не подставила живот, чтобы его почесали.

Женщина вздохнула и покачала головой.

— Если вы пришли, чтобы украсть самого нестрашного в мире сторожевого пса, то я очень близка к тому, чтобы позволить вам это сделать.

Собака вскинула голову и посмотрела на хозяйку.

— Тоби, ты не произвел должного впечатления.

— Прошу вас, миссис Пендлетон, опустите оружие, — сказал Чарли, спешно выходя вперед, держа повыше значок. — Этот господин со мной.

Миссис Пендлетон кивнула полицейскому и аккуратно опустила винтовку.

— Вы знаете эту женщину? — просил Джекаби.

— Мы недавно познакомились, — ответил Чарли.

— Точно так, — подтвердила миссис Пендлетон. — Как раз на прошлой неделе. Мистер Баркер посадил под замок моего Эба на ночь. Мой старик, когда слегка переберёт, ведет себя не очень-то.

Чарли кивнул.

— Мистер Пендлетон был сильно пьян, громко распевал и размахивал оружием посреди «Товары и продукты Гадстона».

— Он праздновал, — пояснила она с намёком на улыбку. — Это была наша годовщина.

— Что объясняет его выбор песни о любви, — сказал Чарли. — У него отменный тенор.

— И только-то? — миссис Пендлетон расслабилась и облокотилась на дверную раму. — Я знаю, что он может быть той еще занозой, но в глубине души он славный. О, кстати, он руки не распускал?

— Вы узнаете первой. Миссис Пендлетон, пожалуйста, позвольте мне представить вам моих коллег, детектива Джекаби и его ассистента, мисс Рук.

Миссис Пендлетон кивнула в сторону Джекаби.

— Детектив, да? А что это за штуковина у него на голове?

Я подавила смешок. Шапка Джекаби походила на неуверенный детский рисунок шляпы, который вы запросто могли бы принять за набросок слона или перевернутое вверх ногами брокколи. Но пряжа изо всех сил старалась выглядеть шляпой. Этого у неё не отнять.

— Что? — Джекаби насупился. — По правде говоря, женщина, эта шляпа — бесценный раритет! Она была связана...

— Сэр, сейчас не самое подходящее время, — вмешалась я. — Пожалуйста, мэм, мы в середине расследования. И именно поэтому мой работодатель... эээ... пересек границы ваших владений. Он ищет кое-что необычное.

Миссис Пендлетон склонилась ко мне.

— Ваш работодатель в зеркало-то хоть раз смотрелся? — спросила она.

— В этом районе было совершенно некое преступление, — вмешался Чарли, прежде чем Джекаби успел бы что-либо возразить. — Кража ценного имущества, а значит где-то поблизости бродят подозреваемые в содеянном. Мы всего лишь пытаемся защитить долину, миссис Пендлетон — включая вас и вашего супруга.

— Я присматриваю за Эбом, а Эб присматривает за мной. — Миссис Пендлетон погладила приклад своего оружия. — И мы приглядываем за нашей собственностью. Я ценю вашу заботу, но, думаю, всё будет в порядке. Но если вас это осчастливит — можете заглянуть на задний двор. Только, чур, ничего не трогать.

Джекаби нетерпеливо кивнул.

— Это не займет и минутки, мадам. Просто гляну, есть ли остаточные следы паранормальной злонамеренности, нечто свидетельствующее о чудовищных моральных деформациях субъекта.

— Вы чудной. Типа ищите иголку в стоге сена, что ли?

— Всегда!

Когда Джекаби поспешил за угол, а Тоби бросился за ним следом, миссис Пендлетон обратила всё своё внимание на меня:

— Итак, чего они украли?

— Кость, — ответила я. — Очень древнюю кость.

— Да с какой стати кому-то могли понадобиться кости? — спросила она.

— Кто бы знал, — вздохнула я. — Может, у вас есть какие мысли на сей счёт? Что люди здесь делают с костями? Есть какие-то местные обычаи или вроде того?

— Неа, ничего такого, — ответила она, пожав плечами. — Если кости достаточно большие, то мы бросаем их грызть собакам. Как и все это делают. Это помогает занять Тоби на некоторое время.

Я кивнула.

— Всё равно спасибо.

Джекаби быстренько провел свой досмотр и вернулся к нам. Судя по его виду, он ничем не впечатлился. Мы поблагодарили миссис Пендлетон за содействие и продолжили свой путь.

— Как успехи? — спросила я.

— Я разочарован этой фермой, как и вкусом на моду этой дамы. Моя шапка наименее интересная вещь в этом захолустье.

Следующая ферма так же не дала пищу для ума следствию, как и последующая за ней ферма, а за ней и следующая. Мы обошли семь ферм, исходив несколько миль Гадовой Долины, пока наконец не сдались. Самыми интересными из здешних аномалий оказались: курица, перелетевшая забор, и корова, объевшая соседскую клумбу.

— Возможно, это самая заурядная местность в истории загородных поселений, — проворчал Джекаби. — А что у нас на счёт запахов?

— Сэр? — спросила я.

— Запахи. Чарли же у нас прекрасная ищейка, которой мог бы гордиться любой департамент полиции. Вы что-нибудь унюхали? Взяли след?

Чарли посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на Джекаби.

— Боюсь, я не смогу этого сделать без... обращения.

— Об этом не может быть и речи, — заявила я. — Мы найдём улики по старинке,

благодаря обычной рутинной работе детективов.

— Брр. — Джекаби натянул обратно свою шапку. — Звучит ужасно.

Едва переставляя ноги, мы зашагали обратно к дому Брисби. После долгого утра, переполненного разочарованиями, я мысленно тешила себя надеждой, что профессор Лэмб, возможно, в наше отсутствие подобрел. Но об этом оставалось только мечтать.

— Как вы думаете, каковы шансы, — произнесла я вслух, — что страсти поутихли, пока нас не было?

Когда мы завернули, Чарли мрачно покачал головой. В пятидесяти ярдах от нас на крыльце дома Брисби стояли хозяин дома и Лэмб, который яростно жестикулировал, и что-то эмоционально выкрикивал. К ним шагала тяжеловесная фигура, которая с первого взгляда напоминала невероятно широкоплечего великана, а потом я поняла, что этот мужчина, одетый в пыльник, был не таким уж и большим. Наконец, я осознала, что этим здоровяком был Хэнк Хадсон, именно он шагал через земли Брисби, и у него гирляндами на руках висели помощники Лэмба. Но как бы несчастные ни старались, им не удавалось сдержать зверолова.

— Ничтожны, — ответил Джекаби. — Предположу, что шансы ничтожны.

Глава Девятнадцатая

Чарли поспешил вперед, чтобы разнять драку. Наемники Лэмба же при его появлении, бросились врассыпную. Лэмб что-то рычал про границы и неприкосновенность, добавив несколько ругательств в сочетании с именем Оуэна Хорнера. Брисби облокотился на перила и недоуменно взирал на возмущающегося Лэмба. Возле коновязи стоял дилижанс, и на фоне привязанных бок о бок мускулистых жеребцов Мэриэнн Чарли казалась просто крошечной.

— Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? — требовательно спросил Чарли. Все пятеро тут же наперебой пустились в объяснения, поэтому Чарли махнул рукой, призывая всех умолкнуть. — По очереди! Один говорит — остальные молчат. Мистер Хадсон, не начнете?

— Что ж, было так. Эти два клоуна разозлились, потому что я хотел взглянуть на кости на холме, не спросив у них разрешения. Откуда ж мне было знать, что нужно было покупать билет. Похоже, на бесплатный просмотр я упустил свой шанс ещё три дня назад. Этот мужик, Лэмб, истерит из-за какого-то контракта, который он подписал с Брисби, а Брисби-шельмец нашел лазейку. Я не уловил всех деталей, но у Лэмба есть права, чтобы прятать кости ото всех, но ему всё ещё нужно разрешение Брисби, чтобы забрать их отсюда и увезти в какой-то его заумный университет. Брисби не дает ему разрешение. Лэмб не в восторге, но чего он может поделать? Только разорвать контракт и тогда вообще потерять права на раскопки. Вкратце как-то так. О, ну и Брисби рад, конечно. Он упоминал, что собирается что-то там показать девчонке из «Кроникл», но он не сказал что именно. Некогда было расспросить, потому что пришли эти петухи и начали вопить.

— Помимо отступлений и комментариев, всё верно? — Чарли обратился к профессору Лэмбу.

— Правды не прозвучало даже и половины.

Чарли вздохнул.

— Пожалуйста, профессор, скажите же мне, что вас так расстроило?

— Хорнер! Хорнер определённно что-то замышляет! И мистера Брисби подстрекает быть соучастником своей пакости. Это внезапное решение обсудить каждую букву нашего

контракта, чтобы неоправданно затянуть моё исследование. Это просто уловка, на которую Хорнер навел мистера Брисби, чтобы отвлечь меня! Брисби известно, как и мне, что Хорнер до добра не доведет, и мне не нравится его легкомысленное отношение к этому человеку!

Брисби всплеснул руками.

— Вам не нравится, когда он здесь, но вам и не нравится, когда его здесь нет. Меня не волнует Хорнер и, честно говоря, мне плевать на кости, которые он, по вашим словам, украл. Уверен, что они найдутся. — Он отодвинул Лэмба в сторону и спустился с крыльца. — Это просто истерика, офицер, не более. Профессор Лэмб просто хочет заполучить свои игрушки и уехать домой, и сходит с ума от того, что не может этого сделать. Но он это переживёт.

— Уверен, что вы правы. И всё же, где мистер Хорнер?

— Он будет с минуты на минуту. Репортер прислала телеграмму, что прибывает в Гадстон к трём, и мистер Хорнер вызвался её встретить. Он сказал, что у него всё равно дела в городе.

— И вы не находите, что это немного подозрительно? — мрачно пробормотал Лэмб из-за его спины.

Брисби пропустил его слова мимо ушей и продолжил говорить:

— И она не будет разочарована. Я нашёл кое-что интересное для статьи в «Кроникл», так что мне всё равно, откроет этот брызга раскопки для посещений или нет.

Джекаби приподнял брови.

— Хадсон о чём-то таком упоминал. Полагаю, вы не собираетесь делиться с нами информацией о том, что же вы нашли?

— Ну.. я хочу придержать это при себе до их возвращения.. но пропал один из малышей.

— Ребёнок пропал? — спросил Джекаби. — Когда?

— Нет, нет... детёныш, — сказал Брисби. — Одна из моих козочек.

— Эта долина и её чертовы пустышки, — пробормотал Джекаби, разворачиваясь и шагая прочь.

— Но не это главное, — продолжил Брисби, — я очень надеюсь, что мисс Фуллер привезет с собою на этот раз камеру, потому что вокруг козочки повсюду следы и там есть на что посмотреть. Мы же как раз говорили о том, что виною недавним событиям может быть доселе неизвестное здешним чудовище, так вот оно доказательство.

Джекаби развернулся и замер. Все устремили взоры на Брисби.

— Следы? — прервал воцарившееся молчание Хадсон.

— Верно. — Фермер качнулся с носков на пятки и обратно. — Следы. Не от моего скота или какого-то старого ботинка — их оставили огромные когтистые лапы.

Никто из нас не был готов к подобному сообщению. Я было подумала, что Чарли нарушил свое обещание, но он, как и остальные, выглядел ошарашенным.

— Это смешно, — сказал Лэмб. — Хотя.. если здесь и правда по близости бродит некий дикий зверь, тогда это тем более повод перевести мою охраняемую находку в Университет Глэнвилль.

— Покажи, — сказал Хадсон.

Джекаби не стал дожидаться, пока его проводят. Он прошел между Лэмбом и Брисби, а потом опрометью бросился, обогнув дом, к сараю. Хадсон побежал вслед за ним, да и Брисби не отставал. Я хотела пойти за ними, но передумала, когда заметила, что Лэмб не шевельнулся. Я развернулась и увидела повозку, подпрыгивающую на ухабах, которая ехала

прямо к нам в небольшом облаке пыли. Хорнер возвращался с репортёром Брисби.

— Мистер Джекаби, — окликнула я, но тот уже скрылся из виду, как Хадсон и Брисби. Я успела схватить Чарли за руку, прежде чем и он бы умчался за ними. — Не думаю, что профессора Лэмба стоит оставлять одного приветствовать вернувшегося мистера Хорнера, как считаете? — сказала я.

Чарли согласно кивнул, наблюдая за приближающимся экипажем.

Льюис Лэмб сделал несколько шагов в сторону предгорий и взревел:

— Огаст! Огаст Мёрфи. А ну, живо сюда! — Из-под брезента показалась рыжая копна волос. Мёрфи поспешил скорее вниз к своему нанимателю, и к тому времени, когда добрался до него, порядком запыхался и взмок. — Итак, — сказал ему Лэмб, — ты знаешь, что делать.

Двухместную открытую повозку везла к ферме одна из рабочих лошадок Брисби. Вожжи держал Хорнер. Женщина, которую он вез, была одета в стильное пальто в полоску. И не успели колёса притормозить, как Мёрфи запрыгнул в повозку и начал мутузить Хорнера. Тот испуганно вскрикнул, по-видимому, удивившись тому, как его угораздило оказаться в драке, да еще и у всех на глазах.

Чарли побежал к повозке, чтобы помешать происходящему, но Мёрфи уже спрыгнул на землю. Он размахивал клочком бумаги над головой, гордо маршируя к Лэмбу. Хорнер спрыгнул с повозки и пошёл следом за ним. Выражение его лица сменилось с привычно чванливого на усталое и разочарованное.

— Вот оно, мистер Лэмб! — крикнул Мёрфи. — Это было у него в жилете, прямо как вы и сказали!

Хорнер из-за спины выхватил бумагу у него из рук. Мёрфи развернулся и попытался вновь её отобрать.

— Довольно! — рявкнул Чарли, оттесняя мужчин друг от друга. — Отдайте, мистер Хорнер, — сказал он со вздохом.

Хорнер неохотно протянул бумажку полицейскому.

— Кто-нибудь потрудится мне объяснить, что это? — спросил полисмен.

— Это квитанция из почты, — торжественно объявил рыжий мужчина. Он выглядел самодовольным и запыхавшимся.

— Это я вижу. — Чарли оглядел бумажку с обеих сторон.

— Неужели теперь и почта у Лэмба в собственности? — Хорнер пробуравил взглядом Мёрфи, который нервно отступил. — Я даже письмо не могу отправить без вашего одобрения?

— Но вы же не отправляли письмо, сознайтесь, — холодно возразил Лэмб из-за спины Чарли. — Вы отправили посылку, и отправили вы её себе. Я ошибаюсь, инспектор?

Чарли поднял глаза.

— Чек подтверждает ваши слова.

— Разумеется! — воскликнул Хорнер. — Я сюда не в отпуск приехал. Я приехал сюда упорно работать. На законных основаниях. Это, конечно, Лэмба не касается, но я отправил по почте все свои заметки и зарисовки, пока и их не украли его головорезы. И этот мошенник имеет наглость обвинять меня в воровстве!

— Никто не называет вас вором, мистер Хорнер, — сказал Чарли.

— Именно так я его и называю! — заявил Лэмб. — Даже если все, что вы отправили, только заметки и наброски, в чём я лично сомневаюсь, это уже могло бы служить признанием! Все открытия, сделанные на раскопках, как физические, так и

интеллектуальные, — моя собственность, и не подлежат разглашению. В моём контракте с мистером Брисби очень чётко это прописано.

— Вот об этом я и говорю, — обратился Хорнер к репортерше, которая наблюдала перепалку с отрешённым интересом, словно за заурядным теннисным матчем.

— Офицер, арестуйте этого подлеца! — взревел Лэмб. Чарли сделал глубокий вдох.

— Чокнутый старикашка, — крикнул в сердцах Хорнер. — До вашего появления здесь, в моём распоряжении был целый динозавр! С чего бы мне красть всего один зуб?!

— Мы оба знаем, что речь идёт не только о зубе! Я хочу, чтобы вы, пока не дали деру из Гадстона, вернули все те окаменелости, которые уже успели стащить. А ещё, чтобы вас посадили за решётку, где вам и место!

— Он украл что-то ещё с места раскопок? — спросил Чарли.

Хорнер в отчаянии раскинул руки.

— Да ничего я не крал!

Я повернулась к Лэмбу.

— Если вы позволите посетить нам место раскопок, то...

— Барышня, — сказал он, перебивая меня, — мне плевать, кем был ваш отец. Вам здесь не рады, и вашим друзьям тоже, так что у вас нет никаких веских оснований находиться здесь.

С повозки наконец-то сошла женщина в полосатом пальто.

— Льюис Лэмб, не так ли? — спросила она, и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Нелли Фуллер, «Кроникл». Enchanté. Можно я первая скажу, что этот костюм цвета серой пыли во всей красе отражает суть вашей личности. А теперь, будьте добры, просветите девушку, специализирующуюся на подробностях, что здесь происходит. В чём конкретно вы обвиняете мистера Хорнера? Что он украл?

Лэмб насупился.

— Ничего я вам не должен объяснять. Если Хорнер хочет использовать палеонтологию, чтобы произвести впечатление на очередную пустышку в красивом платье, то пусть забирает вас с вашими прелестными локонами и ищет себе другое место для раскопок. Он знает, что украл у меня.

— Ба, как мило, что вы обратили на них внимание, мистер Лэмб. — Мисс Фуллер выправила чёрные как уголь локоны, выглядывающие из-под шляпки. — Я с самого утра надеялась, что кто-нибудь да обратит на них внимание. Разумеется, если мои волосы будут мешать вам выполнять свою работу, я с радостью уберу их под шляпу. Опять же, если ваше мнение о женщинах мешает мне выполнять мою работу, то я буду более чем счастлива предложить вам место, чтобы вы смогли высказать своё недовольство ими. — Она одарила профессора сладкой улыбкой и вежливым кивком.

Оуэн Хорнер посмотрел на Нелли Фуллер так, будто влюбился. Льюис Лэмб рассвирепел.

— Да как вы смеете! — ругался он. — Я работаю в институте, состою в научном сообществе... — Взгляд его темных глаз метался от одного к другому, пока не остановился на Чарли. — Ну? Я выполняю важную работу на этих раскопках. А вы собираетесь выполнять свою? Или просто позволите свободно бродить этому преступнику, в то время как его друзья преследуют меня?

— Я бы с удовольствием вам помог, профессор, — ответил Чарли, — но, если вы официально хотите обвинить мистера Хорнера в преступлении, тогда вам придется признать

и раскопки местом преступления.

— Ну, это же определённо место преступления!

— А это означает, — размерено продолжил говорить Чарли, — что данное место подпадает под юрисдикцию местной полиции и наших детективов-консультантов, которые призваны вести расследование.

Я приободрилась.

Профессор глубоко вдохнул и закрыл глаза, гневно потирая шею.

— Ладно.

Я чувствовала, как улыбка расплывается по моему лицу. Это был долгий день фальстартов, но вечером неожиданно случился прорыв. Необычный динозавр, украденные окаменелости, нераскрытые убийства, даже зловещий бледный человек — все они были привязаны к тем скалистым предгорьям, как потрепанные нити из одной и той же веревки. Позади той брезентовой стены были захоронены тайны, и я была решительно настроена их раскрыть.

Глава Двадцатая

— Смотрите, но ничего не трогайте, — предупредил нас Лэмб уже в третий раз, когда мы с Чарли следовали за ним к брезентовому входу. — И позвольте мне напомнить вам, что всё увиденное вами совершенно конфиденциальная информация.

— Мы сохраним ваши тайны, профессор, — заверил его Чарли.

Лэмб сощурился, но всё же откинул полог, и мы вошли внутрь. Огромная территория раскопок, конечно, не была накрыта брезентом, но была обнесена высоким забором. Каждая стеночка стояла под углом, чтобы обеспечить больше тени, и всё же предоставляла большую площадь солнечному свету. То тут то там лежали аккуратно разложенные инструменты, а часть скелета прикрывали небольшие полотна ткани. Самое широкое полотно прикрывало хребет создания. Остается только гадать, зачем Лэмб застелил древнее создание таким количеством ткани, то ли из-за паранойи о конфиденциальности, то ли, чтобы защитить останки от погодных катаклизмов. Но стоило признать, что Лэмб со своей командой добились значительного прогресса. Уже были полностью видны контуры головы, и, хотя то место, где когда-то, предположительно, находился живот существа, было частично прикрыто брезентом, сомневаться не приходилось, что команда Лэмба полностью раскопала весь огромный позвоночник зверя.

Мистер Брэдли, сухопарый темнокожий мужчина, как раз расчищал кисточкой и маленькой стамеской шею существа. Он улыбнулся, завидев нас, но стоило ему натолкнуться на грозный взгляд Лэмба, как он тут же вернулся к работе.

— Так вы утверждаете, что приходите дочерью Дэниелу Руку? — спросил Лэмб, когда провёл нас вдоль длины существа.

— Именно так, — ответила я.

— Что ж, давайте узнаем, научились вы чему-нибудь полезному у своего отца, сделавшего маломальскую карьеру. Что присоединяется к берцовой и малоберцовой костям?

Если бы он меня попросил вдеть нитку в иголку или сыграть на клавишине, я бы, пожалуй, заартачилась, но, когда большинство девочек складывали мозаики, соответствующие их возрасту, я собирала модели скелетов.

— К бедру, с одного конца присоединяется коленный сустав, а к предплюсневому суставу с другой стороны — лодыжка.

Мистер Брэдли работал, не поднимая головы, в присутствии Лэмба, и все же он кивнул, поддерживая меня, когда мы прошли мимо. Вот интересно, и как так получается, что такие приятные люди поступают на работу к таким грубиянам, как Льюис Лэмб.

— А что идёт за лодыжкой? — продолжил сухо мой инквизитор.

— То же, что и у людей, стопа и пальцы. Плюсневые кости и фаланги, если вы предпочитаете. Большинство динозавров похожи на современных птиц. Вообще-то, именно плюсневые кости помогают оторваться от земли, вес существа...

— Неверно, — прервал меня Лэмб.

— Неверно? Нет, я совершенно уверена...

— Вы ошибаетесь, мисс Рук. Вам должно быть ясно видно, что после лодыжки идёт... пустота. Вот в чём соль. Вся нога моего динозавра была украдена.

Я посмотрела вниз. Массивные бедра всё ещё находились на своём месте. Следом за ними шли длинные большеберцовая и малоберцовая кости, но потом следовали лишь несколько углублений в земле. В том месте, где должны были бы лежать длинные когти. Кости ступни исчезли.

— Ещё вчера вечером они определённо были здесь, — сказал Чарли, аккуратно обходя углубления.

Я кивнула.

— Начальник, я пытался её остановить! — раздался неожиданный хрип Огаста Мёрфи у входа. Его веснушки совсем затерялись в море красноты, разлившейся по лицу.

Нелли Фуллер переступила через свежую кучу земли. Полоски, обманчиво уменьшающие её полную фигуру, на лоснящемся пальто казались острыми, под стать языку. Её одеяние выглядело таким неуместным на фоне всей этой грязи, но она уверенно шагала вперёд.

— Да что вы себе позволяете? — прорычал Лэмб.

— Журналистику, — сказала она. — Ужасное хобби, знаю, но всё никак не могу завязать. Здравствуйтесь! Это наш красавец?

Мистер Брэдли возился со своим зубилом.

— Я имела в виду этого здоровяка, что вы откопали. Но как ваше имя, мистер?

— Брэдли. Билл Брэдли, мисс.

— Хорошее имя, Билл. Аллитерация всегда смотрится очень хорошо в печати. Так что вы говорите раскопали?

— Сэр, мне вывести её? — спросил мистер Мёрфи.

— Эй, бандит, если ты так хочешь потанцевать, нужно для начала спросить об этом даму, — крикнула Нелли через плечо. — Но моя карта уже расписана.

— Лучше иди и присмотри за Хорнером, некомпетентный кретин, — сказал Лэмб Мёрфи, решивший лично перехватить репортёршу. — Вы же прекрасно знаете, что вам нельзя здесь находиться!

— Разве? Наверняка это недоразумение. В будущем, вам стоит научиться выражаться яснее.

— Яснее?.. Мисс Фуллер, я обратился к вам по имени, смотрел прямо в глаза и сказал держаться подальше!

— И мы все согласились, что это идёт в разрез с мнением остальных. Без обид, солнышко. Правда. Я вас прощаю. Боже, вы только взгляните на рёбра этой громадины! Первая-то кость производила впечатление, но это просто неопишное зрелище.

— Я считаю, что вы видели более чем достаточно, — отрезал Лэмб.

— Но, сэр, мы же только начали, — кротко сказала я. — И здесь обязательно должен побывать мистер Джекаби. Может, вы пошлёте за ним одного из своих людей? Он мог бы взглянуть на...

— Вон! С меня довольно! Я сыт вами по горло!

— Профессор Лэмб... — начал Чарли.

— Никаких вам «профессор Лэмб», офицер Баркер! Я на короткой ноге с вашим руководством, и капитан Белл пообещал мне полное содействие с вашей стороны. Я поплясал уже под вашу дудку. Показал то, что вы хотели. А теперь вон с моей собственности и заберите это... этих... женщин с собой.

— Вы здесь начальник, — сказала Нелли, не спешившая никуда уходить. А потом она развернулась ко мне и добавила: — А вы, похоже, обладаете мозгами. Эбигейл Рук, да? Не возражаете, если я буду звать вас Эбби? Чудесно. Пока мы не ушли, вы знаете, как называются кости этой птицы? — Она провела пальцем вдоль своего грудной клетки.

— Грудная кость — киль, — ответила я.

— Вы сейчас эту имеете в виду, у меня, или говорите о той большой? — И она указала на широкую кость спереди у динозавра, виду которой я не предала значения, потому что приняла за плоский участок земли. — Это в порядке вещей для динозавров?

Мистер Брэдли оторвался от шеи существа и сверкнул глазами.

— Думаете это безумие? Что ж, барышни, тогда взгляните на это. — Он отстранился и начал поднимать брезент, лежавший на спине существа.

— Довольно! — взвился Лэмб, дрожа от ярости. Брэдли бросил брезент и замер.

Он оказался недостаточно быстр. Мы с мисс Фуллер переглянулись, и я увидела, что лицо репортерши отражает мои собственные ощущения. Это просто невозможно. Крылья. У этой громадины были крылья.

Лэмб чуть ли не пинками выдворил нас с места раскопок, по дороге наградив мистера Брэдли желчным взглядом. Ох, и не завидую я этому бедолаге, ведь позже его наверняка ждёт та еще лекция, наполненная праведным гневом. Но больше меня, конечно, волновало то, что он открыл нам.

— Что думаете, мисс Рук? — спросил Чарли.

— Это невозможно! — ответила я, когда мы зашагали вниз по склону.

— Этот материал, без сомнений, достоин первой полосы. — Нелли улыбнулась.

— Это какая-то невероятная помесь теропода и птерозавра! Научное сообщество встанет на уши, узнав о таком! — сказала я.

— Эбби, дорогая, какая же вы милая, но научное сообщество не узнает и половины, пока я не напишу свою статью, — сказала Нелли.

— Вашей статье придётся подождать, пока я не закончу экспертизу и не подготовлю полный официальный отчёт о данном экземпляре. — Лэмб шёл следом за нами, видимо, не веря, что мы самостоятельно сможем найти дорогу обратно.

— Чтобы написать отчёт, не потребуется много времени, — сказала я. — Скелет в очень хорошем состоянии, он невероятно хорошо сохранился.

— Именно эта «невероятность», мисс Рук, и даёт все больше поводов, чтобы притормозить. Не знаю, что Оуэн Хорнер думает о целостности находки, но я не горю желанием остаться в дураках.

— Думаете, это подделка? — спросил Чарли.

— До нашего приезда, здесь хозяйничал Хорнер. И это будет не единичным случаем, когда он намерено занимался вредительством на месте раскопок.

Послужной список Лэмба был также далеко небезупречен, но профессор был не совсем не прав. Из того, что я прочла в журналах, можно было сделать следующий вывод: Оуэн Хорнер, может, и был приятнее в общении, но менее щепетильным.

— Профессор, неужели всё так плохо между вами?

— И даже хуже, — ответил Лэмб. — Но это не моя вина! То отродье, на момент нашего знакомства, еще даже учиться не закончил. Он исследовал в своей диссертации внушительных размеров терапода, собранного, очевидно, любителем — голова одного экземпляра, а тело от другого. Естественно, я был обязан сообщить о его ошибке, и его диссертацию отклонили, с позором для Хорнера. Его гордость была уязвлена и с тех пор конфликт между нами год от года лишь накаляется. Если Хорнер не может меня опередить (что происходит чаще всего), тогда он вредит. Как вы думаете, почему он появляется всякий раз, стоит мне только взяться за новый проект? И сейчас я склонен считать, что Хорнеру хочется больше, чем натолкнуть меня на крылья у нелетающего создания, или кости ног, не соответствующие птерозавру. И мне не нравится, когда у меня стоят над душой, и, думаю, что сейчас вы в полной мере понимаете моё нежелание торопиться.

Я очень хорошо его понимала. Полевые работы и без того были тяжелы, к тому же история Лэмба казалась очень правдоподобной.

— Справедливо, — произнесла я.

— Кроме того, есть еще некоторые аспекты, связанные с раскопками, которые вызывают скептицизм, — продолжил Лэмб. — Глубина раскопок. Благодаря слоям пепла в грунте, можно сделать вывод, что на данной территории случилась серия пожаров, которые потенциально могут повлиять на рост растений и последующее оседание земли. Однако, если окаменелости пришлось бы оценивать по видимым слоям, то это всего какая-то тысяча лет.

— Но очевидно же, что это ошибка, — сказала я. — Даже самый последний вымерший динозавр мелового периода...

— Вот именно! Более того, если бы не крылья, то скелет очень похож на строение аллозавра, что предполагает Юрский период!

— Прошу прощения, детки, — вмешалась в наш разговор Нелли. — А можно перевести на понятный язык для тех, кто не говорит на динозаврьем? Вы сказали, что скелету будто не больше тысячи лет, а сколько должно быть?

— Где-то в районе ста пятидесяти миллионов, — ответила я. Она присвистнула. А я вновь обратилась к Лэмбу: — Вы правда считаете, что Оуэн Хорнер приложил столько усилий, полностью преобразил экземпляр только для того, чтобы выставить вас дураком?

— Этот змей даже и пальцем бы не пошевелил, ради чего-нибудь другого, — хмуро сказал Лэмб. — Что-то не так с этими раскопками.

Мы добрались до фермы. Хорнер как раз вывернул из-за здания и пошёл навстречу нам. За ним тенью следовал Мёрфи.

— А я как раз за вами, мисс Рук, — окликнул меня Хорнер, стоило нам приблизиться. — Вы обязательно должны взглянуть на следы, которые изучает ваш шеф. Пойдёмте. Я всё вам покажу.

— Уверен, что мы и без вас сумеем отыскать большой красный сарай, — резко высказался Лэмб.

— Вы хороши в поисках чего бы то ни было, — ответил Хорнер, — а вот я хорош в том, что нахожу это первым — как и эти раскопки. Не думаю, что мисс Рук согласится ждать неделю, когда вы соизволите найти искомое.

— Господа, прошу вас, — сказала я, умоляюще посмотрев то на одного, то на другого. Лэмб закатил глаза, но язык всё же прикусил, а Хорнер только усмехнулся и пошёл вперед.

Сарай оказался широким красным строением, граничащим с курятником с одной стороны и скоплением бочек и тачек с другой. По дороге между сараем и домом мы обнаружили Джекаби и Хадсона, сгорбившихся над землёй. Брисби стоял рядом и просто смотрел. Джекаби держал в руке диск из цветного стекла с выгравированными символами по внешнему краю. Когда мы подошли к нему, он, наклоняя голову так и эдак, пристально смотрел через него.

— Сэр? — позвала я.

— Своёобразно. — Мне было не понятно, то ли он так приветствовал нас, то ли разговаривал сам с собой. А потом он убрал линзы в своё громоздкое пальто.

— Мисс Фуллер! — радостно воскликнул Брисби. — Добро пожаловать! Приятно снова вас видеть! — А потом, обратившись ко всем, он добавил: — О славно! Как хорошо, что вы все поладили друг с другом. Я только что заварил свежий кофе. Почему бы мне вас всех сейчас не угостить?

— В этом нет необходимости, — сказал Лэмб.

— Да ну что вы, без проблем, — возразил Брисби, махнув рукой, и умчался прочь.

— Господа, на что именно вы смотрите? — спросила Нелли Фуллер.

Хадсон привстал на одно колено.

— Эти следы не совпадают ни с чем, что у нас здесь водится... по крайней мере, ни с чем, на что я когда-либо охотился, — он немного подумал, а потом с улыбкой добавил, — пока.

У меня душа ушла в пятки. Я отступила назад к Чарли, в то время как остальные сгрудились, чтобы поглазеть на следы.

Чарли угадал мои намерения и встретил меня на полпути.

— На случай, если вам интересно, — прошептал он мне на ухо, — я никогда не навещал ферму в своей иной ипостаси. И что бы там мистер Хадсон не собрался выслеживать — это не я.

— Хорошо, — выдохнула я. — Очень хорошо.

Но потом Чарли нахмурился и помрачнел.

— Однако, если бы я захотел, — продолжил он, — то мог распутать это дело гораздо раньше. Кто-то украл эти кости, а у нас ни одной явной зацепки. Джекаби прав. Если бы я мог взять след, по горячим следам...

— Вы же знаете, что это плохая идея, — прошептала я. — Мистер Хадсон уже объявил охоту, и даже если не на вас, вы всё ещё...

— Рук! — Голос Джекаби вырвал меня из размышлений. — Как вам эти следы?

— Мне, сэр? А разве не лучше будет спросить мнения Хадсона?

— Ну, разумеется, лучше, — ответил Джекаби, — поэтому его я уже спросил, теперь спрашиваю вас.

— Похожи на птичьи, — сказал Хадсон, когда я прошла мимо Лэмба и присела рядом со своим работодателем. — Три больших дряблых пальца, с намеком на один задний. Очень тонкие, но когти тонкие и ужасные. Я думал Розы большая, но по сравнению с существом,

оставившим эти следы, она просто синичка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Наконец и я сосредоточилась на следах и ахнула. Отпечатки были очень знакомыми. Я видела похожие, отлитые в гипсе в музее и в набросках своего отца в его полевых журналах, но более того я видела эти самые отпечатки буквально несколько минут назад на вершине холма. Эти следы полностью совпадали по форме и размеру с недостающими костями пальцев ступней динозавра.

— О боже, — сказал Лэмб. — Это уже становится нелепым.

— Ну, это, должно быть, мистификация, — сказал Хорнер.

— О, перестаньте прикидываться! Ну, конечно же, это мистификация, кому как ни вам об этом знать, разве нет? — Лэмб махнул на следы. — У ископаемого пропала ступня! Хорнер явно использовал окаменелости, чтобы оставить эти отпечатки.

— Что? Зачем мне это делать? — требовательно спросил Хорнер.

— Понятия не имею, как устроен ваш мозг. Предполагаю, чтобы отвлечь меня от настоящей работы.

— Он прав, — заметил Хэнк. — Отпечатки как раз от пропавшей ноги. Отпечатки вроде бы двуногого существа, но обе ноги левые. И еще это объясняет, почему они такие неглубокие.

— И даже больше того, — пробормотал Джекаби, все еще хмурия брови от напряженной работы мысли.

— Сэр? — спросила я. — Вы видите что-то... специфическое?

Глаза Джекаби сузились.

— Фальшивка или нет, но эти отпечатки были оставлены не окаменелостями. Окаменелости неживые, это лишь минеральное состояние. Это даже меньше, чем высохшая кость. Как я уже сказал, изучение окаменелостей ничем не отличается от изучения горных пород. — Лэмб с Хорнером ощерились, но Джекаби не обратил на них ровным счётом никакого внимания и продолжил: — В этих отпечатках следы чего-то более мощного. Они не похожи на другие, но есть остаточный оттенок чего-то... ауры, которую я не могу правильно интерпретировать.

— Аура? — спросил Лэмб. — Да что вы за детективы такие?

— Я — следователь, специализирующийся на необъяснимых явлениях. Моя область — сверхъестественное и экстраординарное. — Джекаби поднялся. Выражение его лица говорило о нарастающем энтузиазме. — Мистер Лэмб, только ли недостающая нога странна сама по себе, или... или есть еще что-то более странное? Расскажите мне о вашем динозавре.

— Нет уж, спасибо, ничего я вам не скажу... пока он околачивается поблизости. — Лэмб многозначительно ткнул носом в сторону Хорнера, который закатил глаза и всплеснул руками.

— О да бога ради, — сказал он. — Еще минуту назад, мистер Лэмб, вы были убеждены, что это мистер Хорнер поместил на холм весь скелет, чтобы выставить вас дураком. Если он действительно за всем этим стоит, тогда что плохого в том, если вы скажете то, что он и так знает.

— Погодите, что? — спросил Хорнер в лицо Лэмба. — Теперь вы обвиняете меня в том, что это я сложил туда кости? Мне казалось, вы обвиняете меня в их краже!

— Вот только не нужно притворяться... — начал было Лэмб.

— Мы видели крылья, — громко сказала Нелли. — Ой, теперь думаю, правда

обнародована и вы, мальчики, можете перестать грызться. Там у той штуки на холме крылья, мистер Джекаби. Огромные крылья. — Лэмб зыркнул на репортёршу, но та лишь невинно пожала плечами в ответ.

— Это невозможно, — сказал Хорнер.

— Мы тоже пришли к такому же мнению, — сказала я.

— Это не может... Это не... Это невозможно... — пробормотал он.

— Да, и это мы тоже уже чуть-чуть обсудили, — сказала я. — Но это так, они есть, значит, это возможно.

— Минимум пятьдесят футов [16] длиной! — сказал Хорнер.

Джекаби с интересом понаблюдал за происходящим, а потом спросил:

— Подозреваю, что это существо было погребено не так глубоко, как ваши типичные динозавры?

— На самом деле, скелет оказался удивительно близко к поверхности, — ответила я. — Откуда вам...

— Какие-нибудь признаки пожаров вокруг скелета?

— Пепел в окружающих его породах, — подтвердила я.

— Мистер Баркер, вы говорили, что в районе желудка существа обнаружили кремень?

Ну, разумеется... тогда всё понятно. Я должен был сразу понять.

Лэмб опять нахмурился.

— Что вам известно о моём динозавре?

Джекаби улыбнулся.

— Я знаю, что вы нашли не динозавра.

— Прошу прощения? — сказал Лэмб.

— Вы нашли нечто, самое захватывающие на свете, — сказал Джекаби. Его глаза вспыхнули опасным энтузиазмом. — Вы нашли дракона.

Глава Двадцать первая

Бородатое лицо Хадсона расплылось в широкой улыбке. Лэмб смотрел недоверчиво. Нелли открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут же захлопнула его.

— Дракон? — переспросил Чарли.

— Все доказательства налицо. Общеизвестно, что драконы заглатывали кремень для высечения искр, которые необходимы для огненного дыхания. Присутствие этого зверя в Гадовой Долине несколько удивляет, потому что большинство драконов, описанного вами размера, обитали в Великобритании и Германии, но

миграционная криптозоология [17] не точная наука. Ясно одно: их род вымер много веков назад. Не так давно, как динозавры, конечно, поэтому его и обнаружили довольно близко к поверхности. На сегодняшний день осталось только несколько китайских видов, но и они под угрозой исчезновения. Восточные экземпляры гораздо меньше, разумеется. Они больше похожи на змей. С красивой чешуей.

— Считаете это шуткой? — брызжа слюной, спросил Лэмб.

— Нет, — сказал Джекаби. — Хотя ранее я действительно использовал довольно забавную игру. Наверное, вы это пропустили. Видите ли, слово...

— Вы либо безумец, либо идиот. Вы не детектив, со всеми этими вашими аурами и драконами. Вы что, через хрустальный шар здесь все осматривали, когда приехали?

— Хрустальный шар. Никогда с ними особо не везло.

— Мистер Лэмб. — В глазах Оуэна Хорнера мелькнула вспышка удивления. — Я знаю, что это кажется невозможным, и очень вероятно, что так и есть, но вы только представьте, что мы можем стать первой профессиональной командой в истории, которая откроет всему миру истинные доказательства существования драконов на земле. Что скажете, если мы оставим всё в прошлом и начнём работать вместе, чтобы открыть истину?

— Скажу, что вы чокнутый. Все вы. Этот фарс зашёл слишком далеко. — Лэмб развернулся и чуть было не врезался в Мёрфи. — Прочь с дороги, болван. Я возвращаюсь к работе: к настоящей, объективной, научной работе. И если я увижу кого-нибудь из вас в пределах границ моих раскопок, то вы будете арестованы. Всё верно, офицер?

Чарли было неловко.

— Не думаю, что это необходимо, сэр. Мистер Джекаби очень хорош в своём деле. Если бы вы просто дали ему шанс...

— И вы туда же? О Боже, я еще мог бы ожидать что-либо подобное от сельского зверолова, но... подождите-ка. А куда он делся?

И правда, Хэнк Хадсон, казалось бы, неповоротливый человек-гора, сумел незаметно ускользнуть. Джекаби приподнял брови:

— Вас и правда это интересует, мистер Лэмб? Хэнк Хадсон всегда был энтузиастом, когда дело доходит до необычных животных. Он только что узнал, что останки одного из самых легендарных видов во всей истории человечества торчат из грязи всего в нескольких сотнях ярдов от него. Так где бы вы ожидали найти человека с подобными пристрастиями?

Льюис Лэмб сверкнул глазами и поспешил обратно к холмам и к своей находке. Мистер Мёрфи, спотыкаясь и задыхаясь на ходу, последовал за ним. Мы пошли за ними следом, стараясь не отставать.

Когда мы добрались до входа на раскопки, то услышали шум, доносящийся из-за брезента. Чарли догнал Мёрфи и поспешил зайти внутрь сразу за Лэмбом, попросив остальных гражданских подождать снаружи. Поэтому мы сгрудились возле входа и наблюдали за тем, как Хэнк сдернул полотно с крыльев существа, искупав обнаженный скелет в солнечном свете. Мистеру Лэмбу, стоявшему возле рёбер создания, только и осталось, что осыпать проклятиями Хэнка, который стоял возле шеи.

— Ха! — Зверолов захолопал в ладоши, сияя от счастья как начищенный медный таз, когда окинул взглядом всё создание.

Брэдли подобрал сброшенный брезент и посмотрел на Лэмба в ожидании дальнейших инструкций. Лэмб вздохнул и покачал головой.

— О, не суетись.

— Ох и большущий парень был, скажите?! — раздался голос Хадсона. Он со значением присвистнул. — Я бы с удовольствием на такого поохотился. Думаю, выследить-то его было бы несложно... а вот заставить спуститься, чтобы изловить... — Он еще раз окинул взглядом внушительный скелет и кивнул, будто обдумывая что-то.

Я же попыталась отбросить собственное недоумение, чтобы взглянуть на скелет как есть. Все инстинкты ученого, живущего внутри меня, сопротивлялись тому, что я видела: огнедышащего чудовища из мифологии. До знакомства с Джекаби я, пожалуй, испытывала бы точно такой же скептицизм, как и профессор Лэмб (история и сказки жили в противоположных концах моей мысленной библиотеки), но чем больше я видела, тем все ближе и ближе съезжались друг к другу эти полки. И невозможное теперь казалось уже не таким невозможным.

Строение животного напоминало скелет птерозавра или современной летучей мыши, благодаря широким крыльям вместо передних лап. У драконов в моих сказках всегда имелось и то и другое, злые ящерицы, с крыльями для красоты. Кости передо мной были более биологически правдоподобны. Существо лежало на боку, крыло распростерто над спиной, три длинные тонкие дуги костей доставали почти до кончика хвоста. Если в длину существо было где-то не менее пятидесяти футов, то размах крыльев составлял все сто. Учитывая его крепкие задние лапы и устрашающего вида когти, не трудно вообразить живое существо, ворующее овец с ферм и вступающее в схватку с бесстрашным рыцарем, закованным в броню.

— Ну да, похоже на правду, — как бы невзначай сообщил Джекаби. — И похоже, будто ваши недостающие кости нашли дорогу домой, а, мистер Лэмб. Как хорошо, что нам быстро удалось разобраться с этим делом, не правда ли?

Лэмб повернул голову. Я проследила за его взглядом до бедра скелета.

— Их вернули?

Он поспешил к ранее недостающим окаменелостям и начал тщательно выкладывать их снова.

— Я как раз собирался вам сказать, — ответил мистер Брэдли, выходя из-за спины Хэнка. — Полотно было натянуто на том конце, пока я работал. Кто-то бросил их и убежал. Я не смог разглядеть, кто это был. Когда я выглянул наружу, то там никого не было. Я хотел выйти... гмм... когда примчался этот господин. — Он кивнул в сторону Хэнка Хадсона. Рядом со звероловом этот худощавый человек походил на саженец возле сосны.

— Возвращение костей ничего не меняет, — сплюнул Лэмб. — Этот дегенерат Хорнер, очевидно, все-таки виноват. Он, должно быть, запаниковал, как только увидел, что здесь рыщет полиция. Не то чтобы мы дождались от неё хоть какой-нибудь помощи... В общем, если к утру этот преступник будет всё ещё на свободе, я немедленно извещу об этом вашего начальника.

— Мистер Лэмб, — ровным голосом произнёс Чарли. — Вы знаете, что нет никаких доказательств...

— У вас есть два чёртовых детектива! — сказал Лэмб, махнув рукой в нашу сторону, и осёкся. Но спустя мгновения, посмотрев сначала на меня, а потом на моего работодателя, собрался и продолжил: — Или те, кого, по-видимому, прислали в качестве детективов в это захолустье. Найдите доказательства, пока он ещё что-нибудь не вытворил. А пока вы будете этим заниматься, ценнейший артефакт останется всё так же без вести пропавшим.

Он был прав. В челюсти у дракона продолжала зиять дыра.

Глава Двадцать вторая

Обидно, когда крадут кости у вас из-под носа, но от того, что их вот так просто возвращают, еще досаднее. Потому что теперь это не то что не приблизило нас к разгадке, а скорее даже отдалило от неё. И связана ли вообще эта кража с убийствами? Что могло стать причиной убийства, но при этом не стоило того, чтобы хранить эти кости при себе?

Джекаби бродил взад-вперед между следами и окаменелостями, хмуро глядя на землю и бормоча себе что-то под нос. Наконец, когда день уже шёл на убыль, Нелли Фуллер установила свою камеру на холме и уже собиралась было загрузить пластину в корпус, как тут же явились головорезы Лэмба и заставили её свернуть деятельность. Мистер Мёрфи схватил штатив и с видом праведника потопал вниз, следуя за Нелли по пятам, в то время как мистер Брэдли встал на страже у входа.

Чарли попросил обоих палеонтологов предоставить свои вещи для досмотра, который опять же был практически санкционирован Лэмбом, и от которого Хорнер просто назвал Лэмбу отказывался. К сумеркам так и ничего сделано не было и все порядком устали.

Хадсон быстро устал от всего этого спектакля, поэтому сосредоточил всё своё внимание на природе вокруг. Большие следы могли оказаться и подделкой, но он не готов был исключить и возможность того, что где-то рядом может бегать огромная зверюга. К вечеру он так и не вернулся.

Команда Лэмба расставила раскладушки прямо на раскопках, и Брисби пригласил мисс Фуллер переночевать у него в комнате для гостей.

— Когда вы обещали мне невероятную историю, — сказала она, — я не думала, что вы выразились буквально. Отдел новостей меня поднимет на смех, если я вернусь со статьёй под названием «Найден дракон» без доказательств. Это может стать сенсацией века, но я буду спасать гораздо спокойнее, если смогу сделать фотографию, чтобы забрать её с собой.

— Я уверен, что завтра у вас получится сделать хорошие фотографии, — заверил он её. — А теперь пора всем нам немного отдохнуть.

— Конечно, получится, мистер Брисби, — сказала она. — Я побывала и в Арктике, и на Востоке, и всегда успевала вовремя сдать статью. Не подумайте, что грязный брезент и сварливый старик смогут помешать мне написать историю о находке.

— Вот это дух! — с энтузиазмом сказал он и хлопнул в ладоши. — Пойду-ка я, раздобуду вам одеяла и приведу в порядок комнату. Вы приходите, когда будете готовы.

Пока Брисби суетился, наводя порядок в доме, Оуэн Хорнер принялся обхаживать журналистку.

— Давайте-ка я вам помогу, красавица, — сказал он. Нелли позволила ему забрать у неё чемодан и оборудование для камеры.

— Будьте осторожны с этим, — сказала она, когда он подхватил её длинный деревянный ящик.

— Все ваши ценные вещи со мной будут в целости и сохранности, — пообещал он

— Меня больше беспокоит, чтобы вы остались в целости и сохранности. Там у меня запасные тубики с порошком для осветительной вспышки. В общем-то это взрывчатое вещество, которое только и ждёт искры.

— Звучит прямо-таки романтично, когда вы так это преподнесите, — сказал Хорнер и подмигнул. — Я буду осторожен, лапушка, не переживайте. Ваша комната как раз справа от моей. Если вам будет ночью страшно, то я буду очень рад, если вы нанесете мне визит.

— О мой дорогой мистер Хорнер, — сказала она, глядя на него с нежностью нянюшки, которая очень гордится успехами своего воспитанника на детской площадке. — И что вы можете сделать посреди ночи, чтобы заставить меня чувствовать себя в безопасности?

— Посмотрим. Думаю, я смогу заставить вас улыбнуться.

— Полагаю, у вас все для этого есть... Вы действительно заставляете девушку смеяться.

— Ой, ну что ж давайте на чистоту, — сказал он. — Вы объездили весь свет... неужели вы когда-нибудь встречали такого милого парня как я? — Он сверкнул самым обаятельным оскалом. Было трудно не улыбнуться в ответ. Этот мужчина был в себе уверен как никто другой.

Она погладила его по щеке.

— Только одного, дорогой. Когда я была в Сингапуре, купила там обезьянку. Она тоже заставляет меня смеяться, но болтает меньше.

Хорнер принял отказ как должное, громко посмеиваясь и продолжая нести её вещи в дом.

— Полагаю, вы покорили сердце этого молодца, мисс Фуллер, — сказала я ей, когда мы остались вдвоем на крыльце.

— Мужские сердца — лёгкая мишень, Эбби. Мне куда интереснее завоёвывать их уважение.

— О, полностью согласна! — Я обнаружила, что моя симпатия к дерзкой репортерше сильно возросла. — Однако, должна заметить, что не возражала бы иметь то и другое от некоторых лиц...

— Например, от своего полисмена?

— Я этого не говорила...

— Поверьте, я не настолько глупа. Вам бы ни за что не удалось меня провести в «Жмурках». Тут нечего гадать... кто ж не любит мужчин в форме? Но поверьте мне, мужчины того не стоят. За каждым великим мужчиной стоит женщина, которая отказалась от величия, повязав на себя передник. Романтика для простаков и болванов, Эбби. У вас острый ум и вы обладаете мужеством. Не тратьте их попусту.

Я сглотнула, переваривая её совет.

— А как же вы? — спросила я. — Разве вы ни разу не влюблялись за всё время своих путешествий?

Она всё ещё самоуверенно улыбалась, но уголки губ дрогнули.

— Хитрость при свободном падении во влюбленность в том, чтобы поймать себя прежде, чем больно упасть в грязь.

— Вы не кажетесь мне женщиной, которая боится замараться.

Она рассмеялась.

— Как и вы. Осмелюсь заметить, что это, возможно, ваша стихия, из того, что я сегодня увидела. И как же хорошую девочку из Англии занесло на костяное поприще?

— Благодаря отцу, — ответила я. — Он был экспертом.

— Не шутите? Неужели он хотел, чтобы вы занялись семейным делом?

— Не совсем, — призналась я. — Это долгая история.

— Значит, — обрадовалась она, — теперь мы оказались в моей стихии. Обожаю хорошие истории. — Она упала в одно из кресел-качалок, стоящих на фермерском крыльце, и жестом указала мне на соседнее. Глубоко вздохнув, я села рядом.

— Хорошо, ну, значит так. Карьера моего отца всегда казалась такой чарующей, — начала я. — Или, по крайней мере, она очаровала меня. Я росла, мечтая надеть пробковый шлем и последовать за ним навстречу приключениям, но он не разрешил. Мне пришлось довольствоваться только чтением статей о нём или просмотром его находок, выставленных в музеях Гемпшира. Перед самым моим отъездом в университет, его назначили главой самой многообещающей экспедиции, которая могла бы стать вершиной его карьеры. Я умоляла его взять меня с собой, но он сказал, что это работа не для леди.

— Знакомая песня. — Нелли кивнула.

— Слышать это было очень неприятно, но настоящий удар пришелся тогда, когда я узнала, что он пригласил Томми Беллоуса на своего рода стажировку.

— Томми Беллоус?

— Да. Брр... Томми Беллоус! Мальчишку, который ходил в школу через дорогу от моей. Он был школьным старостой и капитаном команды по крикету, и он всегда гаденько так

улыбнулся... словно чувал что-то мерзкое, но ему это нравилось. Томми Беллоус! Мальчишку, который не замечал все отказы с моей стороны с самой начальной школы. Мальчишку, который пах так, словно вылил на себя море одеколона. Мальчишку, который флиртовал с каждой встречной девочкой, и всегда с такой ухмылочкой, будто считал себя бравым молодцом. Томми Беллоус!

— Какой обаяшка.

— Когда я спросила отца, что его сподвигло предпочесть Томми Беллоуса своей дочери, он ответил мне, что поля — не место для юной барышни. Он считал, что я должна закончить образование и найти достойного мужа с надежной работой. «Кстати об этом, — добавил он таким своим умудрённым отеческим голосом, — эта стажировка поможет этому молодому Беллоусу встать на ноги. Его ждет неплохая карьера в дальнейшем».

— Не ждёт. — Нелли прикрыла рукой рот.

— Отнюдь. Вот такие дела. На следующий день я сбежала и отправилась в своё собственное приключение.

— А я предсказываю, что вас ждёт неплохая карьера! Bravo! Боже, Эбби, так и знала что вы мне понравитесь. Я только не представляла насколько. Однажды ваш отец прочтет о вас в газетах. Понимаете, о чем я? Оставить парней в прошлом было самым мудрым решением. Никогда не оглядывайтесь, дорогая!

— Спасибо... вы очень добры. Хотя в мире есть и хорошие люди, правда. Чарли совсем не такой как Томми Беллоус.

Она протянула руку и нежно накрыла ею тыльную сторону моей ладони.

— Не поймите меня неправильно, уверена, что он мил. Он, наверное, очень хорошо с вами обращается, не дает вас в обиду и делает счастливой. Но неужели это все, чего вы хотите: быть в целостности и сохранности и счастливой? Неужели вы не хотите добиться чего-то значимого? Быть личностью?

Я не знала, что на это ответить. Она обозначила все причины, из-за которых я оставила свою прежнюю жизнь, удушающую стабильность. Но и её интерпретация — это не совсем та свобода, которая меня прельщала.

— Вы могли бы стать великой, — сказала она. — Это я тебе говорю. Не знаю, заметили вы или нет, но даже этот пустозвон Лэмб начал разговаривать с вами по-человечески. Он просто ничего не смог с собой поделать. Есть в вас что-то такое... когда вы не смотрите оленьими глазками на офицера «Очаровашку».

Я слабо улыбнулась, а Нелли ободряюще сжала мне плечо и поднялась.

— Просто подумайте об этом, Эбби, дорогая. Отдохните. Увидимся утром.

Я думала об этом. Хотела бы я перестать думать об этом, когда солнце начало закатываться за верхушки деревьев... И я думала об этом, когда пришёл Чарли и поинтересовался, не хочу ли я вернуться в хижину, пока Джекаби заканчивает с осмотром

— Это прекрасное время, чтобы прокатиться, — сказал он. — В долине удивительной красоты закат.

— Я... нет. Спасибо, но мне, правда, лучше остаться и помочь. Я вернусь обратно с мистером Джекаби, когда он будет готов.

— Ну конечно. Хотите, я подожду с вами?

Я сглотнула.

— Всё в порядке. Думаю, всё будет хорошо, но спасибо вам.

Чарли, казалось, был готов снова заговорить, но потом он просто кивнул. Он пожелал

мне доброй ночи, оседлал Мэриэнн и ускакал, а я отправилась на поиски Джекаби и обнаружила его за изучением загона для коз.

Оставшиеся козлята отдыхали в углу загона возле матери. Я в общем-то всегда была равнодушна к домашнему скоту, но эти крохи были все такие славные и пушистые. Они как щеночки сонно прижимались друг к дружке.

— Они такие замечательные, не правда ли? От них так уютно на душе, — сказала я, из-за пронизывающего холодного ветра кутаясь плотнее в своё пальто.

— А? — Джекаби поднял взгляд. — Может быть, они и замечательные, но свидетели из них просто ужасные. Что или кто бы ни украл их брата или сестру, их, похоже, это волновало в последнюю очередь. Я не смог узнать ничего полезного от них.

— Что ж, козлы славятся своим упрямством, — сказала я. — Итак, есть что-нибудь, что стоило бы записать? — Я вынула блокнот из кармана.

— Так-так-так. Что нам известно? — Джекаби поморщился, собираясь с мыслями. — Три жертвы с кровоподтеками на шее, бледный мужчина с неприятной аурой, один украденный зуб и отпечаток не украденной ступни.

— Я уже это записала, — сказала я, переворачивая страницу.

— И кое-что еще. Здесь есть что-то такое знакомое, но я не могу определить, что именно. Слишком много переменных. Для сельской местности, казалось бы, лишённой специфики города, здесь много следов присутствия паранормального — что-то нащёптывает мне о чём-то зловещем, но пока никаких конкретных зацепок. Не за что ухватиться. Наверное, именно так себя постоянно чувствует Дженни. Это невыносимо грустно.

— Сэр, уверена, утро вечера мудренее. Пойдемте. Я провожу вас до хижины. Если мы собираемся поразмышлять о безрезультатности и сложностью дела, то заодно по дороге могли бы насладиться закатом. Чарли сказал, что здесь он очень красивый. — Я вздохнула. — И все же... дракон, мистер Джекаби! До сих пор не верится! Настоящий дракон! Это нечто!

— Электромагнитное излучение различных длин волн, проникающее через атмосферу, — сказал Джекаби, поднимаясь. — И ещё магия. Тут замешан феникс.

— Ну-ка повторите?

— Закат. Он, конечно, несёт и традиционное романтическое значение. А вы, мисс Рук, я смотрю, решили пойти в наступление? Мои критерии очень строги на сей счёт. Очень непрофессионально. С Дугласом никогда не возникало такой проблемы.

— Что? Нет! Нет! Нет! Я определенно не иду ни в какое наступление! Боже... ничего такого. Я вас уверяю.

— Аа-а. — Джекаби кивнул. Какое-то время мы шли молча.

— Просто Дженни сказала мне, что я должна...

— Мне не нужно этого знать, — сказал Джекаби.

— Но мисс Фуллер говорит, что мне не следует...

— Прошу вас, мисс Рук, увольте.

— Не обращайтесь внимания. — Я почувствовала, что меня залил румянец. Мне было ужасно неловко и хотелось спрятаться где-нибудь. — Забудьте о том, что я сказала.

— Уверяю вас, я буду искренне стараться. — Чёрные ряды деревьев-зубов проглотили солнце словно спелый грейпфрут, расплескав по небу его красные и оранжевые соки. Трудно сказать, но, наверное, этот закат был действительно прекрасным, как и сказал Чарли.

Мы какое-то время опять шли молча по долине, окрашенной в малиновый цвет.

— Люди нередко оказываются на распутье, — сказал Джекаби, — им кажется, что они могут выбрать только один путь, но, как я уже говорил, люди глупы. Мы не идём по какому-то пути. Мы и есть путь. Мы все дороги и перекрестки. Конечно же, вы можете выбрать и то и другое.

Я моргнула.

— И ещё, если я хоть раз услышу о том, что вы позволяете другим людям решать за вас, то серьезно пересмотрю условия вашего найма. Вы были наняты за ваш ум, мисс Рук. Мне не нужна ассистентка, которая не в состоянии думать самостоятельно.

— Да, сэр. Спасибо сэр. — Небо окрасилось насыщенным красным цветом, а затем сменило свой багрянец на фиолетовый и наконец оделось в черноту ночи, когда мы подошли к дому. С неба нам подмигивали звезды, а луна омывала хижину нежным голубым светом. Это был и правда очень красивый закат.

Глава Двадцать третья

Спустя несколько часов меня разбудил стук в дверь спальни. Я постаралась собраться с мыслями и вспомнить, где нахожусь. В комнате пахло деревом, сквозь занавески проникал мягкий звёздный свет. Внутри тихо вошёл Чарли и остановился возле моей кровати. Он осторожно опустил мне руку на плечо и прошептал:

— Мисс Рук?

Он приложил палец к губам.

— Тихо. Постарайтесь не шуметь, но снаружи возле хижины кто-то есть.

Мои мысли перепутались, но потом всё же кое-как более или менее упорядочились. Я моргнула и потерла глаза. В дверном проёме появился Джекаби. Он уже натягивал своё громоздкое пальто поверх пижамы.

— Вы уверены, что оно всё ещё там? — спросил шёпотом мой работодатель.

— Мистер Джекаби, у меня всё хорошо со слухом. — Чарли выглянул из окна спальни в темноту леса.

— Что там? — спросила я.

— Именно это мы и намерены выяснить. — Джекаби натянул свою вязаную шапку на спутанные чёрные волосы и сунул босые ноги в ботинки. — Оставайтесь здесь, пока мы не вернёмся.

Я стряхнула остатки тумана с мыслей.

— Ну, вам уже известно, что этому не бывать. — Я вылезла из кровати и, прежде чем мужчины успели что-либо возразить, накинула пальто поверх ночной сорочки.

Мы все втроём на цыпочках зашли за угол хижины. Чарли молча вел нас за собой, пристально вглядываясь в темноту. Окружающая нас девственная природа была громче, чем я себе представляла. Я напряглась, чтобы постараться услышать нечто необычное, но из-за стрекотания насекомых и шелеста листьев было трудно вообще что-либо расслышать. Чарли поднял руку, и мы с детективом замерли. Чарли заглянул за угол. Теперь и я расслышала слабый треск листьев. Шаги. Что-то двигалось прямо за углом. Ужасно близкое... ужасно большое.

— Мистер Хадсон? — позвал Чарли.

В поле нашего зрения появился зверолов. Он опустил широкий ствол винтовки вниз.

— Тише. — Он поднёс палец к губам. — И что это вы, чёрт вас подери, забыли тут посреди ночи?

— Здесь моя хижина, — ответил Чарли. — Что вы здесь делаете посреди ночи?

Хэнк посмотрел по сторонам.

— Выслеживаю. Я тут весь вечер брожу по следам. В долине точно появилось что-то большущее, и это не какая-то там подделка отпечатков следов. Тут довольно чёткие отпечатки следов. Повсюду. Я вот только-только упустил их. Вы видели что-нибудь?

Я затаила дыхание. Чарли мотнул головой. Зверолов медленно кивнул и закинул винтовку на плечо.

— Ну, мне жаль, если я вас разбудил. Наверное, я лучше пойду обратно. Будьте осторожны. Кто знает, что притаилось в чаще этого тёмного леса.

— И что за следы вы здесь выслеживали? — спросил Джекаби и пристально посмотрел на деревья возле дороги.

— Ну не знаю. С острыми когтями. Большие такие. Очень. А что? Вы заметили что-то своим необычными глазами? А?

— Нет. Возможно, нет. Хотя... Кто-нибудь из вас может видеть слабое метафизическое излучение, которое идёт от клёна?

— Ну конечно, никто из нас его не видит, мистер Джекаби, — ответила я. — Можете описать?

— Я бы сказал, что оно футов пятьдесят-шестьдесят высотой. Крепкий ствол. Всё ещё пока голое, но думаю весенние почки вот-вот начнут...

— Не клён, сэр.

— А, ну да. Аура тусклая, скрытая чем-то или, скорее, остаточная. Ужасно знакомая. Из тех... вот как объяснить такой цвет... комок чего-то... голубизна с оттенком опасности. Нет, это не совсем верно. Она вообще не голубого цвета, не находите?

Три пары глаз, моргая, уставились на детектива.

— О, не берите в голову.

— Я поставил там свой дилижанс, — сказал Хэнк. — Может, вы просто видите перья Розы, которые из неё выпали?

Джекаби поднял взгляд на друга, а потом перевёл его на чёрный лес. Он снял частичку пёрышка с манжеты зверолова и кивнул.

— Да, наверное, вы правы. Точно такой же цвет.

— Ха! Скажи мне кто-нибудь, что я похож на «ком с оттенком опасности», меня, возможно, хватил бы удар, — сказал Хадсон. — Ну чего, тогда спокойной ночи. Простите, что разбудил. Вы тут приглядывайте друг за другом. Ну... бывайте.

Мы тоже кивнули ему и пожелали спокойной ночи, и зверолов ушёл. Когда мы оказались внутри, я встала перед Чарли.

— Видите? Вот так я и знала, что он выследит вас. Вы должны быть осторожны.

— Я был осторожен, мисс Рук. Если он и выслеживает мои следы, то они давние. Кроме того, уверен, здесь не из-за чего волноваться. Мистер Хадсон же друг мистера Джекаби, не так ли? И мне кажется, что если, положим, он узнает правду о... истории моей семьи, то он из тех, кто сохранит её в тайне. А вы как считаете, детектив?

— А? Ах, да... Хадсон может вести себя довольно осмотрительно.

Чарли снова посмотрел на меня.

— Я ценю ваше беспокойство и, разумеется, предпочел, чтобы мой маленький секрет так и остался бы секретом, но не думаю, что мне нужно бояться мистера Хадсона.

— Я бы не зарекался, — вмешался Джекаби, вешая пальто и шляпу на дверь. — Хадсон

замечательный человек и ценный помощник, но он не разделяет мою философию свободы для разумных существ.

— Повторите-ка... — попросила я.

— У него долгие годы жила прелестная золотая рыбка по имени Джинни. И она могла говорить, когда поднимала голову над поверхностью воды. У неё был удивительно низкий голос для такой малышки, при этом она говорила только на китайском. Хадсон записал её слова на слух и показал записи владельцу нескольких магазинов в китайском квартале, и те утверждали это слова из старой книги или вроде того. Он утверждал, что рыбку зовут Джинью — отсюда и имя Джинни — и он предполагал, что рыбка может выполнить любое желание, которое ей загадают. Она может превратить лачугу во дворец, или каждый кирпич в чистое золото.

— Я слышал историю, что в Румынии когда-то жила такая рыбка, — сказал Чарли, — только рыбка предлагала старику исполнить три его желания.

— Да, народная сказка про золотую рыбку есть у многих народов. Неизменно одно, рыбак просит слишком много и ему преподается банальный урок о жадности или сострадании.

— И что же мистер Хадсон загадал?

— Ничего. Он просто держал её в большом аквариуме до самого дня её смерти.

— Вот как.

— Да. Не то чтобы он плохо обращался с ней. Едва ли можно было бы найти лучшего владельца, если бы речь шла о любой другой рыбе... хотя вряд ли любая другая рыба хотела бы, чтобы у неё был хозяин. Я не говорю по-китайски, но всякий раз, когда я её видел, она выглядела вполне довольной. Мне правда было очень неприятно узнать, что он сделал чучело из Джинни, когда та умерла. Но с другой стороны, рыбе её тело уже было без надобности. Все мы смертны.

Чарли побледнел.

— Он сделал из неё чучело?

— Ему нравится коллекционировать редких существ, — заключил Джекаби.

— Наверное, и правда не повредит вести себя ещё осторожнее, — признал Чарли. Я согласно кивнула. — Кстати, к вопросу о сохранение тайн, — продолжил он, — есть какой-нибудь прогресс в нашем неявном расследовании?

Джекаби помотал головой.

— Убийца миссис Брисби, похоже, оставил нам совсем мало улик. Тело в морге, наш новый след, пролежало уже несколько дней, промерзло...

— Тело в морге?

— Денсон, — ответил Джекаби. — У меня есть его зуб.

— О. И что, это... помогло? — спросил Чарли.

— Не очень. Я устал гоняться за тенями. Я бы вернулся в Нью Фидлхэм, чтобы заняться более перспективными версиями, но мы явно что-то упускаем здесь... и это сводит меня с ума. Прежде чем мы закончим, я хочу точно знать, что на самом деле скрывается в чаще тёмного леса.

Джекаби позволил мысли зависнуть в воздухе, прежде чем быстро пожелал спокойной ночи и исчез в своей комнате.

Остаток ночи прошел спокойно. Я больше ничего не слышала, ни малейшего шороха. Как же мне не хватало шума города, стука копыт по брусчатке или пьяного пения, когда

пабы закрываются на ночь. Здесь же мне сейчас везде мерещились чудовища, и я вздрагивала от каждого шороха. Я продолжала убеждать себя, что за шторами не происходит ничего страшного... получалось у меня не очень, но мне всё же удалось немного отдохнуть.

Глава Двадцать четвертая

Стук в дверь вырвал меня из судорожного сна про когти и клетки.

— Время не ждёт, мисс Рук, — объявил Джекаби, когда я разлепила веки. Комнату заполнял безжалостный яркий дневной свет. — Наметилось тревожное развитие событий. Чарли уже ушёл.

Я резко села. Меня качнуло. Видимо кровь резко прилила к голове.

— Что еще за «развитие событий»... Кости? Они нашли пропавший зуб?

— Еще лучше... они нашли детеныша Брисби.

Я протерла глаза.

— При всём уважении, сэр, у ваших приоритетов странный порядок. Прошу вас, скажите, что Чарли не умчался с рассветом на ферму Брисби только для того, чтобы вернуть заблудшую козочку?

— Не уверен в том, что он намерен вернуть её. Думаю, ему скорее интересно взглянуть на то, что от неё осталось, и, понять, сможет ли он найти какие-нибудь полезные улики среди крови и грязи.

Я открыла рот. А потом закрыла его.

— Я, конечно, хотел взглянуть сам, — продолжал Джекаби, — но мистер Баркер взял с меня слово, что яне оставлю вас одну из-за того что случилось. Собирайтесь. Да здравствует новый день и тому подобное!

Я быстро оделась, и мы пришли на поляну уже через десять или пятнадцать минут. Она пролежала в стороне от дороги, примерно в полумиле, недалеко от дома Брисби. Неужели эти останки когда-то были козлёнком. По всей поляне были разбросаны клочки кожи и шерсти, деревья забрызганы кровью. У самых крупных уже начали собираться в рой мухи. В моем сознании прочно засело представление о козлёнке, как о милом создании и оно совершенно не вязалось с тем, что я видела сейчас перед собой.

— О Боже, — выдохнула я. — Что случилось с бедняжкой?

Чарли бродил вокруг следов запёкшийся крови. И выглядел он разочарованным. Мы подошли к расчленённому телу несчастного животного. Я было подумала, что Чарли настойчиво попросит меня не смотреть, но он ничего не сказал. Вместо этого, он просто перевёл взгляд с одного конца бойни на другой и покачал головой.

— Мистер Брисби нашёл его сегодня утром. Похоже, это сильно вывело его из равновесия.

Ну разве можно было винить за это Брисби. Я и сама чувствовала себя не в своей тарелке.

— Объяснимо. Нашли что-нибудь интересное? — спросил Джекаби. Полисмен кивнул, и мы втроём отправились в сердце трагедии.

— Что бы это не сделало, оно очень сильное. Следов не так много. Они остались, в том числе, и на коре. Их могли оставить как зубы, так и когти. Сложно сказать. — Джекаби присел на корточки возле дерева и внимательно осмотрел его. Потом он оторвал кусочек коры и сунул себе в карман пальто.

— Не могу сказать, что мне нравится то, что вы сделали с этим местом, мои дорогие, —

сказала Нелли Фуллер, стоило ей ступить на окропленную кровью поляну, с треногой на плече. Сегодня на ней было надето пальто в клетку. — Слишком много красного на мой вкус... но ваша дерзость достойна аплодисментов. О Боже, здесь повсюду даже обломки ветвей! Боже мой! Это же просто замечательно ужасно!

Мы с Джекаби переглянулись. Чарли скептически смотрел на женщину, пока та устанавливала штатив для своей камеры.

— Доброе утро, мисс Фуллер, — поздоровался Чарли. — Вы очень... позитивно настроены сегодня.

— Я бы даже сказал жизнерадостно, — добавил Джекаби.

— Издеваетесь? — Она вытянула руки, складывая из пальцев прямоугольник. — Огромные кости на холмах, ужасные чудовища в лесу, — она взглянула через свою рамку из пальцев на меня, — и посреди всего этого находится красивая девушка. — Она опустила руки и серьезно посмотрела на меня. — Скажите, вы в порядке, милочка?

— Ну разумеется я в порядке, — ответила я, как надеялась, убедительным голосом. — Я — личность, не забыли?

— Умничка. С вашим самообладанием и моим умением писать, мы покорим все газеты отсюда до Орегона!

— Не думаю, что люди действительно захотят на такое смотреть... — начала было я.

— Эбби, дорогая, вы вообще представляете себе, сколько газет было продано со статьями о Джеке Потрошителе за последние пять лет? Массы любят ужасные увечья. Не поймите меня неправильно, мне будут сниться кошмары... фу... но это золотая жила! Не возражаете, если я быстро сделаю несколько фотографий, да?

Я взглянула на Джекаби.

— Всё в порядке, — ответил он, — пусть, пока она держится на расстоянии и не вмешивается. Убедитесь, что она не притронется ни к одной улике на месте преступления.

— Убедиться, что она не притронется ни к кровавым останкам, ни к запекшейся крови бедного маленького козленка? — уточнила я.

— Да, — прямо ответил Джекаби. — Именно это я и сказал.

— Думаю, детектив, я сумею удержаться от соблазна, — откликнулась Нелли. — А ваш начальник всегда такой чувствительный, когда работает?

— О, он очень заботливый, — сказала я. — Он просто не демонстрирует... ну знаете... эмоции.

— Ой, да их роль всё равно преувеличена, — Нелли щелкнула ножками треноги, чтобы их раздвинуть, и установила штатив на замшелую почву.

— Что такое, мистер Баркер? — спросил Джекаби. Я обернулась, чтобы посмотреть.

Чарли собрал в горсть нечто похожее на волосы медового цвета.

— Я не совсем уверен. Что вы на это скажите?

Джекаби взял их и поднёс к свету.

— Мех. Не козий. Не медвежий и не волчий. Может быть, дикой европейской кошки? — Джекаби зажал волосы между пальцами и, прищурившись, внимательнее осмотрел их. — Погодите-ка, — сказал он. — Здесь два разных материала. Держу пари, что одни ворсинки принадлежат тому, кто расправился с козой Брисби, но вот второй... это вообще не мех. Какие-то волокна.

Я осмотрела то место, где Чарли подобрал образцы. У основания дерева осталась небольшая бороздка.

— Верёвка или шпагат? — предположила я.

Чарли проследил за моим взглядом и склонился ниже, чтобы осмотреть бороздку.

— В коре тоже остались волокна. Она права. Может, коза была привязана к дереву?

— Подношение? — скептически спросил Джекаби.

Чарли пожал плечами.

— Очень традиционный выбор, коза, — начал рассуждать вслух мой работодатель. — Прямо-таки библейский. Хотя время года для этого не подходящее. Исторически так сложилось, что коз приносили в жертву по осени.

— А возможно ли, что козлёнок был не столько ритуальной жертвой, сколько приманкой? — предположила я. Чарли с Джекаби оба уставились на меня. — Потому что я знаю человека, который хорошо понимает в силках и ловушках, и он был здесь прошлой ночью. — Похоже, моя теория не показалась им такой уж дикой.

— Улыбайтесь, сейчас вылетит птичка! — пропела Нелли.

Чарли отвёл взгляд, когда рощу ослепил взрыв белого света.

— Так, дайте-ка мне минутку, и я сделаю ещё один снимок, на всякий случай. — Нелли лучезарно улыбнулась, потом вынула пластину из камеры, убрала ее в тонкий корпус и щелкнула замком. Напевая себе под нос, она осторожно откупорила пробку маленькой серебряной трубки и начала высыпать порошок, чтобы перезарядить вспышку лампы.

Хэнк Хадсон совершенно не смутился, когда мы перехватили его дилижанс по дороге несколько минут спустя, и озвучили наши подозрения.

— А мне нравится ход ваших мыслей, юная барышня! — сказал он. — А что, правда, большое дерево? Подходящее, чтобы кого-то привязывать?

— Ну не знаю... это всего лишь предположение. — Не знаю, чего я ждала от зверолова, но он проявил какой-то странный энтузиазм, только заслышав о моей идее. Он слез с повозки и пошел с нами обратно к месту трагедии.

— Как высоко от основания дерева была привязана веревка?

— Совсем не высоко, — ответила я. — Почти у самой земли.

— Гм-м, что ж, тогда это не силки.

Мы дошли до места трагедии и Хадсон поморщился, увидев останки.

— Кто-то ест как свинья. Говорил же вам, приглядывайте тут друг за другом.

Он замолчал и какое-то мгновение задумчиво разглядывал Чарли, но потом переключил всё своё внимание на следы когтей.

— Так-с, поглядим. Может быть, молодой медведь пометил территорию. Они, бывает, помечая, сдирают кору с деревьев. — Он опустился на колени возле отметин на дереве. — Хотя для медведя очень уж низко находятся отметины.

— Что здесь? — спросил Чарли.

Хэнк посмотрел туда, куда указывал молодой полицейский.

— Похоже на дупло. Может быть, там птичье гнездо. А, может, и вообще ничего нет. — Могу подсказать, если хочешь залезть и поглядеть. — Чарли выглядел немного настороженным, но всё же принял помощь зверолова, чтобы взобраться на первую ветку. Потом он уже сам подтянулся повыше и нашёл удобную опору, чтобы осмотреть дупло.

Хэнк наклонился и потёр следы на древесном стволе.

— Что думаете об этом? — спросил Джекаби. — Видели уже что-нибудь подобное?

— Три когтя. Очень похоже на следы, которые могла бы оставить Роза... — Он умолк.

— И такие следы мы видели на ферме, — добавила я. По выражению лица зверолова, я

могла сделать вывод, что он пришёл к тому же выводу. — Они меньше, но очень похожи.

— Однако те следы у Брисби точно были подделкой. — Хадсон развернулся к Джекаби. — Если, конечно, тебе известно то, чего не знаю я.

— Те, что у Брисби, — сказал Джекаби. У него появился азартный блеск в глазах. — И все же... те следы... — Он помотал головой. — Нет, нет. Они не могут принадлежать дракону. Они могли быть оставлены тем, что можно увидеть... но драконы давным-давно вымерли. Даже в библейские времена они были под угрозой исчезновения, поэтому и редко упоминались в писании. Их оставило что-то живое.

— Драконы упоминались в библии?

— Хадсон, вы серьезно? Одни из лучших стихов посвящены драконам. У Исайи есть несколько особенно ярких пассажей о божественном гневе. И речь идёт не только о драконах. Там упоминаются единороги и сатиры и что-то еще... совы, кажется.

— Нужно было мне ребятенком всё-таки походить в воскресную школу, — сказал Хадсон.

— Вы говорили, что на сегодняшний день живы ещё драконы меньших размеров, — сказала я.

— Да, хорошо, — сказал Джекаби. — Существует несколько редких восточных видов, но они едва ли представляют угрозу даже ондатре. И уж, конечно, они не настолько большие, чтобы сотворить такое. — Но голос его прозвучал не очень уверенно. Джекаби вновь уставился на следы от когтей.

— Вы что-то видите, сэр, не так ли? — спросила я.

Мой работодатель только нахмурился. Может, он и собирался ответить, но его намерение было прервано неожиданной вспышкой движения у нас над головами, сопровождаемый хлопаньем крыльев и хрустом, вызванным ломаньем веток. Чарли рухнул вниз, его пальцы судорожно искали за что бы ухватиться. Наконец он сумел зацепиться ногами за последнюю ветку и повис на ней, словно летучая мышь. Его мундир накрыл ему голову. Вверху пронзительно крикнула коричнево-белая сова и улетела в чащу леса.

Чарли слегка покачнулся назад и вперед, переводя дух под мундиром.

— Вы, кажись, говорили что-то о совах? — сказал Хадсон с хитрой усмешкой.

Джекаби не разделял его веселья. Он продолжал рассматривать следы и лицо его всё больше и больше затягивали тучи нехорошего предчувствия. У меня мурашки побежали по спине при виде его выражения лица.

Поляну опять озарил взрыв белого света.

— Есть! — радостно пропела Нелли. — И ещё один, на память!

Глава Двадцать пятая

Нелли Фуллер привезла с собой десяток запасных фотопластин и стремилась сделать как можно больше фотографий для статьи. Брисби услужливо попозировал для некоторых из них, когда мы вернулись к нему на ферму, но его энтузиазм вновь пошел на спад, после убийства козлёнка.

Поначалу Льюис Лэмб отказывался принимать участие в фотосъемке, всякий раз подсылая к репортёрше Мёрфи, стоило ей только приблизиться к ограждению раскопок. Но Нелли подобным поведением было не запугать. Она сделала вид, что фотографирует Оуэна Хорнера, который встал на фоне брезента. В руках он держал мастерок и харизматично улыбался. И случилось чудо, словно по мановению волшебной палочки. В скором времени

Лэмб совершенно поменял своё решение и потребовал, чтобы была сделана, по крайней мере, одна фотография его и его команды на месте раскопок, дабы общественность ошибочно не приписала все его заслуги сопернику-проходимцу.

Чарли же всё время на всякий случай держался вне поля зрения камеры, куда бы не перемещалась тренога. Ведь кто-нибудь из читателей «Кроникл» в Нью Фидлхэме может узнать его. К полудню Нелли уже использовала большую часть своих пластин и взяла интервью у всех желающих. Благодаря её бурной деятельности, Оуэн Хорнер ещё больше укрепился в своём решении остаться рядом с открытием, вынуждая Льюиса Лэмба зорко следить за соперником, вместо того, чтобы заниматься делом. Вся эта ситуация всё больше и больше начинала походить на цирк.

У нас по-прежнему не было никакого прогресса в установлении справедливости для обескровленных тел, пропавший зуб так и оставался пропавшим, и что произошло в лесу — мы не знали. Следующие полтора дня я работала в тесном сотрудничестве с Джекаби, записывая все данные в свой блокнот, пока он рыскал по лесу в поисках того, что мы могли упустить. После полудня, когда часы, казалось, тянулись бесконечно, и мы перепрыгнули через очередной ручей, и прошли очередной куст, ему всё-таки удалось напасть на след.

Он обнаружил следы, которые представляли собой три острых когтя, оставленных в мягкой почве, но они были вдвое больше тех, что мы видели на поляне. Я потеряла их из виду, пока старалась не отставать от своего работодателя, но Джекаби шёл по следу в ином смысле. Он нежно прощупывал воздух пальцами, будто играл на воображаемой арфе. Когда он уловил невидимые нити, которые, похоже, искал, то бросился вперед без промедления.

След полмили петлял по лесу и в конечном итоге привёл нас к другой ферме. Мы вышли на её противоположной стороне, но я узнала это строение унылого бежевого цвета. Здесь мы познакомились с миссис Пендлетон. Я не увидела чётких следов, когда мы вышли из гущи леса, но заметила, что подлесок на открытой местности был вытоптан, а ветви на уровне моего плеча обломаны.

Я постучала в дверь, в то время как Джекаби пошёл осматривать территорию. Я постучала ещё раз, но в доме не было никаких признаков жизни. Вскоре терпение Джекаби иссякло, и он жестом пригласил меня следовать за ним. Мы обошли дом, и вышли на поле, где возле сарая жались друг к дружке полдюжины овец. Они не блеяли, не бродили, щипля траву, а упорно держались вместе и сильно дрожали, даже для овец.

— Как вы думаете, это?.. — заговорила я, но Джекаби указал на что-то посреди пастбища.

Пастбище представляло собой равнину, за исключением одинокого вяза в центре и небольшого бугорка, издали напоминающего кучу белья, свалившегося с веревки, на которой сушилось. Только это было совсем не белье. Я сглотнула. Мои вены налились свинцом.

— Это миссис Пендлетон?

Мы с опаской пошли по пастбищу. Когда мы приблизились, лежавший рядом с женщиной Тоби встал и скуля заметался между нами и своей хозяйкой.

— Она?.. — Я не могла заставить себя закончить вопрос, потому что уже знала ответ.

— Она мертва уже несколько часов, — подтвердил Джекаби с мрачной уверенностью.

Тоби обежал тело несчастной и уставился на нас своими умоляющими карими глазами.

Я стояла над телом, кожа женщины была неестественно бледной.

Её волосы были стянуты на затылке в пучок практичной тесьмой. Она была одета в

простое белое платье, которое пересекали три широкие влажные красные ленты, протянувшиеся по диагонали от шеи вниз по груди, словно жуткие кушаки. Она всё ещё сжимала в руках большую двустволку. Джекаби наклонился и аккуратно прикрыл покойнице веки. Тоби жалобно заскулил, и я опустилась на корточки рядом, чтобы утешить его.

— Кто-то должен... — Голос подвёл меня, и мне потребовалось время, чтобы продолжить говорить. — Кто-то должен сообщить её мужу.

— Он знает, — ответил Джекаби у меня из-за спины. Он шёл по направлению к тени вяза, где лежала ещё одна фигура. — Похоже, мистер Пендлетон отдал предпочтение паре пистолетов. И его настиг тот же конец, что и жену. Что ж они перешли Рубикон вместе.

— Она сказала нам, что они присматривали друг за другом, — сказала я, хотя мои слова прозвучали не громче шёпота.

Джекаби выпрямился и продолжил путь к дальнему концу поля. В небе кружили чёрные дрозды.

— Наверное, нужно прикрыть тело? — с трудом выдавила я из себя.

— Мисс Рук, пожалуйста, присоединяйтесь, когда закончите с сантиментами.

— Что вы?..

— Мы здесь не из-за Пендлетон, — не оборачиваясь ответил он.

Я нашла две чистых шерстяных попоны в конюшне, правда для этого мне пришлось спастись от овец, которые чуть не затоптали меня, ринувшись в крытую постройку. Вернувшись на поле, я занялась мертвой парой как умела. Убитый горем пёс лёг рядом, сложив голову на лапы и продолжил скулить, наблюдая за моей работой. Когда я опустилась на колено, чтобы прикрыть женщине лицо, что-то острое врезалось мне в кожу. Этим острым оказалась плоская, не больше монетки сине-зеленая пластинка, отсвечивающая фиолетовым на свету.

Тоби тихо зарычал, когда я подняла её повыше. Я собралась, вытерла глаза и отправилась на поиски Джекаби, обнаружив его возле щели в заборе. Широкие деревянные доски были разломаны пополам, обломки разбросаны по траве. У меня перехватило дыхание, когда я подошла ближе. На траве валялись не только щепки.

— Похоже, это было когда-то бараном, — сказал Джекаби, слегка пиная что-то ногой. — А вот эта часть совершенно от другой овцы. Держу пари, что фермеры были как раз в пути, когда... Похоже, целью был домашний скот. Как думаете, сколько их было убито за раз? Два, три?

У меня засосало под ложечкой. Воздух казался густым и приторным. Я отступила назад, чтобы вдохнуть свежего воздуха и обнаружила, что его здесь просто нет.

— Мм-м-гм-м. — Я кивнула. На глаза вновь наворачивались слезы, то ли виной тому был запах, то ли смерть Пендлетон, а, может, и то и другое вместе.

Джекаби подобрал что-то с земли.

— Картечь, — сообщил он. — Как бы там ни было, похоже, миссис Пендлетон всё-таки успела выстрелить.

Я осмотрела истерзанный забор. Отметены на древесине были в два раза глубже, чем те, что мы обнаружили на поляне. Кто-то одним ударом сумел рассечь толстую доску пополам.

— Как вам кажется, эти следы мог оставить дракон?

— Разве это было бы не здорово? Но, разумеется, это невозможно, — ответил Джекаби.

— Сэр, вы уверены? — спросила я, попытавшись сосредоточиться на деталях дела, а не на ужасах вокруг меня. — Я бы первая стала утверждать, что драконов не существует, но

если те окаменелости самые, что ни наесть настоящие, а не Мезозойские? А как нам известно из легенд и мифов, драконы крали овец? Вы видите какую-нибудь... ну не знаю... волшебную ауру или что-нибудь в этом роде?

— Да, в самом деле. — Он нахмурил брови и провёл пальцами по отметинам. — Теперь, когда вы упомянули об этом, я и сам вижу схожесть с теми окаменелостями. Как захватывающе. — Он покачал головой. — Однако факт остается фактом, мы никак не можем встретить здесь дракона. Их вид вымер тысячи лет назад. Увидеть живого Западного дракона так же вероятно, как встретить сегодня одного из ваших динозавров, неуклюже расхаживающих по равнинам. Кроме того, если дракон настолько большой, что его в меню должны входить овцы и козы, обязательно остался бы огненный след. Но никаких сообщений не поступало, что Гадова Долина была настолько сухой, чтобы... — Он умолк и с любопытством посмотрел на меня. — Что там у вас?

Пока он говорил, я рассеянно крутила в руке радужный диск. Я посмотрела на свои пальцы и протянула его ему.

— Это... чешуйка, не так ли? — спросила я.

— Гм-м. — Он кивнул, поворачивая её к свету.

— Это драконья чешуя, да?

— Мисс Рук, — сказал Джекаби, блеснув глазами, — уверен, что так и есть.

Глава Двадцать шестая

Время отправить весточку родным и близким Пендлетон о случившемся с фермерами пало на Чарли, и он мужественно с этим справился. Когда он вечером вернулся в хижину, его лицо не выражало ничего, кроме решительности.

Джекаби положил полоску коры, которую забрал из рощи, рядом с чешуйкой, что я нашла на пастбище.

— Мы с Рук нашли всё, что смогли, мистер Баркер. Я думаю, уже пора.

Чарли посмотрел на меня, и я кивнула.

— Прошу вас, дайте мне минуту, — сказал он.

Половина города Нью Фидлхэма видела его незапланированную трансформацию во время нашей работы над первым совместным делом, а он всё ещё ужасно смущался превращаться в присутствии посторонних людей. По правде говоря, хоть я и просила его всячески избегать этих превращений, мне почему-то было приятно видеть Чарли, появившегося из своей комнаты в собачьем облике. Его чёрный мех отливал теплыми карамельными тонами и, казалось, что на ощупь он нежнее овечьей шерсти. В последний раз я видела Чарли в этом облике, когда он находился на грани жизни и смерти из-за серьезного ранения. Именно он спас мне жизнь, когда наше первое совместное дело приняло кровавый оборот, и поэтому мне было очень приятно видеть его в полном здравии.

Он подошёл к столу, чтобы обнюхать улики, а потом убежал к себе в комнату.

— Они определённо принадлежат одному и тому же зверю, — сказал он, выйдя из комнаты, застёгивая последнюю пуговицу на рубашке и поправляя манжеты.

— Нет никаких сомнений? — спросил Джекаби.

— Один и тот же запах, — подтвердил Чарли, — или два животных, но одно семейство.

— Если это так, то надеюсь, что семья маленькая, — заметила я.

— Расскажите всё, что помните, — попросил Чарли.

Я рассказала ему о ферме и перепуганных овцах, о больших отметинах, оставшихся от когтей, и глубоких следах в земле от них же, о сломанном заборе и ветках деревьев на уровне моей головы. Джекаби, тем временем, перемещал чешуйку из одной руки в другую, держа её под странным углом и разглядывал через свои маленькие линзы.

— Дракон из рощи... — заговорил Чарли.

— Предположительно, дракон, — не отрываясь от своего занятия поправил его Джекаби.

— Тот, что побывал в роще, ростом всего несколько футов, судя по отметкам в лесу, — сказал Чарли. — Может быть, второй — это его мать?

Джекаби передернуло.

— Надеюсь, что нет. Самые страшные чудовища — это их матери. Вспомните Беовульфа [18]. Нужно еще раз взглянуть на кости. — Он поднёс чешуйку к лампе и вновь принялся разглядывать её. — Улики неоспоримо доказывают невероятное — драконы вернулись. И все же... Что-то тут нечисто. Даже с помощью гадального шара чтение ауры бывает неточным. Нужно сравнить артефакты. Утром мы нанесем визит на раскопки.

Он ушёл к себе в комнату, продолжая сжимать между пальцами чешуйку, хмурясь и размышляя над чем-то. Я оказалась один на один с Чарли в тёплой уютной гостиной хижины. Он сбросил свой синий мундир, но рубашка и брюки были как всегда отутюжены и безупречны. Как бы мне хотелось не бродить весь день по амбарам, подлескам и пастбищам.

— Мне жаль, что вам довелось это увидеть, — сказал он.

— Что именно? — спросила я.

— Моё превращение в пса. Я пойму, если вас это беспокоит. — Он смущённо пожал плечами, глядя на маленькую оловянную печку.

— О нет... совсем нет. Мне даже понравилось смотреть... ну я хотела сказать, я не таранилась на вас, это же не спектакль... или... Вы... Вы очень красивый пёс.

— Вы очень добры, — сказал он скептическим тоном.

— Нет, правда. Вы прекрасно сложены. Боже, я хотела сказать, для гончей... Вам идёт быть псом. Не то чтобы вы плохо сложены будучи человеком. Ох, я имела в виду... — Мои щеки залил румянец. — В общем, я хотела сказать, мистер Баркер, что я совсем не имею ничего против.

Мы сидели в тишине и только потрескивание горящих поленьев в печке нарушал её. Наше неловкое молчание длилось, наверное, несколько секунд, а, может, и вечность, которое Чарли, наконец, все же решился нарушить:

— Это... Вы очень добры. — Он улыбнулся и тихо рассмеялся, рассматривая меня своими глубокими карими глазами.

— Что? — спросила я. — В чём дело?

— Иногда вы напоминаете мне одного человека, которого я уже очень долго не видел, — сказал он.

— Надеюсь, хорошего?

Он кивнул.

— Вы бы ей понравились. Я любил её... очень, — ответил Чарли. — Сестру. Алину. Мы с ней всегда были очень близки. Порой мне ужасно её не хватает, но она осталась жить с семьей.

— О, — произнесла я, изо всех сил стараясь сосредоточить разум на анализе информации, что я была похожа на сестру Чарли. — Могу я задать вопрос? Почему вы

уехали? Надеюсь, это не слишком нахально с моей стороны.

Обдумывая ответ, Чарли оглядел своё скромное жилище.

— У Ом-Кайни нет дома. Мой народ — кочевники. Мы всегда переезжаем с места на место. У нас просто нет выбора, иначе нам грозит разоблачение. Мой дедушка рассказывал историю о... — Его глаза встретились с моими в свете в отблеске печки. — О тёмных временах. Нашей семье не грозит никакая опасность, только если мы будем вдали от всех. Где мы можем быть самими собой.

Он сделал глубокий вдох.

— Но потом был Бухарест. Мне понравился Бухарест. В центре города находился забитый до отказа рынок, наверное, он и сейчас всё там же. Я увидел, как мошенник срезал у горожанина кошелек и тут же растворился в толпе между прилавками, и я инстинктивно бросился в погоню и поймал его. В кошельке было не больше горстки монет, но незнакомец был мне так благодарен. Его жена пригласила меня отужинать у них, но я отказался. Своей выходкой я уже обратил на себя внимание. Я знал, что должен уйти... но что-то изменилось. Я почувствовал, что правильнее будет бежать вперед, вместо того, чтобы все время убегать.

— И поэтому вы приехали в Америку?

— Страна возможностей. — Он кивнул. — Где я мог быть просто ещё одним иммигрантом, начавшим всё заново. Мне не исполнилось ещё и двадцати, поэтому это было очень тяжело, но я сделал правильный выбор. Моя прежняя жизнь... жизнь в семье... давала мне свободу быть собой, но не на моих условиях.

Я кивнула.

— Потому что это не свобода вовсе. — Моя семья, может, и отличалась кардинально от семьи Чарли, но я очень хорошо понимала о чём он говорил. Я хотела сказать ему, что он всегда может быть собой, приняв любую ипостась, рядом со мной, но это было бы лицемерие, после всех этих дней, когда я настойчиво несколько раз напомнила, чтобы он был осторожен. Поэтому я протянула руку, пока он смотрел на потрескивающий огонь... но помедлила, и момент был упущен.

— Уже поздно. Мне не следовало вас так сильно задерживать, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Вам нужен отдых, особенно после такого длинного дня, как сегодняшней.

Я пожелала Чарли спокойной ночи и легла в постель. Я так и видела Дженни Кавана, как она разочарованно качала головой в ответ на моё жалкое поведение, а потом Нелли Фуллер закатывала глаза, за то, что я вообще предприняла пусть малейшую, но попытку. Я уткнулась в мягкую подушку и прогнала наваждения куда подальше. Может, мне уготовано судьбой сражаться с драконами, нежели флиртовать с молодыми мужчинами.

На следующее утро мы не теряли время даром. Лидерство захватил Джекаби, а мы с Чарли старались просто не отставать от него, выйдя из дома и поспешив вверх по дороге. Солнце только-только выкарабкивалось из-за лесистых холмов, а мы уже были у фермы Брисби, когда к нам навстречу выскочила повозка Брисби, направляющаяся в город. Заворачивая, она опасно накренилась вбок, зависнув на мгновение на двух колёсах, а потом с грохотом рухнула на всё колеса и помчалась с ещё большей скоростью. На козлах сидел мистер Мёрфи, и его лицо казалось настолько бледным, будто веснушек у него отродясь не было. Мистер Брэдли, вцепившись в спинку сидения, тщетно пытался собрать воедино груды инструментов, которая расплзлась по всей повозке. Завидев нас, когда его компаньон прогнал лошадей мимо нас по пыльной дороге, он что-то прокричал очень похожее на: — Удачи!

А Льюис Лэмб, стоявший на дороге, кричал вслед своим соратникам:

— Полоумная деревенщина! Не могут разглядеть подделку у себя под носом?! А ну вернитесь! Вернитесь немедленно!

Когда повозка скрылась из виду, он заметил нас и направился прямо к Чарли.

— Вы! Вы некомпетентный, бездарный болван, а не полицейский! Я же велел вам, чтобы вы посадили преступника под замок! Вы только посмотрите, что он наделал! Посмотрите, посмотрите! Сначала он просто не давал работать моей команде, а теперь он просто опустошил раскопки. Это зашло слишком далеко!

Жалобы не прекращались, пока мы шли к подножью холмов. Ближайшая импровизированная стена из брезента была спущена и, когда мы подошли вплотную, я поняла почему. Вся правая сторона строения была снесена, а ткань разорвана и испачкана в грязи. Лэмб не стал утруждать себя проходом через брезентовую дверь-заслонку, хотя та по-прежнему стояла относительно нетронутой, а просто перешагнул через упавшую ткань. Он был настолько зол, что не мог подобрать слова, поэтому просто молча махнул рукой на панораму перед нами и бросил свою панаму в грязь.

На раскопках творился настоящий бардак. За последние несколько дней команда Лэмба вырыла глубокий ров вокруг скелета и почти полностью освободила его от земли. Они проделали свою работу с особой тщательностью, но сейчас кости лежали разбросанными как попало, и некоторые вдобавок были переломаны пополам. На груди из ребер лежало бедро, вся поверхность которого...

— Это следы зубов? — спросила я.

— Уверен, он хотел, чтобы вы так и подумали, — прорычал Лэмб. — Это в конце концов, объяснило зачем ему понадобился зуб. Но это... — Он вновь махнул дрожащей рукой на место раскопок, — просто бессовестно.

— Вы до сих пор верите, что Оуэн Хорнер стоит за этим? — спросил Чарли.

— Ну разумеется! Его трюк с костью никого не одурачил, поэтому он пошел дальше. Оставил ложные следы укусов и отпечатков — на этот раз они вышли у него получше, я бы сказал, правдоподобнее — но они по-прежнему выглядят подделкой. Не знаю, какую гадость он успел подстроить моей команде, но он за это поплатится. Уж я удостоверюсь в этом.

— Мистер Хорнер учёный, как и вы, — сказал Чарли. — Я могу понять, почему вы подозреваете в краже костей, но зачем бы ему понадобилось их портить?

— Чтобы скрыть, что он украл их, — рявкнул Лэмб. — Я уже не досчитался левой локтевой кости, ключицы и нескольких ребер. Уверен, он надеялся, что я не замечу пропажи. Он дурак, если думает, что это сойдёт ему с рук, но даже паршивый законник, такой как вы, патрулирующий долину...

— Эй! Довольно, — сказала я. Лэмб усмехнулся и закатил глаза.

— Взгляните-ка на это, — сказал Джекаби. Он немного отошёл в сторону, пока учёный исходил желчью, и теперь указывал на глубокий отпечаток в земле. Мы с Чарли подошли к нему. Лэмб просто покачал головой и громко вздохнул.

— Тратьте своё время сколько хотите. Это подделка, как и те, последние, — проворчал он.

— Это не подделка, — возразил детектив, когда мы с Чарли приблизились настолько, чтобы разглядеть чёткий отпечаток. Это был тот же «птичий» след: три острых когтя спереди и один отставленный сзади. Несмотря на то, что следы были меньше, чем лапа найденного экземпляра, их размер всё равно превышал размер ноги моего работодателя.

— Сэр, — я с трудом сглотнула, — все эти следы ещё больше размером, чем предыдущие, вам так не кажется?

Джекаби вынул чешуйку из кармана и поднёс ее к повреждённому скелету. Он прищурился и повертел головой так и сяк.

— И, мистер Джекаби? — спросил уже Чарли. — Маловероятно, но очень похоже, что следы оставило существо большего размера, чем ископаемое. — Он указал на разбросанные кости дракона. — Рассеяли сомнения?

— Едва ли. — Джекаби наконец поднял глаза. — Но они очень похожи. Как говорится: «Здесь есть драконы. Так-то».

Стоило только этим словам сорваться с его губ, как раздался треск древесины и перепуганное блеяние домашнего скота из амбаров. Мы с детективом тут же обменялись взглядами (я так и не поняла, что я увидела в его глазах: волнение от предвкушения или тревогу за жизни живых существ) и бросились к источнику звука.

Глава Двадцать седьмая

Спеша к источнику шума, нам пришлось обогнуть поток перепуганных, мечущихся туда-сюда, коз. Раздался ещё один оглушительный хруст, донёсшийся со стороны сарая, сопровождаемый грохотом обрушившегося дерева. Когда мы добрались до подножья холма, к нам присоединился Хорнер, который выбежал из дома Брисби. Он был не причёсан, а глаза блестели от беспокойства и непонимания происходящего. Я расслышала, как Льюис Лэмб набрал в грудь побольше воздуха, чтобы разразиться обвинениями в адрес Хорнера, но, когда мы завернули за угол, он сумел выдавить из себя лишь свист. Стена амбара была вырезана, словно бумага. Отверстие составляло где-то двадцать футов в высоту, доставало почти до крыши. На дальней стороне поля Брисби задрожали деревья, когда что-то большое исчезло в лесу, оставив после себя траншею, протянувшуюся по всему пастбищу.

Мы стояли и несколько секунд заморожено смотрели на поле.

— Чт-т-то это? — нарушил тишину Льюис Лэмб, тыча пальцем на очередное красное месиво на обломках сарая. Его голос растерял всю свою браваду и ярость. Он походил на ребёнка, вдруг проснувшегося от кошмара.

— Рискну предположить, — сказал Джекаби, глядя в сторону, — что это была корова. К сожалению, похоже, мистеру Брисби придётся теперь покупать молоко в городе.

— Это моя вина, — раздался слабый и дрожащий голос с задворок растерзанного сарая. Чарли пробрался в сарай, Джекаби последовал за ним. Они вернулись, держа под руки Хьюго Брисби. Он, похоже, не пострадал, но ноги у него дрожали, и ему было тяжело держать себя прямо.

— Помогите мне занести его в дом, — попросил Чарли.

— Я разозлил его, — пробормотал Брисби себе под нос. — Нельзя было это делать.

— Что вы сделали? — спросил Джекаби.

— Я думал, что поступаю правильно. Что я делаю это ради своей Мэди. Я думал... Я подумал, что, может быть, кто-то напишет об этом, и статья облетит весь мир. Что я смогу увековечить её имя. Она всегда хотела выбраться из этой долины... — Он нервно огляделся. — Это был я. Я взял кости. Я приладил их к своим ботинкам. Я... мне хотелось придать загадочности, чтобы привлечь людей, как в той первой статье, которая привела вас сюда. Я вернул кости, но... было слишком поздно. — На нём не было лица. Он вздрогнул, и с виноватым видом посмотрел на Лэмба, который в свою очередь устремил взгляд в лес. —

Это моя вина. Я пробудил это существо, и оно забрало мою Мэдди. Т-теперь оно пришло за мной. Оно появилось и... коровы... — Фермер умолк и начал хныкать.

— Да-да, воображаю, насколько неприятным было зрелище, — сказал Джекаби, бросая взгляд себе через плечо на мерзкое месиво. — Но мне необходимо задать вам несколько вопросов, так что, прошу вас, постарайтесь успокоиться. Если вы не успокоитесь, то вероятно окажетесь съеденным тем же средневековым чудовищем, сожравшим ваших коров... или другим похожим зверем, но поменьше, тоже на данный момент прибывающим на свободе. Вы успокоились? Мистер Брисби?

— Он потерял сознание, — сказал Чарли.

— Этого только не хватало.

— Помогите поднять его по ступеням. — Они занесли его в дом и усадили на диван.

Когда мы вернулись в коридор, по лестнице стремительно сбежала Нелли Фуллер, чуть не сбив нас с ног.

— Я слышала шум, — сообщила она. — Я пропустила всё веселье?

— Ничего особенного, — ответил Джекаби. — Однако оставайтесь внутри, если вы не в восторге от перспективы быть выпотрошенной. А нам с мисс Рук и мистером Баркером нужно добраться до Хадсона.

— Что? — спросила я.

— Вы хотите, чтобы я осталась здесь? — переспросила Нелли, приподняв бровь. — Дорогуша, вы же меня знаете?!

— Вы оба сошли с ума! — воскликнула я. — Вы правда считаете, что безопасно сейчас выходить на открытую местность? Забыли, что стало с коровой?

Джекаби покачал головой.

— Мисс Фолер...

— Фуллер.

— Мисс Фуллер, первый, кто воочию увидел этого зверя и остался не покровсанном на ленточки, лежит сейчас без сознания в гостиной. Вы можете идти куда вам заблагорассудится, но ваша статья связана с ним. — Он развернулся к нам. — Что касается нас, то сейчас у нас есть два варианта. Мы можем обратиться за помощью к человеку, у которого есть опыт выслеживания большой дичи в этих местах и вместе изловить опасных сверхъестественных существ или не звать мистера Хадсона и дать отпор драконам самим. Это не значит, будто я думаю, что мы на это способны... я склонен считать, что нам грозит незавидная доля... но я и не горю желанием объясняться потом с охотником, почему мы пошли на дракона без него. Так что выбор у нас небольшой. Идёмте.

Утро уже стояло в самом разгаре, когда мы добрались до хижины Хэнка Хадсона. При виде неё у меня упало сердце. Строение и без того не выглядело прочным, а теперь ещё и западная стена была проломлена. Во дворе валялись тяжелые дубовые бревна, разломанные пополам, и осколки кирпичей. Из того, что осталось от очага, неспешно выползала тонкая струйка дыма, а пол чернел от пролитой крови.

— Хадсон? — Джекаби осторожно переступил порог хижины. Но стоило ему только это сделать, как крыша опасно просела и вниз ссыпалось несколько пластинок черепицы. Он присел на корточки и осмотрел лужу. — Человеческая, — мрачно констатировал он.

Чарли толкнул носком ботинка обломок кирпича и наклонился, чтобы подобрать с пола сине-зеленый диск. Он был точь-в-точь такой же, как тот, что лежал у Джекаби в кармане, разве что больше в диаметре, размером с ладонь.

— Вот ещё, — сказал Джекаби, углубляясь в разрушенный дом. — И ещё. Они разных размеров. А это что? — Он добрался до тупика крушения, где лежал перевернутый стол — единственное, что удерживало стену от обрушения в комнату.

— Сэр, будьте осторожны, — крикнула я. Он потянулся к ножке стула и попытался что-то вытащить из щели за ней. Когда он выпрямился, стол съехал, и стена угрожающе застонала. Не успел он выйти, как конструкция сложилась, словно карточный домик, а на то место, где он только что стоял, рухнула крыша. Откуда-то из глубины хижины раздался испуганный крик.

— Это был не зверолов, — сказал Чарли.

— Розы, — его птица. Она до сих пор внутри. Может и Хадсон с ней?

Чарли не поднимал глаз. Он смотрел на кровь на земле. Её было ужасно много.

Я тяжело сглотнула.

— Ну, мы не можем просто оставить её. Она опасна, но не заслуживает быть раздавленной и погребённой заживо — и никто не знает, когда драконы могут вернуться. Судя по чешуе, их может оказаться больше трех. Сэр? Сэр?

Джекаби уставился на что-то в открытой ладони. На маленькой горстке пушистых оранжевых волос.

— Один, — сказал он. — Здесь только один. Нет никаких драконов, он один... только он растёт. Очень быстро.

Розы издала очередной истошный вопль, и мой работодатель взялся за дело.

— Вы абсолютно правы, мисс Рук. Мы должны проявить внимание к птице... нужно поступить порядочно. А я поищу ещё какое-нибудь охотничье снаряжение мистера Хадсона. Нам понадобится всё, что мы сможем найти. Чарли, мне нужно, чтобы вы вернулись на ферму Брисби и велели всем бежать... в общем, убраться оттуда куда подальше. А потом езжайте на другие ближайшие фермы и скажите там то же самое. Нам нужно как можно скорее эвакуировать всех из Гадовой Долины. Вперед! Вперед!

Глава Двадцать восьмая

Я заприметила небольшое окошко в дальней части хижины зверолова, и протиснулась через него вовнутрь. Было темно, но свет, падающий у меня из-за спины, всё-таки выхватил из мрака отблеск бронзового клюва и блеск больших глаз Розы. Она нервно перепрыгивала с ноги на ногу. Стена позади её клетки искривилась, а стропила сломались. Клетка тоже пострадала, на неё упала широкая балка, от чего решётка погнулась. Я заметила глубокие зарубки в том месте, где Розы напрасно пыталась вскрыть клетку, чтобы освободиться.

— Ладно, девочка, — сказала я, глубоко вздохнув. — Я собираюсь вытащить тебя отсюда, но если ты откусишь мне палец, то оставлю тебя гнить здесь, поняла?

Рыжая голова склонилась набок.

— Наверное, мне просто придётся это сделать. — Я схватила клетку и изо всех сил потянула её на себя, но она не поддавалась. На неё упало слишком много балок, и поэтому конструкция от моих действий только гнулась. Розы смотрела мне прямо в глаза и даже не пыталась причинить мне вред.

Я взялась за позолоченную спицу в двери клетки и потянул за её.

— Ужасная идея, — проговорила я. Спица застряла, но спустя несколько секунд я почувствовала, что она потихоньку поддается. — Ужасная, ужасная идея. — Я потянула ещё сильнее. — Розы начала раскачивать головой, а когда мне удалось справиться с задвижкой,

она оглушительно заверещала и пулей выскочила из клетки. Стоило только дверце открыться, как балки обрушились вниз и смяли клетку под своим весом. Вся комната затряслась, а затем разразилась громким треском и грохотом. Мы с птицей попятились подальше от падающей древесины и кирпичной кладки в дальний угол. Когда грохот прекратился, я оказался в пыльном продолговатом пространстве, не больше чулана для метелок рядом с перепуганной дикой птицей, которая была (и это я осознала только сейчас) слишком большой, чтобы пролезть в то окошко, и слишком возбужденной, чтобы спокойно сидеть, пока я со всем этим разбираюсь.

Рози взвизгнула и замахала крыльями, и рядом с моей головой в стену с глухим стуком врезалось металлическое перо, отливающее золотом. Потом я поймала предплечьем коготь, и рядом, задев щеку, пролетело ещё одно острое перо. Я поморщилась от боли, попытавшись отстраниться как можно дальше от птицы, но отступать было некуда. Когда она заметалась туда-сюда, у нас над головой открылось небольшое отверстие. Мы обе удивленно посмотрели на солнечный свет, а потом Рози взмыла вверх. Она предприняла два быстрых нападения острым, как бритва, клювом на крышу, а после с криком умчалась в облачное небо. Я шагнула вперед, чтобы подняться за ней, пока не обрушился весь дом, но что-то потянуло меня назад. Я повернулась. Подол моего платья был зажат между упавшими балками. Я потянула ткань, но та оказалось слишком крепкой, а балки неподатливыми.

Потолок над головой угрожающе заскрипел и у меня всё поплыло перед глазами. Я старалась дышать медленно, не поддаваться панике, но думать было трудно. В воздухе висела пыль, а порез на щеке саднил. Неблагодарная птица не оставила мне ничего после себя, только напоминание о том, насколько опасными могут быть дикие звери, что не сулило мне ничего хорошего в предстоящей охоте на настоящего дракона. Я покачала головой. И тут я внезапно осознала, что птица мне всё-таки кое-что оставила. Я протянула руку и нащупала перо в стене. Оно застряло глубоко в древесине, и всё же, приложив некоторое усилие, мне удалось его высвободить. А потом, буквально в считанные секунды, я сумела отрезать край юбки и выбраться на обрушившуюся крышу.

Выбравшись, вдыхая чистый воздух большими глотками, я подождала, пока мои глаза привыкнут к свету, и только потом спустилась на твердую землю.

Из полуразвалившегося сарая высунулась голова Джекаби. Увидев меня, он приподнял брови:

— Где птица?

Вздохнув, я ткнула пальцем в небо. Но Рози уже и след простыл.

— Вы выпустили Стимфалийскую птицу посреди Гадовой Долины?

— Формально, я освободила Стимфалийскую птицу из разваливающейся на глазах лачуги.

— Как скажете. — Джекаби кивнул. — Я бы конечно так не поступил, но с другой стороны, хорошо, что она не погибла. Давайте посмотрим, справитесь ли вы с этим испытанием. Оно будет посложнее.

— О, — ответила я, собрав волю в кулак, чтобы не показывать своего колебания. — Жду не дождусь.

Глава Двадцать девятая

Лошади Хадсона были самими надёжными скакунами, что мне доводилось встречать. Эти мускулистые животные спокойно переминались с ноги на ногу, подставив гривы ветру,

пока Джекаби запрягал их в повозку зверолова. Их не напугало ни нападение дракона, ни крики Розы. Большие холенные кони, за которыми зверолов явно хорошо ухаживал. У меня ком встал в горле, когда я подумала, кто же сейчас будет за ними смотреть.

— По словам Хадсона, их продавец утверждал, будто они произошли от жеребцов, участвующих в битвах Троянской войны, — сказал Джекаби, когда закончил возиться с поводьями и похлопал одно из благородных животных по крупу. — Даже намекнул на некоторые местные легенды, будто их родословные можно проследить до кобыл Диомеда, которых царь Эврисфей велел доставить Гераклу к себе в конюшни. Боюсь, торговец приврал, но я так и не решился открыть правду Хадсону.

— Но они и правда выглядят особенными, — сказала я, позволяя Джекаби помочь мне взобраться на козлы.

— Ну конечно, они особенные, — сказал Джекаби и взобрался следом за мной. — Он ничего другого и не ожидал от них, и обращается с ними соответственно. Он им просто не оставил выбора — они должны быть исключительными. — Его губы расползлись в улыбке, он бросил на меня многозначительный взгляд, потом щелкнул вожжами и лошади рысью помчались вперед, оставляя позади руины, некогда бывшие хозяйским домом.

Джекаби закинул в повозку набор острых инструментов и прочных сеток, то есть совершенно негодный скарб для ловли шестиметрового дракона.

— Это всё, что вы смогли найти? — спросила я, уставившись на содержимое повозки.

— Боюсь, что так. Арсенал мистер Хадсона оказался почему-то истощён. Должно быть, он переложил куда-то своё оружие в предвкушении охоты, прежде чем сам стал добычей. Этого мы никогда не узнаем. К сожалению. Придётся иметь дело с тем, что есть.

Несмотря на то, что Джекаби никоим образом не выказал скорбь по погибшему другу, я видела, как это тяготит его. Он снял свою дурацкую вязаную шапку, предоставив темным прядям свободно свисать над темно-серыми глазами. Мой работодатель был обычно сосредоточен на себе и совершенно безопасен, но не теперь. Лично я не хотела бы столкнуться с человеком, находившимся передо мной сейчас. Я наблюдала, как его выражение лица омрачалось тенями и тихо радовалась, что не я тот непокорный дракон.

До фермы мы добрались к полудню. Джекаби поставил дилижанс под тенью трёх больших сосен.

— Что заставляет вас думать, будто зверь вернётся сюда? — спросила я. — До сих пор он выбирал для нападения отдельно стоящие цели.

— Ему придётся. Потому что здесь были найдены кости.

— Всеми виной Брисби, да? Это какая-то месть духов, что ли... вроде проклятья?

— Ничего подобного. — Он слез с дилижанса.

— Тогда что? — Я взглянула на покрытые густым лесом холмы слева и справа, прежде чем спуститься вслед за ним. Даже несмотря на солнце, уже забравшееся высоко в небо, пейзаж всё равно казался слишком тёмным, и мог служить прибежищем для огромного зверя.

— Тише. — Джекаби приложил палец к губам, уставившись куда-то поверх холмов. — Слышите?

Я наострила уши.

— Голоса, — ответила я.

Джекаби кивнул. Он повернулся спиной к холмам и зашагал к ферме. Внутри мы обнаружили Чарли Баркера, Льюиса Лэмба, Оуэна Хорнера и Хьюго Брисби. Как только

Чарли завидел нас, он тут же обратился к детективу:

— Мистер Джекаби, прошу вас, может, вы сможете вразумить их.

— Какого чёрта вы до сих пор здесь делаете? — требовательно спросил Джекаби. — В любую минуту сюда может заявиться огромных размеров хищник!

— О чем я им и талдычу. — Чарли вздохнул. — Мистер Хорнер отказывается уезжать. Он говорит, что найденные кости — великое открытие.

— Неужели эти двое продолжают спорить о профессионализме?! — воскликнула я.

— Нет, просто я появился здесь с самого начала и хочу остаться до конца, — сказал Хорнер. — Именно из-за таких костей я занялся этим, и мы с вами оба знаем, что больше нам никогда не найти что-то столь же необычное, копай мы хоть до самой смерти. Я за прошлую неделю уже смирился с этим ублюдком. — Он ткнул большим пальцем в Лэмба. — Новый монстр, по крайней мере, должен был бы сменить темп.

— Впервые согласен с Хорнером, — сказал Лэмб. — Я не для того защищал раскопки, чтобы потом смотреть как их уничтожит... какое-то дикое животное. — Палеонтолог по-прежнему не мог заставить себя назвать это существо драконом.

— А вы что скажите мистер Брисби? — Джекаби развернулся к фермеру, который сидел выпрямившись на диване. Вид у него был всё такой же болезненный. — Вы видели собственными глазами причину, по которой должны бежать отсюда без оглядки.

Брисби мрачно кивнул.

— Никого бы из вас не было здесь, если бы не моя глупая гордость. Я потерял свою жену, переживая больше из-за статьи на первой полосе. — Он всхлипнул. — А потом я повёл себя ещё хуже, проявил неуважение к мёртвым. Я натравил это на вас, сам привёл его сюда, на ферму. Мы построили наши сараи голыми руками, а теперь оно вскрывает их, словно консервные банки. Мы с Мэди растили наших детей не для того, чтобы позволить другим людям разгребать их бардак, и будь я проклят, если я позволю кому-то подчищать за мной. Если они не уходят, значит, и я остаюсь.

Джекаби вздохнул.

— Вы все умрете. Мисс Рук, может, нам уже пора?

— Подождите, пожалуйста, — сказала я. — Если кто-то и понимает ценность раскопок — так это я. Джентльмены, я обещаю, что присмотрю за вашими находками. Мистер Хорнер, если профессор Лэмб выживет, то вам всё равно не жить, неужели вы и правда верите, что он удостоит вас хотя бы сноской в своих статьях? А вы профессор... неужели вы думаете, что мистер Хорнер не присвоит открытие только себе?

Мужчины хмуро уставились друг на друга, а потом Хорнер пожал плечами.

— Ну, она права, — признался он.

Лэмб кивнул.

— Если бы вы убедили меня вернуться в Гадстон, то только ради того, чтобы следить за вами и не позволить вам распространять клевету о раскопках.

— Мистер Брисби? — спросила я. — Обещаю приглядеть за вашей фермой. Ваш сарай можно починить, и мы сможем защитить ваш дом, но ваши мальчишки уже потеряли одного родителя. Прошу вас.

Фермер медленно кивал.

— Спасибо, мисс Рук. Я... вернусь с учёными. Кто-то должен помешать этим двум поубивать друг друга.

— Чудесно, — сказал Чарли. — А теперь на выход! Все!

— Подождите, — сказала я, когда мужчины подались к двери. — А где мисс Фуллер? Чарли нахмурился.

— Когда я вернулся из хижины Хадсона, её здесь не было. Наверное, я слишком о многом прошу, надеясь, что она уже отправилась в какое-нибудь безопасное место?

— Я бы на это не рассчитывала. Давайте надеяться, что мы найдём её до того, как она найдёт дракона.

Мужчины уселись в повозку Брисби и выехали на дорогу. Когда они набрали скорость, Хорнер выкрикнул:

— Пока, красавица. Укради мне хороший артефакт, если выпадет шанс! — Он блеснул очаровательной улыбкой и беззастенчиво подмигнул. Лэмб стукнул его по затылку и Хорнер уселся на место, смеясь и потирая себя по голове. Спустя минуту они скрылись из виду.

— Неисправимый, — посетовала я.

— Кто из них? — спросил Чарли.

— Верно подмечено. По крайней мере, они наконец уехали.

— А вас точно невозможно убедить тоже уехать? — спросил Чарли.

Джекаби покачал головой.

— Не больше, чем вас можно убедить покинуть хороших жителей долины, находящихся в опасности. Нам надо делать свою работу.

Чарли кивнул.

— Мне действительно нужно идти. Есть по крайней мере полдюжины домов, находящихся в досягаемости нашего зверя. И как вы верно подметили, я не могу не предупредить их. Удачи, мистер Джекаби. — Он повернулся ко мне и посмотрел шоколадно-кариими глазами в мои. У него на лице отразилось неподдельное беспокойство. — Эбигейл, — сказал он вкрадчиво, и помедлив добавил, — будьте осторожны.

Он впервые обратился ко мне по имени и мне хотелось прожить достаточно долго, чтобы услышать это от него снова.

Чарли взобрался на Мэриэнн, и пятнистая кобыла умчалась прочь по грунтовой дороге. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за горизонтом, оставив после себя лишь облако пыли.

Итак, нас осталось двое. Джекаби сидел в повозке зверолова и рылся в его скудном скарбе. Найдя мачете, он привязал его к бедру на манер палаша.

— Что ж, сэр, готовы сразиться с драконом? — спросила я.

Он натянул на голову свою смешную вязаную шапку и обнадеживающе (по его мнению) улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Нет, решительно не готов.

Глава Тридцатая

Мы взобрались на холм. Я выбрала себе ледоруб и во время подъёма в гору держала его прижав к груди обеими руками. Инструмент мне попался острый, с небольшими зубринами с одной стороны и изогнутый на другом его конце. Короткая деревянная ручка у основания была обернута сталью. Я не знала с чем конкретно придётся столкнуться, но уповала, что большое количество острых частей топорика увеличивали мои шансы на успех.

Когда мы приблизились к раскопкам, мой работодатель сбавил темп. С противоположной стороны площади завешанной брезентом доносилось тяжелое дыхание. Джекаби грубо схватил меня за плечо, и я замерла. Он ткнул пальцем вниз. Я чуть было не

угодила в медвежий капкан. В глазах Джекаби появился проблеск надежды.

— Хадсон? — прозвал он.

Мы быстро, но осторожно переступая препятствия, прошли по месту раскопок.

Хэнк Хадсон сидел возле уцелевшей брезентовой стены и опирался на свою винтовку. Теперь понятно, почему Джекаби не нашёл никакого подходящего оружия у зверолова в хижине — он всё забрал с собой. Рядом лежало крупнокалиберное ружье, а через спину был перекинут патронташ, заполненный винтовочными патронами и картечью. Его пояс был увешан блестящими ножами и опасными крюками, а с плеча свисало оружие, очень похожее на китобойный гарпун. Зверолов прижимал левую руку к груди, а сам был бледным и потным, когда поднял голову, чтобы взглянуть на Джекаби.

— Мне очень жаль, дружище, — сказал он глубоким голосом, едва шевеля языком, и, перейдя на громкий шёпот, добавил. — Я чёртов дурак.

— Рад, что вы осознали это, мой друг, — сказал Джекаби. — Немного поздновато, но всё же.

— Всё к чертям вышло из-под контроля. — Хэнк попытался улыбнуться, но потом закашлялся.

— Если вы вознамеривались устроить себе такие необычные похороны, то могли бы порядочности ради не хоронить и нас заодно.

Мужчина мрачно кивнул и повесил голову.

— Твоя правда. Я себя очень паршиво чувствую из-за этого, поэтому и хотел всё исправить, а если помру, то туда мне и дорога.

— Мистер Хадсон, — сказала я. — Вы ранены... что случилось?

— О, здрасте, барышня. — Он вновь поднял голову, обращаясь уже ко мне. — Да, он меня изрядно потрепал, но я еще не закончил. И он скоро вернётся.

Я посмотрела на разбросанные кости.

— Кто-нибудь из вас соизволит объяснить мне, почему вы так уверены, что дракон вернётся за другими костями? По-моему, куда вероятнее, что он утащит чью-нибудь корову или лошадь, то... — я сглотнула, — что представляет собой мясо?

— Вы ей скажете или я? — спросил Джекаби.

Охотник хмыкнул.

— Нужно было догадаться, что ты всё поймешь. Давай уж, рассказывай.

Джекаби перевел дыхание.

— Мисс Рук, я уже сказал вам, что не готов убивать дракона и не намерен это делать. Как я и настаивал с самого начала, времена драконов закончились одновременно с птицами Додо.

Джекаби умолк, наблюдая за моим выражением лица и ожидая, что до меня наконец-то дойдет о чём идет речь.

— Нет, — сказала я, когда до меня действительно дошло. — Нет, мистер Хадсон, вы же не...

Зверолов грустно кивнул.

— Боюсь, что так.

— Животное, размером с дракона, «анафемские птицы», как назвал их у себя в справочнике Дарвин, — продолжил Джекаби. — Существо — всего лишь имитатор, реализующий их полный потенциал.

— Вы украли одного из котят?! — воскликнула я.

Хадсон виновато пожал плечами.

— Я не мог позволить им всем превратиться в насекомых.

— Итак, — продолжал рассказывать Джекаби, — после возвращения в долину с хамелиоморфом (рыжим полосатым котом, судя по шерсти, найденной в хижине), мистер Хадсон не смог отказать себе в удовольствии немного поэкспериментировать.

— В свою защиту скажу, я думал, что в итоге получится динозавр, — заявил зверолов.

— Подождите, — прервала я Джекаби. — Так это он украл зуб? Но это же невозможно, его ведь не было в долине, когда об этом напечатали в газетах!

— Я его не крал, — начал защищаться Хадсон. — Меня не было в долине, когда я... ничего я не крал.

— Хадсон... — сказал сурово Джекаби, заставляя тем самым Хадсона рассказывать дальше.

— Я вроде бы как налетел на парня, который мог это сделать, — признался он. — Я только вышел от вас в Нью Фидлхэме. У меня был котёнок и он его видел, только, похоже, этот парень знал, что это был необычный котёнок. Он сказал, жаль, что он такой маленький. И он так сказал, будто знал, как увеличить его. А потом показал мне зуб.

— Вы его хорошо рассмотрели? — спросил Джекаби. — Скажите, у него была мрачная, несущая смерть аура? Возможно, присутствовал слабый ореол лаванды?

— Забавный такой коротышка, — сказал Хадсон. — Тёмная одежда. Бледный очень. Он здорово меня напугал сначала, но сказал, что он друг Койота Билла и сказал, что такой парень вроде меня сумел бы найти применение старой кости. Тогда я уже знал, почему он хотел от неё избавиться. О пропаже ведь написали все газеты. Билл очень нервничал, когда я позже расспрашивал его про того парня. Прямо-таки струхнул. Наверное, нужно было рассказать вам всё ещё тогда... Сглупил я. Мне просто пришла одна идея и я хотел выяснить получится ли...

Бледный человек, которого я видела на вокзале Нью Фидлхэма... это он украл кость. Мы с Джекаби переглянулись. Если он счел нужным убить Мэделин Брисби, чтобы заполучить ископаемое, тогда почему он так легко отдал его Хадсону? Кто он такой? Зачем приехал сюда? Почему эти люди гибнут?

— С тех пор зуб у вас, — спросил Джекаби, — который мы все это время искали?

Охотник смущённо кивнул.

— Хорошо, я так понимаю, вы стёрли его в стружку, да? — продолжил допрос Джекаби. — Вам пришлось напичкать ею пищу существа и источники пищи должны быть разнообразны, но единственный ингредиент должен при этом оставаться неизменным. Что-то вроде того?

Хадсон снова кивнул.

— Размолот в порошок. Он начал меняться гораздо быстрее, чем я ожидал.

— «Большая часть сущности живого существа содержится в зубах», — напомнила я.

Джекаби кивнул.

— Драконы, пусть уже мёртвые, всё равно очень могущественные существа. Кости дракона очень мощны, а зубы вдвойне — почему, вы думаете, они такая редкость? Не могу представить древнего алхимика или аптекаря, кто мог бы сопротивляться, чтобы не добавить их в свои порошки и микстуры. Хамелиоморфы сами по себе непредсказуемы, но вы ещё примешали магию. И усугубили последствия.

— Он рос очень быстро. — Хадсон кивнул. — На второй день прорезались крылья.

— И если бы вы тогда остановились, — заметил Джекаби, — он бы не вырос до таких размеров.

— Если я не добавлял порошка, он становился вспыльчивым, — сказал Хэнк. — Мне нужно было всё больше и больше животных, чтобы прокормить его. Как ты и сказал, мне приходилось постоянно менять ему рацион. Он находился под моей ответственностью, и я не мог позволить ему голодать, поэтому я пару раз прихватил его с собой, чтобы он смог поймать дичь покрупнее. Чертовски неправильно брать дракона с собой на прогулку. Я не хотел, чтобы он съедал детеныша Брисби, но он был просто привязан к дереву, и когда дракон подошёл ближе, тот просто обезумел.

— Вы говорите про ту козу в лесу? — спросила я.

Хадсон кивнул.

— Недалеко от Брисби, — принялся размышлять вслух Джекаби, — вероятно, фермер надеялся добавить некоторую подлинность своим утверждениям о следах, похитив одну из своих коз. Я очень сомневаюсь, что у него хватило духу убить бедняжку, поэтому он просто решил привязать её, как он считал, в безопасном месте. Не повезло малышке.

Хадсон опустил голову.

— Скажу, что он напрочь отбился от рук, поэтому я перестал давать ему порошок, совсем. И неважно насколько сильно он потом сердился. Он уже вырос на добрые пятнадцать футов в высоту, и я понял, что переоценил свои возможности. Я ничего не дал ему вчера и к утру он просто взбесился. Разломал сарай и удрал в долину.

— К Пендлетонам? — спросила я.

Хадсон кивнул.

— Их кровь на моих руках. Я шёл по его следу, когда слышал выстрелы. К тому времени, как я подоспел, он уже набил брюхо овцами. Я сумел затащить его в свою хижину, но и оглянуться не успел, как он разорвал цепи и освободился.

— А вы не остались с ним? — спросил Джекаби.

— О, я сделал всё, что смог. — Зверолов застонал и немного выпрямился, осторожно отняв руку от груди. — Замешкавшись дольше, чем следовало, я оставил часть себя, которая теперь у него внутри. — Он охнул. Его кисть была туго обмотана бинтами, но невозможно было не заметить отсутствие левой кисти. Кровь пропитала его одежду, начиная от нижней части куртки до ботинок.

— Вам нужно к врачу! — сказала я.

Джекаби поморщился и впервые с нашего появления здесь, должным образом осмотрел охотника.

— Вам невыносимо больно, не так ли? — сказал он, прищурившись глядя на зверолова. — Она вас просто сбивает с ног. На самом деле... я уверен, что вы умираете. Хадсон, вы умираете?

Зверолов уклончиво пожал плечами.

— Мисс Рук права. По крайней мере, нам нужно вас переместить в помещение.

Хадсон крепко сжал винтовку здоровой рукой.

— Только после того, как я разберусь с нашей проблемой. Я не горжусь тем, что натворил, поэтому буду не рад вашей помощи. Я сотворил это чудовище, но кто-то из нас сегодня переживёт его. Я расставил вокруг несколько ловушек, но не думаю, что они сильно его замедлят. Так что держите ухо востро. Он пятнадцать футов ростом, если ещё не подрос.

— Это было до того, как он вернулся к месту, где много костей, — очень серьезно

сказал Джекаби. — Когда он пошел за коровами в сарай мистера Брисби, то был уже футов двадцать ростом. Будем надеяться, что ему понадобится помощь в лице мёртвого дракона, чтобы вырасти во весь рост. — Джекаби указал жестом на окаменелости перед нами. Кости валялись разбросанными как попало, но они по-прежнему принадлежали пятидесятифутовому существу, с размахом крыльев в два раза больше его роста.

Глава Тридцать первая

Солнце уже клонилось к горизонту, прокладывая себе дорогу за верхушки деревьев, а зверь пока так и не показался. Я рискнула сбегать в дом и обратно, чтобы принести немного воды, и зверолов принял её с благодарностью, хотя ему было очень трудно держать голову поднятой, чтобы утолить жажду. В воздухе появилась свежесть и прохлада, поэтому Джекаби разжег небольшой костерок из сухих веток, которые сумел найти поблизости.

— Как вы думаете, откуда он появится? — шёпотом спросила я детектива, когда мы уселись вокруг потрескивающего костерка. Джекаби хмуро оглядел горизонт.

— Имитатор или нет, хамелеоморф становится совершенным воплощением своей жертвы, внешне, анатомически и биологически. Дракону таких размеров необходимо производить достаточное количество зажигательных ферментов, у которых есть определённый радиус действия.

— Что?

— Дым. — Джекаби шарил глазами по горизонту. — Должен быть дым. Эта долина должна полыхать от пожаров, которые производил бы дракон таких размеров. Мы должны будем увидеть горящие ветки. По крайней мере, мы должны увидеть следы дыма.

Я огляделась. Небо заалело, день клонился к вечеру, но признаков огня, не считая нашего костерка, нигде не было видно.

— Думаете, он покинул долину? — опять шёпотом спросила я. Сложно было решить, то ли это ужасно само по себе, то ли я хотела принять желаемое за действительное. Страшно представить какое разрушение учинит это животное, попади оно в довольно населённый город, но и встречаться с ним сейчас у меня не возникало никакого желания. Но у меня не было возможности долго обдумывать данные возможности, потому что вскоре я получила ответ на свой вопрос.

Джекаби застыл. Он смотрел на лес, граничащий по другую сторону с полем Брисби. Я проследила за его взглядом. У подножья холмов, у края пастбища затрещали высокие деревья и задрожала земля. На фоне деревьев появилась тёмная фигура, а потом с глухим стуком рухнула на землю. Джекаби выхватил ржавый мачете, а я крепко сжала в руках свой топорик. Пока я наблюдала за тем, как тёмная фигура пробиралась сквозь лес, инструмент у меня в руках, казалось, становился всё меньше и меньше. А потом все звуки в долине смолкли на несколько невозможных секунд, спустя которые дракон взмыл в небо.

Дракона невозможно было с кем-либо перепутать. У него были огромные кожистые крылья, как у летучей мыши, которые слегка вздымались, когда он взмахивал ими. Неповоротливый колосс поймал грудиной пару сосен, попутно сломав стволы. Их треск, будто выстрел, разнесся по долине. Удар помешал животному набрать высоту, дракон неловко замахал крыльями и, немного побарахтавшись в воздухе, приземлился в центре поля. Он вырос больше, чем в два раза, после нападения на сарай, а когда его лапы коснулись земли, я увидела, что они где-то четыре этажа в высоту. Зверь остановился возле домика Брисби, нависнув над крышей строения.

— Порошок из костей, похоже, ускорил процесс роста, — пробормотал Джекаби себе под нос. Потрясающе... хотя... похоже, его инстинкты проявляются медленнее... Судя по тому, как он двигается... — Ещё один мощный скачок и дракон опять взмыл внезапно в воздух, заслонив широкой гладью крыльев солнце. Он двигался прямо к нам. Его движения были неуклюжими и неточными, но он достаточно владел своим телом, чтобы направить его на нас. Мы с Джекаби, словно голуби нырнули в грязь, когда его когти щелкнули прямо у нас над макушками.

Гигантский зверь был слишком медленным, чтобы успеть притормозить, прежде чем врезаться в неровный ландшафт холмов, а потом рухнуть на каменистую почву. Земля содрогнулась, а я поднялась на ноги, сжимая в руке топорик, будто он мог причинить хотя бы малейший вред этой махине с зубами и когтями.

Дракон поднялся, выпрямился и развернулся к нам. Мне доводилось много раз видеть в музеях примеры воссозданных массивных плотоядных существ, с художественной точки зрения в том числе. Огромные динозавры, губы которых были растянуты в хищном оскале. Так вот, они и в подмётки не годились данному прекрасному и вместе с тем ужасному экземпляру. Он был сине-зеленого окраса, с жёлтыми пятнами на морде, весь перепачканный в грязи. У него были широкие и влажные ноздри, как у коровы или быка, а ещё он был сплошь покрыт буграми и наростами, самые острые и толстые из которых протянулись вдоль хребта, ото лба, до хвоста, как у аллигатора. Кроме того, его голову венчали рога, загнутые назад, как у барана. Его чешуйчатая шкура туго обтягивала рёбра.

Зверь наклонил голову и жадно оглядел нас троих. Его желудок громко заурчал, и он поморщился, зажмутив кожистые веки.

— Не думаю, что он станет довольствоваться кучкой сухих костей. Вряд ли они его насытят, — заметила я.

Жёлтые глаза, прорезанные острыми чёрными зрачками, широко распахнулись. Дракон сделал один целенаправленный шаг к нам, а потом еще один. Я была готова сорваться на бег, паника переполняла меня. С каждым шагом дракона окаменелости подпрыгивали в пыли. Среди них я заметил еще одно движение. Силуэт в тусклом свете. Прежде чем я поняла, что же увидела, раскопки вспыхнули ослепляющей белизной.

— Улыбнись, красавица, — пропел знакомый голос.

Я моргнула и свет исчез. Дракон мотнул головой и побрел в сторону Нелли Фуллер. Она бросила вспышку и, выдернув пластинку из фотоаппарата, прыгнула в сторону, когда дракон щёлкнул челюстями. Фотоаппарат и штатив разлетелись вдребезги, а Нелли упала на землю и покатилась. Она действовала очень быстро, но зверь был быстрее. Мы и глазом моргнуть не успели, как он навис над ней, широко разинув пасть, обнажив страшные зубы.

— Грошик! Нет! Плохой дракон! — голос Хадсона дрогнул на последнем слоге, но он восполнил это громким выстрелом из винтовки. Тяжелый кругляш слегка царапнул морду дракона, и существо нахмурило чешуйчатый лоб.

— Вы дали ему имя? — выкрикнул Джекаби.

— Ну я же говорил, — проворчал Хэнк и раздался ещё один выстрел.

Второй раунд выстрелов угодил дракону прямо в середину шеи, как раз под подбородком. Ни одна из пуль не повредила чешуйчатую броню, но их оказалось достаточно, чтобы отвлечь внимание от репортёра. Нелли не мешкая, стремглав побежала к траншее, которую выкопали вокруг раскопок люди Лэмба. Дракон, сощурился злобные жёлтые глаза, уставился на зверолова.

Хадсон отбросил винтовку в сторону и схватился за дробовик. Он с трудом заставил себя подняться и тут же покачнулся. Хищник широко разинул пасть, и охотник выпустил картечь прямо в мягкие розовые ткани его горла. Зверь взвыл от боли и замотал головой, отшатнувшись назад, прикрывая морду крыльями. Хадсон рухнул на колени. Дробовик выпал из его здоровой руки и шлёпнулся в грязь.

Дракон выпрямился в полный рост, расправив крылья в ширину. Они закрыли полнеба тёмно-изумрудным одеялом. Зрачки дракона были словно острыми черными бритвами. Его ноздри гневно раздувались. Он выпятил грудь и гортанно захрипел.

— Огонь! — выкрикнул Джекаби. — Огонь! Вниз... быстро!

Он повалил меня с ног и мир перед глазами завертелся, пока мы с ним катились в сторону траншеи Лэмба. Топорик выскочил у меня из рук и на несколько секунд мои ноздри наполнил запах земли. Джекаби вжал меня в грязь. А затем мы услышали громкое урчание, звук отрыжки, превратившейся в натужный кашель. Джекаби поднялся, бережно придерживая меня за спину, встав у края глубокой канавы. Я последовала его примеру.

Огромный дракон брызгал слюной и отчаянно стибался пополам. У него под ногами, свернувшись в клубок, лежал Хэнк Хадсон.

— Он не может воспламениться, — пробормотал Джекаби.

К нам, прижимая голову вниз, по траншее подползла Нелли Фуллер.

— Добро пожаловать, — сказала она, сползая рядом со мной на землю и прислонившись спиной к земляной стене. — Но мне кажется, вы должны мне новый фотоаппарат. — Она держала в руках тонкий жестяной корпус от фотопластинок. Женщина щёлкнула крышкой и прижала его к груди, будто самое ценное сокровище на свете.

— Вас не должно быть здесь, — сказал Джекаби, все еще напряженно вглядываясь через барьер.

— Я не могу уйти без своей фотографии, — сказала она, радостно поглаживая маленькую коробочку.

— Нам повезёт, если мы уйдем отсюда хотя бы живыми, — сказала я.

— Но это всё равно вас не остановило, Эбби. Я знала, что вы не станете отсиживаться где-нибудь в безопасном месте. — Она мне подмигнула. — Ну, каков план?

— Нам нужно что-то посущественнее пуль и картечи, — сказал Джекаби. — Вот, гарпун Хадсона. — Оружие валялось рядом со звероловом, сверкая стальным блеском в мягком свете костерка. — Думаю, это наша лучшая возможность, но нам нужно чем-то отвлечь внимание дракона, прежде чем мы сможем... о чёрт.

Дракон пришёл в себя. Он навис над Хадсоном и с гулким рычанием обнажил клыки. У меня свело желудок от первобытного страха.

— Мы должны что-то предпринять! — в ужасе прошептала я. — Он его убьёт!

— Сбереги это для меня, хорошо? — Нелли всучила Джекаби свою коробочку и вылезла на поверхность. Она достала из кармана платя серебристую баночку с порошком для вспышки, закупоренной простой крышкой. Она выпрямилась и выглянула через край окопа.

Джекаби схватил её за лацканы пиджака.

— Что вы делаете?

— Я журналист, дорогуша. — Она вывернулась и выскочила из траншеи. — Отвлекаю внимание — вот, что я делаю. — Маленькая пробочка упала на землю, когда Нелли пустилась в бега.

Дракон следил за её приближением. Его губы растянулись в зубастом оскале, словно его

забавляла и она сама, и её бравада. Она мчалась вперёд не останавливаясь, запустив в полет свою баночку. Та упала в почти потухший костёр, и Нелли прикрыла глаза рукой, когда весь мир вдруг побелел.

Даже после того, как вспышка погасла, мои глаза все еще застилало белое марево. Но спустя несколько секунд я смогла разглядеть чудовище, которое вращало головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от собственной слепоты. А потом я увидела Нелли. Она находилась рядом с Хадсоном, стояла в полный рост с гарпуном наготове. Оружие было громоздким, но она держала его крепко и уверено, направляя прямо на колосса.

Нелли Фуллер была воплощением величия, отважности и непобедимости до тех пор... пока драконьи челюсти не сомкнулись вокруг неё.

Глава Тридцать вторая

Я в ужасе и недоумении наблюдала за разыгравшейся передо мной драмой. Как длинные клыки зверя погрузились глубоко в тело Нелли и как гарпун упал на землю. Запрокинув голову вверх, дракон поднял Нелли высоко в воздух. А потом он выплюнул, будто тряпичную куклу, её безжизненное тело на груды костей.

Я онемела. Мир завертелся вокруг меня. Меня затошнило.

Дракон не остановился ни на секунду, тело женщины ещё не успело остыть, а он вернулся уже к другой своей добычи. Хадсон, который казался таким огромным и выносливым, теперь напоминал полевую мышь у лап горного льва. По чешуйчатому подбородку дракона расплзлось яркое рубиновое пятно. Он широко раскрыл пасть и воздух заполнил визгливый крик. Зверь поднял голову и пронзительный визг стал ещё громче. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что звук исходил не от дракона, а откуда-то гораздо выше нас. Я моргая уставилась в янтарное небо, мой разум по-прежнему лихорадило. Жуткий визг усилился, и прежде чем существо успело хоть как-то среагировать, из облаков вырвалась бронзово-рыжая молния.

— Рози? — выдохнула я.

Рози на полной скорости врезалась в драконью голову, заставляя его тем самым потерять равновесие и повалиться на бок. Он захлопал кожистыми крыльями в попытках устоять вертикально, но Рози немедля ударила его острым клювом в грудь. К тому времени как несколько изумрудных чешуек с грохотом упали на землю перед драконом, Рози уже кружилась в сотне футах над землей, готовясь нанести очередной удар. Птица была в сотни раз меньше и слабее дракона, и всё же она закричала и вновь нанесла удар, словно зяблик защищающий своё гнездо от ястреба. С груди дракона слетело еще несколько чешуек.

До дракона наконец дошло, что происходит, и он смог уклониться от очередного нападения. Он сделал выпад, чтобы поймать птицу, когда та подлетела ближе, но оказался слишком нерасторопным, поэтому та сумела облететь его и в очередной раз взвизгнув, ударить зверя в затылок. Рози вела себя будто наживка, она дразнила его снова и снова, уворачиваясь от страшных драконьих челюстей, постепенно уводя его от зверолова.

Рядом со мной раздался голос, который сначала мне показался просто эхом. Джекаби потрянул меня за плечо.

— Сейчас! — говорил он. — Скорее, мисс Рук! — Он вылез из траншеи и не сводя глаз со сражающихся чудовищ, побежал к неподвижному Хадсону, стараясь держаться как можно ниже к земле. Я бросилась вслед за ним.

— Он?.. — начала я.

— Он жив, — подтвердил Джекаби. — Но едва-едва. Всё указывает на то, что он должен был уже умереть, но он ужасно упрямый. Помогите мне поднять его.

Джекаби стащил со зверолова его тяжелый патронташ и пояс со страшными крюками, и мы перевернули раненного на спину. Джекаби взялся за ноги мужчины, я за руки и нам удалось дотащить его до траншеи.

— Спускайтесь, — проинструктировал меня детектив. Я слезла вниз и тщетно пыталась получше взяться за громоздкие плечи зверолова.

— Что теперь? — крикнула я.

— Ловите! — Джекаби скинул на меня тело, и я неожиданно оказалась погребённой под огромной грудой под названием Хэнк Хадсон. Потом я напряглась и постаралась как можно аккуратнее, дабы ещё больше не навредить раненному, вылезти из-под него. Стоило мне только освободиться, как я обнаружила рядом брошенный в грязи топорик. Я подобрала его и выглянула из траншеи.

— Джекаби? Что вы делаете?

— Мы получили наш шанс дорогой ценой, — сказал он. — Возможно, он крохотный, но я воспользуюсь им, пока не стало слишком поздно. — Он направился к тому, что осталось от нашего костерка и где лежало оружие Хадсона. — Будем надеяться, что я стал метче стрелять с того момента, когда держал в руках гарпун последний раз. Ох, и отличная была тогда вечеринка.

— А у вас есть запасной план на случай промаха? — взволнованно прошептала я.

— А вы можете быть внимательнее? — крикнул мне в ответ Джекаби. — Это и есть наш запасной план... или вернее запасной план нашего запасного плана. Этот гарпун наш лучший шанс. Если я не убью дракона, то надеюсь хотя бы вызову у него сильное несварение.

Я сглотнула и вновь посмотрела на драку между необычными созданиями. Потрёпанный дракон уже был доведен до бешенства несколькими очень удачными попаданиями по его телу клюва, который сломал уже ни одну чешую. Кроме того, Роза порвала в нескольких местах и кожистые крылья колосса. Она по-прежнему кружила и нападала, но двигалась уже не так проворно, как в начале их схватки.

Когда она в очередной раз нырнула вниз, чтобы нанести удар ему по голове, дракон неожиданно рванулся вперед. Роза поднырнула ниже, уклоняясь от зубов страшилища, но радиус движения птицы оказался недостаточно большим, поэтому дракону удалось ударить по ней зазубренным хвостом. Она закружилась в воздухе и рухнула в пыль.

Дракон громоподобно взревел, но радость его победы прервал выстрел. Я не слышала звука из-за рева зверя, но увидела, будто в замедленной съемке, как гарпун поплыл по воздуху. А потом он угодил ему прямо в грудь. Подлети гарпун чуть выше и, возможно, он попал в то место, где Роза выбила чешую, но вместо этого он отскочил и с глухим стуком упал в грязь.

Дракон от удивления умолк и обратил всё внимание своих жёлтых глаз на моего работодателя. Джекаби отбросил уже бесполезный гарпун в сторону и выхватил из-за пояса мачете. Его силуэт на фоне костра очень напоминал храброго рыцаря из книг. Моё странное воображение уже обратило его изорванное пальто в развевающийся плащ, а ржавый нож в меч... правда, оно напрочь отказывалось превращать его вязаную шляпу в сияющий рыцарский шлем. В конце концов, всему есть свои пределы.

Джекаби встал напротив надвигающегося на него дракона.

— Ну, Грошик, не пора ли нам покончить уже с этим?

Дракон облизнулся. Он потянулся и пошёл вперед. Зверь был пятьдесят футов длиной и больше четырех этажей в высоту, с зубами и когтями острыми как сабли, которые могли запросто переломить бревно, словно зубочистку. Но Джекаби не дрогнул, когда дракон приблизился к нему.

Он был в пятидесяти футах, потом в тридцати, потом в десяти, его конечности двигались ритмично, словно огромные поршни. Драконьи крылья по обе стороны от него прорывали глубокие борозды в земле. Но Джекаби был непоколебим. Он сосредоточенно смотрел на проплешины в чешуйчатой броне чудовища, оставленные Розы. Возможно, он пытался определить, как говорится, куда лучше бросить гальку, чтобы притормозить мчавшийся на всех парах поезд. Золотые глаза дракона полыхали яростью и голодом, и даже с такого расстояния я слышала, как урчит у него в животе в ожидании следующего приёма пищи.

И тут у меня возникла идея. Я сделала глубокий вдох, мысленно выстраивая свои действия, сжимая в руках топорик и выпрыгивая из траншеи. А в это время дракон запрокинул голову, готовясь к прыжку, чешуйки на его шее сверкали сине-зелёными переливами в отблесках огня.

Я бросилась вперед, собираясь совершить бешеный рывок по пересеченной местности. Я заметила, как впереди от нашего костра откатилось черное полено, охваченное огнем. Не сбавляя темпа, я наклонилась и ударила по нему топориком, чтобы нанизать полено на острие, и прыгнула к своему работодателю, одновременно как следует размахнулась и закинула топорик с поленом в пасть дракона, сбив Джекаби с ног, чтобы уберечь нас от щёлкающей пасти.

Почти сразу после нашего падения Джекаби поднялся на ноги и потянул меня за собой, а потом толкнул в ту сторону, откуда я прибежала. Я, спотыкаясь, изо всех сил поспешила до траншеи. Добежав, я прыгнула в ров, и развернулась. Джекаби бежал следом. А дракон как будто и не заметил, что только что произошло... но потом полено проскользнуло глубже в его глотку. Морда существа исказилась в гримасе непонимания. Дракон вытянул изумрудную шею и уставился на свой вздутый живот. Джекаби прыгнул... и грянул взрыв.

Странно, но когда я всякий раз вспоминаю о том мгновении, то понимаю, что не слышала оглушительного взрыва, когда дракона разорвало, скорее это было внезапное оглушительное отсутствие звука. Взрыв сбил меня с ног, а Джекаби заставил пролететь у меня над головой, а затем приземлиться у противоположной стены траншеи. Он едва не пролетел мимо, но всё-таки сумел рухнуть рядом с Хэнком Хадсоном. Спустя несколько секунд после взрыва, которые прошли в оглушительной тишине, мы почувствовали характерный жар.

Никогда до того, ни после, я не видела столько огня, как от этого дракона. Когда я была маленькой, то забиралась в постель и наблюдала, как горничная застилала её. Она брала простынь за оба конца и высоко подбрасывала её в воздух, а та потом медленно опускалась на меня. Так вот огонь висел в воздухе как та самая простыня, слегка колеблясь, вздымаясь и постепенно оседая на ландшафт, словно пуховое одеяло. Он постоянно прибывал в движении. Это завораживало. Невозможно было оторвать глаз от того, как он переливался рубиновыми и оранжевыми оттенками. Потом замелькали мерцающие белые огоньки, которые постепенно превратились в водовороты жидкого золота.

Я лежала в пыли и осоловело разглядывала, как распространяется огонь. Но потом, то ли от жара, то ли от слепящего света, мои глаза сами собой зажмурились. Я инстинктивно

прижала ладони к лицу, ожидая струю пламени. Жар всё усиливался. Казалось, уже минула вечность, но потом он утих и ощущение жжения на коже отступило. Я открыла глаза.

Какое-то мгновение я не понимала, на что смотрю. Надо мной нависла женщина с золотой кожей. Её длинные каштановые волосы струились свободно, будучи чуть растрепанными у висков. Её лицо было перепачкано грязью, и вдоль одной щеки протянулась тёмная рана. Это видение отображалось в десятке зеркал, осколках некогда целого. Я моргнула, понимая, что на меня смотрит моё лицо, и сфокусировала зрение. Оказалось, что надо мной простиралось золотое, сверкающее в свете пламени, крыло Розы.

По обе стороны от нас траншея была охвачена огнём, но тот уже начал угасать. Каким бы ни было сверхъестественным горючее соединение, послужившее топливом для взрыва, оно оказалось невечным, да и языкам пламени было нечем поживиться, когда кругом одна пыль да грязь. Огонь, наконец, потух, и Розы склонилась над телом Хэнка Хадсона. Её порядком засыпало землей, но с губ зверолова срывался слабый хрип.

Удовлетворенная тем, что она увидела, птица выпрямилась и стряхнула с себя остатки тлеющих углей. Пошатываясь, она отступила в сторону. (Видно она поранила ноги в бою.) А потом она расправила крылья и изящно взмыла в тёмное небо. Я видела ещё не настолько хорошо, чтобы определить то ли солнце уже село, то ли звезды пока не появились. Кроме того, над раскопками клубилась завеса дыма, поэтому через несколько мгновений я потеряла Розы из виду в этой толще черноты.

Следующим пришел в себя Джекаби.

— Это, — сказал он, садясь, — было весьма эффективно. Вы в порядке, мисс Рук?

Я кивнула.

— Кажется да, сэр. — Я высвободила ногу из земли и быстро отряхнула подол платья, когда уголёк оказался угрожающе близко к моим ногам.

— Вы предвидели такой взрывчатый потенциал этого маневра? — спросил он.

— Может, не в таком масштабе, — призналась я, отряхивая пыль и копоть, осевшие на мою блузку. — Вы сказали, что он был драконом по сути, но без присущих ему инстинктов... что означает, он не знал про кремь. Я поняла, что природное топливо внутри него похоже на порошок для вспышки — взрывчатое вещество, которому нужна только искра.

— Ну да. Гениально. Он же так ни разу и не проглотил ни одного кремневого камня. — Джекаби кивнул. — И, видимо, он так и не научился выбрасывать накопленную жидкость, выработанную организмом. А вы находчивы, мисс Рук. — Он поднялся и запустил руку в свою тёмную спутанную шевелюру, оглядываясь по сторонам. — Проклятье, — выругался он. — Нет, я хотел сказать, я рад, что мы живы, и всё такое, но, если говорить начистоту, жалко, что так вышло. Всё-таки единственная штука в своем роде.

Я сглотнула и тоже поднялась на ноги.

— При всём уважении, сэр, но я нисколько не переживаю из-за того, что все драконы вымерли.

— Да я не эту бестию имею в виду. Это конечно безобразие, но полагаю, такова природа зверя. Хамелеоморфы — редкость, но они вряд ли единственные в своем роде. Моя шляпа — она была кропотливо связана лесной нимфой по имени Агата из шерсти единственного оставшихся в живых Йети в швейцарских Альпах, выкрашенная краской, которую смешивала сама Баба Яга, специально для меня.

— Вы переживаете из-за вашей шляпы?

— Это был подарок на день рождения. Она дорога мне.

Я вылезла из траншеи, чтобы осмотреть ущерб. Сначала я не была уверена, что вылезла на нужной стороне, почерневшей от копоти и сажи, но, когда на меня нахлынула реальность простирающегося ландшафта, я побледнела. В результате взрыва прекрасный пейзаж был стёрт с лица земли. Ничего не осталось от огромного дракона, кроме ямы и пепла, падающего будто снежинки на землю. Мои глаза жгло от слёз, пока я осматривала холмы. Я не могла найти никаких следов неукротимой Нелли Фуллер.

Даже окаменелости, на которые она упала, и те были уничтожены. На холме валялось всего несколько костяных осколков. От самого впечатляющего научного открытия в современной истории остались только обугленные останки, размером не больше моего мизинца. Даже Хорнер с Лэмбом не удосужатся спорить из-за этих объедков.

Вся вершина холма почернела, повсюду виднелись островки танцующего пламени, разрушения вышли далеко за пределы места раскопок. Кольцо из обугленной земли составляло в радиусе полмили, знаменуя этим размеры взрыва. Деревья и трава были охвачены пламенем по всему его периметру. Поле тоже горело. Уже поврежденный сарай был полностью разрушен, пострадал и дом Брисби от взрыва. Широкая ближайшая к нам стена осела и то, что ещё пока уцелело на данный момент, охотно поглощалось огнём. Фермы больше не было. Окаменелости пропали. Нелли Фуллер погибла. Я села на край траншеи и затаив дыхание уставилась на оседающий пепел.

Джекаби бесшумно подошел ко мне и сел рядом.

— В погребальном огне есть некое торжественное достоинство, — сказал он тихо. — Это почётная традиция во многих культурах.

Я стёрла со щеки слезу ладонью, испачканную копотью, и кивнула. Нелли, разумеется, в любом случае предпочла бы эффектно покинуть этот мир, сгорев в пламени, лишь бы не остаться в памяти безжизненной тряпичной куклой. У меня сдавило горло.

Джекаби наклонился и достал из пепла бледную щепку. Наверное, эта щепка, размер которой не превышал длину сосновой иголки, это всё, что осталось от кости дракона. Джекаби убрал её, спрятав в недрах своего пальто.

— Должен признаться, — сказал он. — Я не очень-то доверяю палеонтологии, но это ваше увлечение, как оказалось имело монументальное значение... и ваше выступление на этом поприще восхищает.

— Это... очень великодушно с вашей стороны, мистер Джекаби, но мы сидим на пепелище катастрофы, которую не смогли предотвратить. Так что моё увлечение обернулось полномасштабным провалом.

Джекаби помотал головой.

— Мисс Рук, величайшие исторические деятели не те, кто избегают неудач, но те, кто преодолевают их с высоко поднятой головой, одну за другой, пока не приходят к редкой победе. — Он опустил руку мне на плечо. — Неудача — это не противоположность успеха — это его часть. И, по-моему, данная неудача, — он улыбнулся одним уголком губ, — обернулась очень захватывающим действием, не находите?

В глазах моего работодателя весело плясали огоньки пламени. И спустя буквально несколько мгновений, как он закончил говорить, в пепел рухнула крыша фермы. Я вздохнула, и, несмотря на своё состояние, всё-таки сумела выдавить слабую улыбку.

— Я с вами согласна, сэр.

Глава Тридцать третья

Было не очень трудно найти доски, чтобы соорудить настил на скорую руку, на котором можно было нести Хэнка Хадсона. А вот найти доски, не пострадавшие от огня, было уже сложнее, но вполне возможно, и после тщательного осмотра местности, мы успешно справились с поставленной задачей. А потом мы вдвоем перетащили большое ничего не осознающее тело к дилижансу у подножья холма. Толстые сосны, рядом с которыми мы оставили повозку, сослужили нам отличную службу, сумев уберечь отважных животных от огненного удара. Тяжелая мешковина, покрывавшая дилижанс, оказалась выжженной до самого деревянного остова, но животные чудом уцелели. Когда мы подошли к ним в полутьме, кони били копытами, но вели себя относительно спокойно. Как только мы водрузили Хадсона на повозку, на дороге появился Чарли. Он бежал к нам. Но это был не тот Чарли, которого я ожидала увидеть.

Отбросив благоразумие, он мчался на всех четырех ногах в обличье собаки. Его ничего не сдерживало, под мехом в такт движениям пульсировала грубая животная сила. Завидев нас, он замедлился и, дотрусив до дилижанса, остановился тяжело дыша. Он посмотрел своими глубокими карими глазами сначала на Джекаби, а потом на меня. С одной стороны, эти глаза всё ещё принадлежали Чарли, хотя при этом они совершенно преобразились.

— Если вы собираетесь сделать что-нибудь полезное, — сказал Джекаби, — то мы бы не отказались от пары рук.

Голова Чарли резко опустилась вниз, чтобы осмотреть своё лохматое тело. А потом он смущенно посмотрел на меня и на детектива.

— О, ну разумеется, — сказал Джекаби. Он стянул с себя пальто и положил его на спину псу. Чарли забежал за повозку и спустя мгновение вышел уже в человеческом обличье, попутно застёгивая пуговицы. Пальто оказалось ему длинным, но благодаря широким плечам Чарли, не болталось, как на Джекаби.

— Спасибо, детектив. Я прошу прощения. Обычно я готовлюсь тщательнее. Но я увидел огонь и не посмел мешкать... — Он посмотрел на меня и запинаясь продолжил: — Я... как я рад, что нашёл вас в целостности и сохранности.

— Боюсь, не всем нам так повезло, — сказал Джекаби, указывая на Хадсона.

— О нет. Он полуживой. — Чарли побледнел, когда увидел запястье зверолова, обмотанное пропитанными кровью бинтами.

— Так и есть. — Джекаби кивнул. — И если мы не окажем ему в ближайшее время должного внимания, то он будет совсем неживой.

Они в четыре руки занесли настил со звероловом в его дилижанс, в то время как я в спешке расчищала днище от инструментов. Мы потеплее укрыли Хадсона и Джекаби взобрался на козлы, взяв на себя роль возничего. Я согласилась остаться в дилижансе, чтобы позаботиться о зверолове, но из меня такая же квалифицированная сиделка, как и рыцарь.

Чарли предпочёл бежать впереди, чтобы заглянуть в свою хижину и одеться, пока мы на дилижансе добирались до грунтовой дороги. Буквально несколько минут спустя он встретил нас на перекрестке, одетый по форме. Он залез ко мне в повозку и устроился по другую сторону от Хадсона. Я в деталях рассказала ему ту часть истории, которую он пропустил, включая последние мгновения жизни Нелли Фуллер, и он мрачно кивнул.

— Я должен был помочь, — сказал он, когда я закончила.

— И я благодарна тому, что вас здесь не было. Если вы помните, то последнее чудовище, с которым вы столкнулись лицом к лицу, чуть не убило вас. Может быть, вы всё помните не так отчетливо, как я, но вы тогда едва пережили ночь. Мне больше нравится,

когда вы появляетесь под самый конец моих катастроф.

Повозка сильно закачалась, когда мы проехали между двумя утёсами, покинув долину, а тёплая шкура начала соскальзывать со зверолова. Мы с Чарли одновременно вцепились в неё и на мгновение наши пальцы соприкоснулись в полумраке повозки. Он смущенно улыбнулся и отдернул руку, а потом сосредоточил всё своё внимание на зверолове, но я заметила, как вспыхнули румянцем его щёки.

Мы почти не разговаривали по дороге в Гадстон. А стоило нам добраться до города, как он тут же выскочил из повозки, чтобы стать частью персонала местной больницы, спешившего помочь несчастному. Невесть что, простое строение, в котором помимо больницы еще ютилась парикмахерская, и всё же лучше грязной траншеи и сделанного наспех настила. Кто-то вызвал городского врача, и тут же по всей улице начали зажигаться лампы любопытных соседей, разбуженных переполохом. Как только зверолов был передан в умелые, надежные руки, Чарли тут же попрощался и умчался, чтобы собрать и скоординировать команду на борьбу с пожаром, пока тот не уничтожил всю долину.

Когда шум поутих, я обнаружила, что стою рядом с моим работодателем на тротуаре.

— Ну, — сказал он, — у него сильное сердцебиение. Это хороший знак.

— Значит вы думаете, что с мистером Хадсоном будет всё хорошо? — спросила я.

— О, он выживет. Его аура уже становится сильнее. Знаете, мне кажется, добротный крюк, торчащий из руки, будет ему как раз что надо. Он станет похож на Тюра [19], древнескандинавского бога, который потерял руку из-за огромного волка... мне даже кажется, что Хадсон будет счастлив такому повороту. Он выдающийся человек... но я говорил не о его сердцебиение.

— Разве?

— Я говорил о Баркере. Вы как-то упомянули, что не очень хороши в делах, связанных с романтикой. Я предположил, что речь шла о нём. Ваше собственное сердцебиение ускоряется, стоит вам оказаться рядом с ним. Да, думаю, исходя из покраснения вашего лица, я понял всё верно. Славно, я не всегда такой зоркий, когда дело доходит до вопросов привязанности.

— Мистер Джекаби, я думаю, вряд ли...

— У меня нет намерения обсуждать ваши амурные пристрастия в дальнейшем... поверьте мне это так же приятно, как и вам. Просто хочу напомнить, что я говорил о неудачах. Выше голову. Смело шагайте вперед. Единственные дороги, которыми вы не можете пройти это те, которые вы преградили себе сами... поэтому не позволяйте своему страху останавливать вас как минимум от попыток. У мальчика доброе сердце, и оно бьется так же часто, как и ваше.

— Мистер Джекаби, мне не померещилось, вы пытаетесь быть милым?

— Я всегда такой. Мог бы даже добавить, что частота сердечных сокращений у собак почти вдвое выше, чем в среднем у человека. Как бы то ни было, — он уверенно похлопал меня по плечу, — встряхнитесь. Из вас удручающая компания, когда вы грустите.

Глава Тридцать четвертая

Жители Гадстона проделали поистине заслуживающую всяческих похвал работу по подавлению пожара. Непослушное пламя уже начало распространяться дальше, но сельские жители немедленно сформировали бригаду. Они бросились в долину с бочками воды и телегами, груженными граблями, вилами и брезентом. Не знаю, как им дался этот подвиг, но они сумели каким-то образом продержаться ночь, а к утру пламя оказалось погашено. Небо

было тёмным из-за тяжелых серых туч, которые грозились вот-вот разверзнуться и погасить оставшиеся угольки.

Выйдя из гостиничного номера, я испытывала некое волнение. Я толком не спала, на мне было по-прежнему надето изорванное платье, от которого пахло дымом и землей... но поводов для волнения не было. Маленький ресторан по соседству был полон усталыми, счастливыми мужчинами, похлопывающими друг друга по спинам чёрными от сажи руками. Весь город, казалось, говорил о пожаре. Но из обрывков разговоров я поняла, что практически все придерживаются мнения, что в металлический тент Брисби скорее всего ударила молния. Я не могла заставить себя внести ясность. Я была свидетелем того, что действительно произошло, но «молния» казалась самым правдоподобным объяснением.

Когда я вышла на улицу, Джекаби уже был там. Он вручил мне билет.

— Мы уезжаем сегодняшним утренним поездом в Нью Фидлхэм, — сказал он. — В семь часов.

— Так скоро? — Я посмотрела на большие часы над ратушей. Они показывали уже четверть седьмого. — А разве мы не можем подождать хотя бы до полудня? И все мои вещи остались в хижине у Чарли.

— Со стороны мистера Баркера было очень любезно предусмотреть это. Он принёс мой ранец и ваш чемодан в гостиницу сегодня утром.

— Подождите, этим утром? Именно этим утром? Когда ж вы проснулись?

— Никогда не сплю больше пары часов. С тех пор, как я унаследовал свой дар. Одна из неприятностей, сопровождающих провидение, потому что ты видишь даже с закрытыми глазами.

— Значит, вы видите... я имею в виду вы видите своим провидением... даже, когда спите?

— Я не могу не видеть.

— А сны вам снятся?

— Очень живые, — ответил Джекаби, — отчего довольно сложно отличить реальность, которую я непосредственно воспринимаю, от вымысла моего воображения. У меня ушло много лет в молодости, чтобы привыкнуть к пугающим ощущениям. Кошмары были просто.. — он остановился, его серые глаза были такого же цвета, что и грозовые тучи над нами. Казалось, он заплутал в своих воспоминаниях.

— Да?

— Кошмарными. Нам нужно идти. Я возьму наши сумки, и мы можем отправляться.

Несколько минут спустя мы шли уже по тихой главной улице Гадстона. Маленькая больница, где мы оставили Хэнка, находилась как раз по пути на вокзал, и мы решили зайти с Джекаби к зверолову, чтобы выказать дань уважения. Внушительный мужчина выглядел бледным и усталым, но при нашем появлении он поднял голову.

— Привет-привет, барышня, — сумел себя заставить произнести хриплым шёпотом зверолов. — Привет и тебе, Джекаби. Твой юный друг полицейский рассказал мне, что произошло после того, как я вырубился.

— И вы уже разговаривали с Чарли? Рассвет только-только наступил! В Америке вообще кто-нибудь спит?

— Ха! — Охотник рассмеялся, а затем закашлялся, тяжело дыша, на какое-то мгновение прикрыв глаза. — Я обязан вам, ребятки, не знаю смогу ли я когда-нибудь расплатиться..

— Именно так. Это был глупо, — прервал его Джекаби.

Хэнк понимающе кивнул.

— И безрассудно.

Он вновь кивнул.

— И ещё так удивительно. Вы заметили орнамент его чешуи?

— Слоёная как у удава и крепкая как гвозди. — Глаза Хэнка сияли. — И сам он был хорош, конечно.

Джекаби улыбнулся и потянулся к своему пальто, но вдруг замер.

— Подобного никогда не повторится, да?

— Тебе не нужно напоминать мне дважды. Я бы и сам завязал себе ленту вокруг пальца, как напоминание, но... — зверолов поднял запястье, перевязанное свежими бинтами. — Мне кажется, я усвоил урок, который вряд ли забуду.

Джекаби кивнул. Он вынул из кармана сине-зелёную чешуйку и протянул её Хадсону.

— Это конечно была ужасная ошибка, но как вы и сказали, она была очень хороша.

Хадсон взял чешуйку здоровой рукой и повертел её между пальцами, слабо улыбаясь. Он положил её себе на ладонь и обратился ко мне:

— А что ты, барышня? — спросил он. — Я не стану тебя винить, если ты возненавидела меня. Что сделано, то сделано.

Перед моим мысленным взором всплыло лицо Нелли Фуллер, и я с трудом сглотнула. Хадсона, похоже, тоже мучило чувство вины. Он был так рьян в своем стремлении защитить ей жизнь, что его чуть не постигла та же участь.

— Я в ярости, — призналась я тихо, — но у меня нет никакого желания прямо сейчас разбирать случившиеся по косточкам. Просто попробуйте отдохнуть.

— Спасибо, солнышко.

— Я попрошу Чарли приглядеть за вами, пока вы восстанавливаетесь, — сказал Джекаби. — Он хороший малый.

Хадсон кивнул.

— Поначалу я не был в нем уверен, но он заслужил моё доверие. Как бы мне хотелось сказать, что я сделал то же самое. Уйдёт какой-то время, чтобы появилась хорошая причина доверять мне. — Видимо, выражение моего лица сказало куда больше, чем я осознавала, потому что он посмотрел мне в лицо и хохотнул. — Тебе не надо переживать из-за меня. Я не собираюсь причинять вред этому парню, только потому, что он перевертыш. Чёрт возьми... да я знаю несколько псов, которых люблю больше, чем людей.

Я вздрогнула.

— Вы знаете?

— Барышня, вы должны мне больше доверять. Отпечатки менялись шаг за шагом, от пёсчих до человеческих... и для человека, свободного от предубеждений, при этом проживающего в лесу, совсем не сложно сложить два и два. Однако я уважаю права человека на секреты... и я не хочу причинять неудобств этому бедолаге, так что буду держать рот на замке. Я, конечно, не возражал бы, если бы он решил мне открыться. Я бы с удовольствием поохотился с ним как-нибудь. Ха! На свете не так уж много ищеек, с которыми можно выпить после удачной охоты.

Мы простились со звероловом, и я оставила больницу, по крайней мере, сбросив этот груз с плеч.

— Я рада тому, что он, похоже, идёт на поправку, — сказала я. — Я не была уверена, что он вообще...

— Хадсон не перестает удивлять меня, — сказал Джекаби.

— Вы так и не рассказали мне, как вы подружились с таким, как Хадсон?

— Я располагающий к себе человек, — сообщил Джекаби. — Со мной дружат многие люди.

— Расскажите, прошу, где вы познакомились?

— На охоте, где ещё? — сказал он. Мы сделали ещё несколько шагов по пыльной дороге, пока он размышлял. — По правде сказать, возможно, это один из моих грандиозных провалов. Одно дело привело меня в горы Аппалачи, когда я преследовал паранормальных охотников. У Дикой охоты давние традиции по всей Скандинавии и Англии, вплоть до Германии и Франции. Европейские поселенцы привезли сюда эту охоту, а поиски привели меня в заснеженные горы. Вместо того, чтобы напрасно пытаться преследовать охотников, я предусмотрительно затесался среди их добычи. Как я и предсказывал, охота пришла ко мне. А я оказался не очень подготовлен к тому, что та повлекла за собой.

— Значит, Хадсон был частью Дикой охоты? — спросила я.

— Нет. Как и я, он выслеживал жертву самостоятельно. Это было прекрасное животное. Белый олень. Я никогда не видел ничего подобного. Я был очарован зверем. Он был мощным и грациозным, и бегал быстрее, чем любое живое существо на свете. К тому времени, когда первые стрелы были выпущены, его и след простыл. А вот я оказался не столь быстрым. Если бы не зверолов, я бы не пережил стычки. Сначала я подумал, что это был большой медведь... он прятался под тяжелой шкурой, когда вырос передо мной. Он встал, словно баррикада, оградив меня от натиска. Когда все закончилось, он, обессилив, рухнул без сознания. Лежа на земле он напоминал самого большого в мире дикобраза, стрелы торчали из рук и боков. Он очнулся, когда я лечил его, и как вы думаете, что он сказал?

— Больно? — предположила я.

— Он сказал: «Они же не убили того красавца, да?» Он не хотел, чтобы тот прекрасный олень погиб. Конечно, они не убили его. Весь смысл существования белого оленя — просто жить. Его нельзя ловить. Это дух охоты, азарт погони. Я думаю, в глубине души именно это Хадсон уважает больше всего.

— Вот почему вы так просто его отпустили, да? — спросила я.

Джекаби бросил взгляд на меня себе через плечо.

— Мне кажется, будет лучше, если в докладе Марлоу мы упустим несколько щекотливых деталей, — сказал он. — Хадсон какое-то время, может, и владел инициативой, но не он начал пожар. Он хороший человек, и, мне кажется, он уже достаточно наказан.

Локомотив уже во всю пускал пар, когда мы с Джекаби подошли к вокзалу. Носильщик сопровождал нас к нашему вагону, и я отдала свой чемодан Джекаби. Я была уже одной ногой в вагоне, когда заметила знакомое лицо, маячившее в дверях выхода на остановку. На платформу ступил Чарли Баркер, по пятам за ним послушно трусил черно-белый пастуший пес.

Мое сердце затрепетало, и я старалась не слишком широко улыбаться, когда заспешила по покрытой росой дорожке ему навстречу.

— Разве вы не должны отдыхать, офицер?

— У меня было несколько дел, — ответил Чарли. Он выглядел уставшим и был перепачкан в саже, но в то же время, казалось, будто он сбросил с плеч тяжкий груз.

— Я вижу. — Я протянула руку и потрепала Тоби между ушами, он склонился и нежно уткнулся носом мне в ногу.

— Ему срочно нужен был дом, — сказал Чарли. — Хороший пес. Он оставался у могил Пендлетонов на Святой Исидоре. Я нашёл его возле дверей похоронного бюро этим утром. Через несколько дней состоится служба. — Он говорил негромко, будто Тоби понимал о чём шла речь.

— И по Нелли Фуллер? — спросила я.

— Я отправил весточку её семье в Нью Фидлхэм. Домой нечего было отправлять, всё было поглощено огнём. — Он повесил голову. Это не умоляет её доблести, но официальная причина смерти — удар молнии.

Я вздохнула. Марлоу ясно дал понять, что ради общественного спокойствия, дело должно оставаться в тайне и не вызывать паники докладами о взбесившихся чудовищах. Взрыв дома с пятидесятифутовым мифическим животным был бы противоположностью сохранения тайны. И я вынуждена была согласиться с Чарли, что ни к чему раскачивать лодку.

— Кстати, мистер Хорнер и мистер Лэмб прислали свои соболезнования, — сказал он.

— Вы и им нанесли визит? Остался ещё кто-нибудь из встреченных мною сегодня утром людей с кем вы еще не говорили?

— Это была напряжённая ночь, — сказал он. — Я хотел разобраться со всем перед сном. Вы будете рады узнать, что эти двое поладили. Во всяком случае они оставили активные поиски камней, которыми можно было бы кидаться друг в друга.

— Думается, что помогло отсутствие костей. Теперь им не из-за чего препираться.

Чарли кивнул.

— Это упростило дело. Мистер Хорнер уезжает в Южную Дакоту сегодня днем. Он уже нашел куда себя пристроить, на очередные раскопки. Мистер Брисби тоже извлекает для себя максимальную пользу из ситуации. Кажется. Может, оно и к лучшему.

— Что значит к лучшему?

— Фермер устраивает свои дела в городе, но он будет сопровождать мистера Хорнера на следующих работах. Я не ожидал, что Брисби так спокойно воспримет последние новости, но, похоже, он был более чем готов покинуть долину и заняться собственными исследованиями. Он сказал, что его покойная жена хотела бы этого, и я склонен согласиться. Он дал разрешение мистеру Лэмбу забрать всё, что осталось на раскопках в долине и отвезти к нему в университет.

— У вас уже расписана вся танцевальная карта, да? Наверное, мне стоит гордиться, что и я попала в этот список.

— Я не мог позволить вам уехать не поправившись. — Он несколько долгих минут смотрел мне в глаза, и его взгляд, словно тёплым одеялом, окутал меня. Он вновь разомкнул губы, будто собираясь что-то сказать, но потом замер и стыдливо отвел взгляд. Он откашлялся и расправил свой мундир. — И, разумеется, сказать спасибо, за вашу помощь, — сказал он, — от имени всего полицейского департамента Гадавой Долины.

Закапал редкий дождик. Узкий козырёк маленького вокзала не очень хорошо справлялся со своим предназначением, поэтому несколько капель уже упали мне за воротник и на мундир Чарли, оставив на нем темно-синие веснушки.

— Конечно, — сказала я, используя каждую унцию усилий, чтобы скрыть разочарование. — Нам в радость быть полезными, мистер Баркер.

Он вроде бы вновь собрался что-то сказать, но тут раздался крик кондуктора:

— По вагонам! — и пронзительно засвистел свисток.

— Наверное мне лучше... — Я махнула рукой в сторону поезда.

Чарли кивнул.

— До свидания, мисс Рук.

— До свидания, мистер Баркер.

Я развернулась и шагнула в вагон. Вот оно, именно здесь в любой истории благородный юноша бежит за дамой. Он заключает её в романтические объятия и после этого волшебного мгновения всем становится ясно, что впереди их ждёт счастливое, я бы даже сказала, совершенное будущее. Моё платье было всё также в копоты и запекшейся крови, а я на полном серьёзе задумалась о романтике. Всего лишь на мгновение.

Я зашла в вагон. Романтика для нюнь и тупиц, напомнила я себе. Работа еще не окончена. Невинные жертвы пока не отомщены, их убийца по-прежнему на свободе. И я не из тех, кто только и делает, что ждёт своё «долго и счастливо». Я стояла в конце тесного коридора и чувствовала всё что угодно, только не удовлетворение от проделанной работы. Из купе в середине вагона высунулась голова Джекаби.

— Мисс Рук? Вы знаете, куда вам идти? Наши места здесь.

— Да, — сказала я, но затем остановилась и выпрямилась. — Да... я точно знаю, куда мне идти. — Я развернулась на каблуках и сделала глубокий вдох. — Я выбираю обе дороги. — И выскочила на платформу.

Чарли не двигался. Его мундир медленно, но верно темнел под каплями дождя. Он удивленно приподнял брови, увидев, как я сошла с поезда, а Тоби поднялся и завилал приветственно хвостом. Я держала голову высоко и не опустила её, когда вплотную подошла к Чарли и мы оказались тет-а-тет.

— Мисс Рук?

— Я собираюсь вас поцеловать, — сказала я, — это случится прямо сейчас.

Чарли сглотнул, его глаза расширились, а потом он быстро кивнул. Я уверено взялась за отворот его накрахмаленного воротника и подалась вперед, привстав на цыпочки. Его губы были теплыми, несмотря на холодный дождь, а пальцы нежными и слегка дрожащими, когда он поднес руку к моей щеке. А потом я отстранилась.

— Я должна доделать работу, — сказала я. — Это важно. Но я с нетерпением буду ждать от вас весточки. О... и я надеюсь, что в следующий раз, — сказала я, когда он моргнул затуманенными от счастья глазами, — вы обратитесь в письме ко мне по имени. Эбигейл.

Снова раздался свист, и я поспешила занять свое место в поезде. Когда я села на место, состав ожил, и мы двинулись вперед. Я подползла поближе к залитому дождем окну и помахала Чарли на прощание. Он стоял всё там же, на мокрой платформе, где я его и оставила. Он выглядел усталым и порядком вымокшим, но улыбался до ушей. Чарли тоже помахал мне и продолжал это делать, пока поезд не набрал скорость, и мы не потеряли друг друга из виду.

Не успели мы отъехать от Гадсона, как Джекаби углубился в чтение какой-то потрёпанной старой книги. Я счастливо откинулась на подушки, снова и снова мысленно прокручивая наш поцелуй. Это была бесспорная победа — мой первый настоящий успех за долгое время. Я почувствовала, как мои щеки зарделись и на губах появилась улыбка, как у сопливой школьницы, и я даже не собиралась утруждать себя симуляцией хладнокровия.

— Видели?.. — спросила я Джекаби.

Он опустил книгу ровно настолько, чтобы были видны его глаза и загадочно посмотрел на меня.

— Я вижу, что вам... — он негромко вздохнул, — кто-то вскружил голову.

— Он меня поцеловал.

— Вы его поцеловали... если быть точнее. Уверен, мисс Кавана будет вами очень горда, когда вы ей расскажите об этом. Пожалуйста, не стесняйтесь сдерживать свой энтузиазм до тех пор, пока вы можете разделить это с ней.

— Однако он поцеловал меня в ответ.

— О боже святой, любовная тоска может быть приемлемее?

Он вновь углубился в свою книгу, а я довольствовалась рассматриванием пейзажа сквозь окно, омываемое дождем.

Глава Тридцать пятая

Когда мы сошли с поезда, то первый, кого мы увидели, был комиссар Марлоу. Он стоял на платформе и ждал нас, скрестив руки на груди. Он и так всё время прибывал в состоянии жизнерадостного человека, которого били всю ночь мешком с мукой по лицу, но сегодня он даже превзошёл себя.

— Марлоу, — сказал Джекаби.

— Джекаби, — сказал Марлоу.

— Комиссар, как мило с вашей стороны, прийти нас встретить, — сказала я. — А как вы вообще узнали, что мы...

— У меня привычка быть хорошо информированным, — ответил он.

Джекаби кивнул.

— Тогда, я полагаю, вы уже хорошо проинформированы о самых последних событиях в долине? Значит это поможет нам избежать написания большого количества документов с нашей стороны, не правда ли? Мисс Рук, вы должны быть рады.

— Мне хотелось бы восполнить некоторые недостающие детали, — сказал Марлоу.

— О, будут вам детали, — ответил Джекаби. — Рук умеет великолепно обращаться с деталями... описывая их большим количеством прилагательных. На мой вкус даже слишком большим.

— Завтра мы предоставим вам полный отчет, — заверила я комиссара.

— Хорошо, — проворчал Марлоу. — Но пока я хотел бы услышать вашу краткую версию. Вы вообще что-нибудь узнали?

Я кивнула.

— Да, мы узнали, что кто-то за всем этим стоит. — Мне немедленно вспомнился бледный человек. Он украл зуб. Он навел Хадсона на мысль о создании собственного дракона. Ему известно о существовании хамелиоморфов. Я сглотнула. Он убил всех тех людей. — Я не знаю кто он, и какие цели преследует, но его нужно выследить. В отчёте я дам полное его описание.

— Обязательно, — сказал Марлоу, а потом обратился к детективу: — И для справки, благоразумие, как правило, не раздувает место преступления огненным шаром до размеров океанского лайнера.

— Разве? — поинтересовался Джекаби. — В английском языке столько тонкостей.

— В газетах причиной пожара назван «удар молнии», — сказала я. — Поэтому вам не нужно переживать, что горожане могут податься панике из-за новой угрозы появления очередного чудовища.

Марлоу выглядел неудовлетворенным, но кивнул, и мы расстались.

— Хотя, возможно, стоило бы, — пробормотал Джекаби себе под нос, когда мы покидали вокзал.

Джекаби решил вернуться домой окружным путем и провёл нас через новое почтовое отделение Нью Фидлхэма. Подойдя к почтовому ящику, он достал из кармана пальто тонкий пакет, завернутый в коричневую бумагу, на котором едва разборчивым почерком было нацарапано одно слово «Кроникл».

— Сэр?

— Мисс Фуллер просила сберечь это для неё, — объяснил он. — Я не верю, что её последнее желание было бы, чтобы они пылились на полках. А вы как думаете?

Я уставилась на него во все глаза.

— Марлоу этому не обрадуется.

— Это отличная возможность. — Он задумчиво кивнул. — По правде, я даже не знаю, пережили ли пластины пожар. Я думаю, нужно просто посмотреть, куда это нас приведёт? Как думаете? — И пакет в коричневой бумаге с металлическим клацаньем исчез в недрах ящика.

И вот наконец-то радостно замаячила красная дверь дома Джекаби, тем самым сообщая, что наше путешествие подошло к концу. Когда-то я не очень охотно ступила на порог Огр Лейн, но теперь я была рада вернуться домой. Бросив багаж в фойе, я поспешила пройти зигзагообразный коридор и замедлилась только у винтовой лестницы. Мне нужно было столько рассказать Дженни. Я надеялась, что она будет гордиться мной, но понимала — мне придётся загладить свою вину, ведь мы не очень хорошо расстались. Поэтому я на цыпочках подошла к её двери и тихо постучалась.

— Дженни? — позвала я. Когда никто не ответил, я повернула дверную ручку. Дверь легко поддавалась, и я чуть приоткрыла ее. — Дженни, это Эбигейл. Ты всё ещё сердись на меня? Я пойму, если да... я бы тоже, наверное, на твоём месте сердилась. Прости меня. Дженни.

Я вела себя осторожно, чтобы не дай бог, не переступить порог её комнаты без разрешения, но дверь распахнулась, и я заглянула внутрь. В комнате творился живописный бардак, но самой хозяйки нигде не было видно. На полу до сих пор валялись разбросанные осколки фарфора, а несколько из них врезались в штукатурку стен. Шкаф лежал на боку, разбитый, а матрас с кроватью - в противоположных частях комнаты. А от подушки вообще остались только перья на полу. Занавески на окнах тоже отсутствовали, и, несмотря на тёплое полуденное солнце, я видела, что стёкла были матовыми. Единственным нетронутым призрачным штормом предметом мебели оказалась прикроватная тумбочка. А вот веточки древогубца были подняты с пола и помещены на тумбочку, словно венец на вершине римского пьедестала. Я несколько секунд взирала на последствия разрушения, а потом закрыла дверь и спустилась вниз.

Джекаби был в своей лаборатории, когда я снова спустилась на первый этаж. Он хмурился и бормотал себе под нос, барабанил пальцами по жидкому стеклу, некогда янтарным вазам Дженни.

— Что у вас на уме, сэр?

— Катализатор.

— Что?

— Катализатор. Это вещество, которое ускоряет химическую реакцию. Он не несет ответственность за результат, только за скорость протекания.

— То есть как таинственный бледный человек, который подсовывает свои улики, чтобы мы не замечали ключевые моменты, и вообще плутали, как слепые котята, пока где-то рядом не вырастет дракон, способный оторвать нам головы?

— Вы становитесь не редкость проницательны, мисс Рук. Уверен, что это я на вас так хорошо влияю. Вопрос в том, зачем?

— Может быть, для того, чтобы уничтожить место преступления и все наши надежды, связанные с поиском каких-либо доказательств.

— Но он не мог предвидеть, как все обернется. Так почему же он изначально отдал кость Хадсону?

Я замерла.

— Потому что она не предназначалась Хадсону. Таким образом он подкинул её одному из нас.

Джекаби от удивления приподнял брови. Ему был любопытен ход моих рассуждений.

— Бедная миссис Пендлетон, ей давным-давно был известен ответ. Вы не станете бросать собаке кость, когда есть настоящее мясо — вы бросите ей кость только в том случае, если захотите её чем-то занять, отвлечь. Незнакомец точно знал о хамелеоморфах, потому что он знал о миссис Бомон, поэтому он точно знал, что держал в руках Хадсона, когда отдал ему кость. И ему было неважно, что случится потом, потому что, что бы это ни было — это будет плохо, и мы точно возьмемся за расследование. Убийства, украденные ископаемые, невероятные создания — можно ли придумать более совершенную кость, чтобы занять нас? И мы сразу же ухватились на неё.

Джекаби, нахмурившись, обдумал мои слова. Я ждала, что он сейчас скажет, будто это мои глупые домыслы и всё объяснит по-другому, но он мрачно кивнул.

— Кто-то пошел на многое, чтобы вызвать хаос.

— И какая конечная цель? — удивилась я вслух.

— И с чего все началось? — поправил меня Джекаби. — Если наш таинственный незнакомец сумел спроектировать подобное испытание драконом и откуда-то узнал про появление хамелеоморфов на улице Кэмбелл, что ещё нас ждёт? Опасные внештатные ситуации происходят с пугающей... регулярностью. Досадно наблюдать, как уголовщина превращается в паранормальный хаос. Сколько он уже этим занимается? Это он дёргал за ниточки Редкапа? Он организовал повышение этого затворника по карьерной лестнице? Ввёл этого хищника в государственное учреждение? Высадил толпу домовых на лужайке мэра? Способствовал принятию системы Дьюи в библиотеках по всему континенту? Меня тяготит незнание этого.

— Десятичная система Дьюи [20]?

— Она приобретает все большую популярность. Я не доверяю ей.

— Мы поймаем его, сэр. Я уверена в этом.

— Я полностью с вами согласен, мисс Рук. Теперь мы знаем, кого искать, а посему больше у него не получится затянуть нас в трясину [21]. Наш впечатляющий провал может оказаться тем самым необходимым катализатором, чтобы в конечном итоге одержать грандиозную победу. — Он удовлетворенно кивнул. — Теперь всё встаёт на свои места. О, я чувствую себя намного лучше, зная, что за всем этим стоит некая злая сила, которая работает непосредственно против нас, а вы?

Я вяло улыбнулась.

— О, этот яркий новый мир [22], сэр.

— Абсолютно с вами согласен. И раз уж об этом зашла речь, вы наверняка рады будете услышать, что Дуглас прекрасно позаботился о наших маленьких поддающихся трансформации вредителях. Они все в наличии и теперь считаются слегка волосатыми водомерками — а дом цел и невредим, и это прекрасно.

Я кивнула.

— Не заглядывайте пока в комнату мисс Кавана, — попросила я. — Хотя вроде бы там наметился прогресс, судя по подобранным с пола цветам, она всё-таки нашла место, куда вы спрятали ее перчатки.

Джекаби поднес руку к двери в кабинет и замер. А потом он нахмурился и полез к себе в ранец.

— Вы об этих говорите? — спросил он, вытаскивая несколько пар женских перчаток различной изношенности.

— О... так вы их с собой забирали? Серьёзно? По-моему, это немного подло, вам так не кажется? — А подумав о спальне и цветах, все же спросила: — Но тогда как?.. - Джекаби вошел в кабинет, и я за ним. В воздухе запахло электричеством.

Дженни сидела в кресле за столом Джекаби.

— Добро пожаловать домой, — сказала она и оценивающе оглядела нашу перепачканную сажей и запекшейся кровью одежду. — Опять готовили, Джекаби?

Мой работодатель не удостоил её ответом. Он взглянул на стол, и уголки его губ расплылись в недоумевающей улыбке.

— Мисс Рук, возможно, вы захотите взять свой блокнот из саквояжа.

— Сэр?

— Если я не ошибаюсь, у нас новое дело.

Наконец до меня дошло. Стопки книги и прочего мусора были убраны. На столе не осталось ничего, кроме тонкой папки в самом центре, на обложке которой было аккуратно напечатано имя: Дженни Кавано. Призрачная фигура протянула руку и уверенно толкнула папку через стол прямо к Джекаби, остановившему её движение, прижав к столешнице. Но несколькими газетным вырезкам всё же удалось выскользнуть из папки. Мне сразу же бросились в глаза слова, написанные жирным шрифтом: жертва, жестокое убийство. Кроме того, я заметила знакомое лицо на фотографиях — того самого бледного жуткого незнакомца, одетого во все чёрное, и мне стало не по себе.

— Пора. — Дженни кивнула. — Я готова узнать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сноски и примечания

[1] сапожник, чеботарь (в отличие от «cobbler», который чинит обувь или производит её из уже подержанной кожи, «cordwainer» шьёт обувь из новой кожи, изначально кордованской («cordwain»)).

[2] Педология — Почвоведение.

[3] Здесь непереводаемая игра слов: Джекаби говорит о фигуристах — skaters, в то время как Хадсон слышит слово skeeters, которое переводится, как мошка, комар.

[4] Коронер (официальное лицо, обязанное исследовать насильственные случаи смерти)

[5] Джанг Ши, Китайский вампир.

Такой рождается тогда, когда душа человека не в состоянии оставить тело из-за необычной смерти. Они продолжают гулять по свету, убивая живых людей и поглощая сущность жизни, чтобы компенсировать то, что с ними произошло. В противовес элегантным вампирам, привычных глазу европейца или американца, китайские упыри отличаются мертвенным цветом лица, длинными седыми космами и дурным запахом.

[6] Здесь игра слов: Bittersweet - переводится, как горько-сладкий и древогубец.

[7] человекоподобное существо-вампир из филиппинской мифологии.

[8] faux pas — бестактность.

[9] Пури́м (ивр. פּוּרִים, от аккадского пуру — «жребий») — еврейский праздник, установленный, согласно библейской Книге Есфири[1] (ивр. אֶסְתֵּר — Эстер) в память спасения евреев, проживавших на территории Персидской империи от истребления их Аманом-амаликитянином, любимцем персидского царя Артаксеркса(ивр. אֶשְׁוֵרֶשֶׁת — Ахашверош).

Праздник начинается «постом Эстер» (ивр. תַּעֲנִית אֶסְתֵּר — та-анит эстер, пост Есфири) в течение 13-го дня месяца адар в память поста, наложенного царицей на себя, на слуг и на всех евреев города Сузы.[3] Праздничными днями являются 14-е и 15-е адара, которые по постановлению Мардохея и Есфири были назначены как «дни пиршества и веселья».

Главная часть празднования — публичное чтение книги Эсфири (по свитку) во время вечерней и утренней молитвы в синагоге.

Во время чтения свитка при произнесении чтецом имени Амана присутствующие поднимают шум топаньем ног, свистом, специальными трещотками (Haman Klopfer) и т. п., выражая таким образом ненависть и презрение к памяти злодея. Прототипом подобной формы выражения презрения является введённый французскими и немецкими евреями в XII в. обычай ударять друг о друга двумя камнями, на которых начертано имя Амана, до тех пор, пока имя не стиралось (в соответствии с библейским предписанием «ты должен стереть память Амалека» (Втор. 25:19)). Обычай поручать детям шуметь трещоткой был издавна принят и в России. Раввины, однако, неоднократно протестовали против такого непристойного поведения в синагоге.

[10] Па́рки (лат. Parcae) — три богини судьбы в древнеримской мифологии. Соответствовали мойрам в древнегреческой мифологии:

Нона (лат. Nona) — тянет пряжу, прядя нить человеческой жизни (то же что мойра Клото),

Децима (лат. Decima) — наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу (то же что мойра Лахесис),

Морта (лат. Morta) — перерезает нить, заканчивая жизнь человека (то же что мойра Атропос).

Первоначально считалось, что своя Мойра есть у каждого человека. С развитием олимпийской религии число Мойр свелось к одной-двум-трём, наиболее распространённо — три сестры.

Слово «мойра» в переводе с греческого языка означает «доля», «часть», со значением «участь», которую получает каждый человек при рождении. В древнегреческой мифологии Мойры — это богини судьбы.

[11] Стимфали́йские пти́цы — в древнегреческой мифологии хищные птицы, жившие возле аркадского города Стимфала. Вскормлены Аресом и имели медные клювы, крылья и

когти. Они нападали как на людей, так и на животных. Самым грозным их оружием были перья, которые птицы сыпали на землю как стрелы. Они пожирали урожай в округе, либо также поедали людей.

[12] Кроталы — трещотки.

[13] Моа (*Dinornithidae*; огромные нелетающие птицы, населявшие Новую Зеландию и вымершие ок. 1500 до н. э. Насчитывалось ок. 25 разновидностей, от относительно небольших по размеру и весу до достигавших 3 м. высоты и 230 кг веса; по внешнему виду напоминали страуса).

[14] желудочный камень.

[15] менгир (древнее мегалитическое сооружение — вертикально врытый в землю или просто поставленный вертикально удлинённый камень или каменный столб).

[16] около 15 метров.

[17] Криптозооло́гия («изучение скрытых животных», от др.-греч. κρυπτός — «тайный, скрытый» и зоология) — неакадемическое направление, предметом которого является целенаправленный поиск животных, считающихся легендарными или несуществующими, включая животных, которые в настоящее время считаются вымершими (как например, динозавры); животных, о которых рассказывается в легендах и мифах (как например, единороги или драконы) или о них рассказывают очевидцы (как например, чупакабра или снежный человек); а также животных, существование которых считается невозможным в данной географической местности по причине того, что она находится на значительном расстоянии от ареала их естественного обитания (как например, фантомные кошки или, как их иначе называют, «АВС» (акроним от Alien Big Cats) — чужеродные большие кошки).

Криптозоология исходит из того, что на Земле может существовать определённое количество видов животных, численность которых достаточна для самоподдержания популяций, но мала для обнаружения их зоологами с помощью существующих методов. Основой для криптозоологических исследований служит фольклор, а также сведения, почерпнутые от очевидцев.

[18] После того как монстр Грендель убит героем Беовульфом, мать Гренделя нападает на медовый чертог Хеорот, чтобы отомстить за его смерть. Беовульф ставит себе задачу уничтожить её и отправляется к её расположенному на озере обиталищу — Пещере Гренделя. Когда мать Гренделя чувствует его присутствие, она сразу же атакует Беовульфа и тащит его в своё логово. Затем они сходятся в ожесточённом бою. Мать Гренделя почти побеждает Беовульфа, когда он видит меч в «озере». С помощью меча он обезглавливает мать Гренделя и делает то же с трупом Гренделя, который вернулся к жизни, когда Беовульф прикончил её. Затем Беовульф возвращается на поверхность к своим людям в «девятый час» (ст. 1600, «пōп», около 3 часов дня).

[19] Тюр, Тир, Тур или Тиу (Týr, также Ziu) — в германо-скандинавской мифологии, однорукий бог воинской доблести. Из асов, сын Одина и великанши, сестры Гимира.

Тюр лишился руки, когда асы решили сковать огромного волка Фенрира волшебной цепью Глейпнир. По одной из версий, Тюр вложил свою руку в пасть Фенрира в знак отсутствия недобрых намерений. Когда волк не смог освободиться, он откусил руку Тюра. В соответствии с эсхатологическими мифами викингов, в день Рагнарёка Тюр будет сражаться с чудовищным псом Гармом, и они убьют друг друга.

Имя Тиу исследователи соотносят с реконструированным именем общеиндоевропейского верховного бога, владыки небес (*Dyeus, ср. Зевс, Дьяус, Дэва, лат. Deus «бог»). Предполагается, что Тиу был вытеснен из этой ипостаси Одинем.

Тюру посвящён день недели: вторник Tuesday(англ).

[20] Классификация предназначалась для систематизации расстановки книг в общедоступных американских библиотеках, где до того какие-либо общие принципы расстановки книг отсутствовали. Каждая библиотека использовала свои классификационные системы. Дьюи разработал классификацию в 1873 году, ещё будучи студентом колледжа, и в 1876 году опубликовал её в книге «Классификация и предметный указатель для каталогизации и расположения книг и брошюр в библиотеке».

Впоследствии классификация Дьюи послужила основой для разработки универсальной десятичной классификации (УДК).

[21] Аллюзия на поговорку: Пошел на охоту, да засосало в болоте.

[22] Аллюзия на фразу: Brave New World — «О дивный новый мир».

Поле или аспект жизни, которое кажется новым и часто пугающим, потому что испытывается впервые.